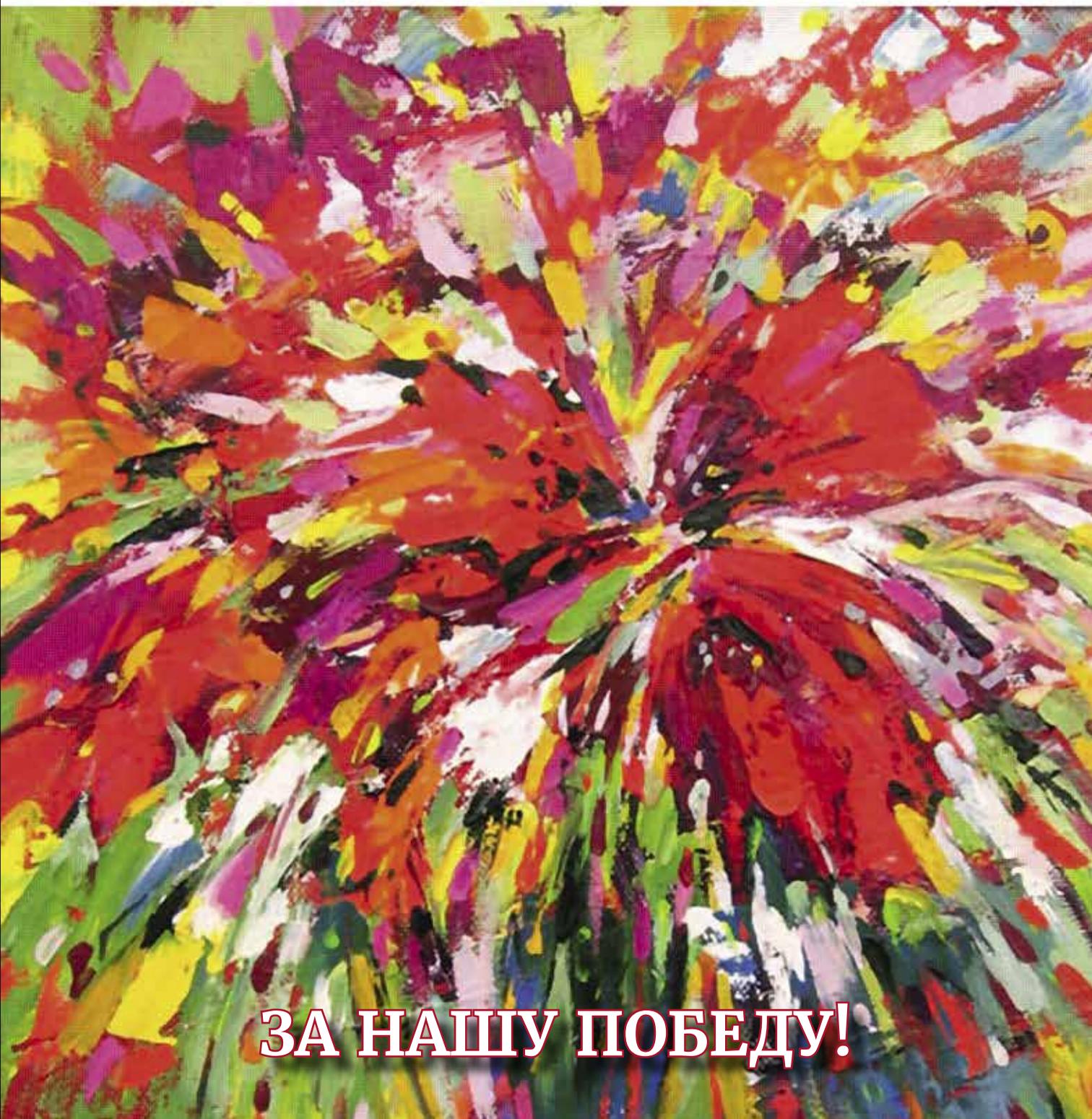

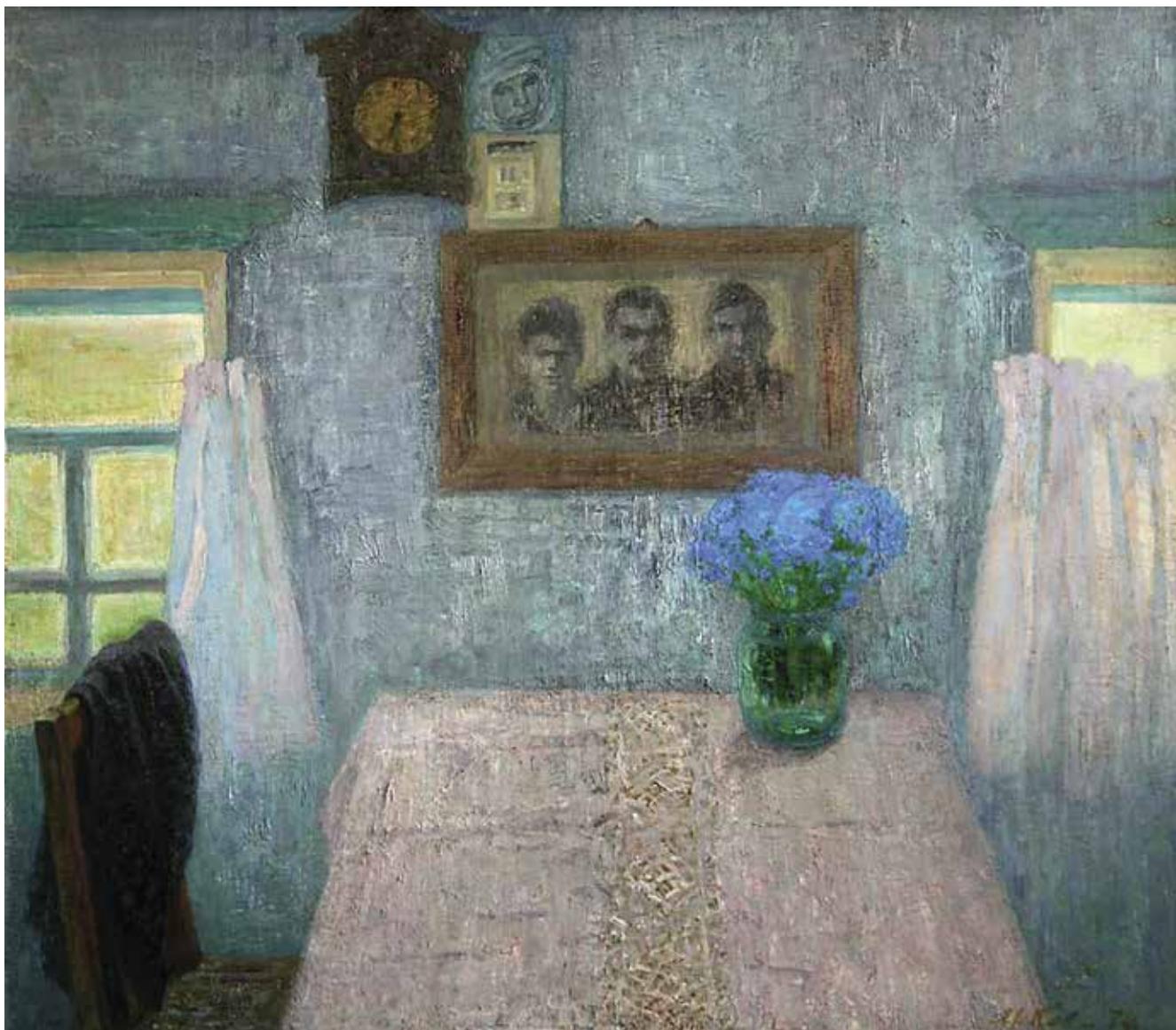
Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

май 2016

ЗА НАШУ ПОБЕДУ!

Майя Ковешникова (1926-2013). «Незабудки». 1974 г.

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

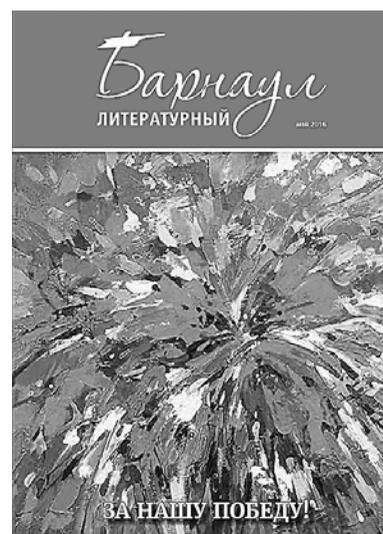

Издается при поддержке
администрации Барнаула

МАЙ 2016

ЗА НАШУ ПОБЕДУ!

- Елена Клишина. «Художник снимает правдиво». 3
О фронтовом кинооператоре Петре Шуляке
- Петр Шуляк. «Записки кинооператора». 8
Фрагмент книги.
- «По высокому курсу». 12
*Константин Сомов о своей книге
«Подарок дочери»*
- Константин Сомов. «Подарок дочери». 13
Отрывок из киноповести
- Елена Клишина. «Норвежская сага лейтенанта Черкасова». 20
Очерк об алтайском фронтовике
- Алтайские поэты-фронтовики о войне. 23
Подборка стихотворений
- Наталья Железникова. 26
«Дорогами войны, дорогой к богу...»
О священниках Алтая, участвовавших в ВОВ
- «Читайте книги о войне!» 30
Список книг о войне с аннотациями

Евгения Октябрь.
«Маковый цвет». 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Артёмов — председатель,
С.А. Боженко,
М.К. Зимогор,
А.Г. Истомина,
С.А. Мансков,
В.Г. Паршков,
Ю.А. Нифонтова.

Главный редактор
Михаил Гундарин.

Заместитель главного
редактора
Елена Клишина.

Наш адрес:
7storon@rambler.ru.

Тираж 500 экземпляров.

Сергей Боженко. «Мои зодчие». <i>Мемуарные эссе об архитекторах-фронтовиках и их друзьях</i>	33
Александр Зуев. «Сны геометрии». <i>Подборка стихов</i>	47
Александр Лобанов. «Стародавняя история». <i>Повесть</i>	50
Наталья Зима. «У времени в ладонях». <i>Подборка стихов</i>	74
Вадим Климов. «Почти в конце сезона, или «How much is томат в Барнауле». <i>Театральный обзор</i>	76
Ольга Колбашева. «Великая Победа и связь поколений». <i>О патриотическом воспитании силами библиотек Барнаула</i>	81
Алевтина Дегтярёва. «Русский – не только по праздникам». <i>Хроника культурной жизни Барнаула</i>	84
Елена Ожич. «Мир нарисованный, живой». <i>О детской мультипликационной студии</i>	86
«После 12» – вдох после выдоха...». <i>Беседа Владимира Токмакова с редактором кемеровского журнала поэзии Натальей Ибрагимовой</i>	88
Александр Ибрагимов. «Сгорающий мост». <i>Подборка стихов кемеровского поэта</i>	90
Александр Рыжов. «Лирика будней и праздников в картинках». <i>Рецензия на выставку</i>	92

Старшее поколение алтайских телевизионщиков и кинолюбителей помнит Петра Шуляка – одного из самых ярких и известных кинодокументалистов Алтая. Его история – хороший пример того, как человек в течение всей жизни следует за своей мечтой, и она ведет его, направляет, дает в руки надежное ремесло, делает из опаленного войной подранка настоящего мастера.

ХУДОЖНИК СНИМАЕТ ПРАВДИВО

Елена Клишина.
Фото из архива редакции.

В 2016 году Петру Евсеевичу исполнился бы 91 год. Его творческая жизнь была, как он сам считал, очень короткой – всего 20 лет. Потому, что началась она поздно – после фронта и долгой учебы во ВГИКе, когда Петру Шуляку было уже за сорок. Но за эти два десятилетия он снял множество документальных фильмов. В Госфильмофонде хранится около трехсот работ нашего земляка.

В 2007 году Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая издал книгу «Записки кинооператора», в которой Пётр Евсеевич рассказывает о своей жизни. Эта книга появилась благодаря Елене Огневой, в то время научному сотруднику ГМИЛИКА, так как сам Пётр Евсеевич, в общем-то, не считал важным записывать свои воспоминания. О своем супруге читателям журнала «БЛ» рассказывала Любовь Задорожнева, режиссер краевого телевидения, работавшая вместе с мужем на ТВ.

ДЕДОВА НАУКА

Пётр Шуляк родился в 1925 году в селе Завьялово Искитимского района Новосибирской области. Когда маленькому Пете исполнилось четыре года, а его брату – два, их родители разошлись, и старший оказался в детском доме в Камне-на-Оби, а младший – в людях, отдали в семью шляпника. Однако вскоре детей забрали к себе дедушка Прокопий Сидорович и бабушка Екатерина Григорьевна. В семье деда внуки жили на пасеке, удаленно и обособленно, и даже свои первые знания они получали не в школе, а от деда. Но подготовка их была так хороша, что Петра Шуляка, ранее школу не посещавшего, в 12 лет сразу приняли в четвертый класс.

Жизнь на пасеке дала Петру очень многое

из того, что потом пригодилось ему и на фронте, и в киноискусстве. Дед вкладывал в своих внуков по максимуму: учил обращаться с ружьем, охотиться в тайге, покупал учебники и всячески поощрял тягу к знаниям. Дед же подарил внуку первый фотоаппарат «Фотокор», рассчитывая дать Петру ту «удочку», которая прокормит его в дальнейшей жизни. Дедовское таежное воспитание помогло выстоять в годы войны, а красота алтайской природы, как потом понял Пётр Евсеевич, научила видеть красивое, понимать красоту и запечатлеть ее на пленке.

Любовь Задорожнева:

– Его дедушка был мудрым человеком. Все его наказания в точности сбывались. Подаренный фотоаппарат Пётр Евсеевич хранил до конца своих дней, он и сейчас является одной из главных реликвий нашей семьи. Когда после войны Пётр Евсеевич вернулся к фотографии, то, работая фотолаборантом на новосибирском аэрогеодезическом предприятии, стал основательно изучать теорию фотосъемки. Это очень помогло поступить ему во ВГИК. В 1957 году, когда открылся заочный факультет для кинооператоров, он был первым сибиряком, поступившим в институт кинематографии и окончившим его спустя семь лет. Когда он поступал, ему было 32 года, – серьезный по тем временам возраст, а окончил, когда было 39.

Когда началась война, Пете было всего 16 лет, он как раз окончил семилетку. В 1943 году дедушка, отправляя внука в Новосибирское военно-пехотное училище, сказал Петру: «Ты люби Родину и не сдавайся в плен. Никто еще не побеждал русского солдата». А ведь мальчишке еще и 18 лет не было. Вот сейчас наши внуки в таком же возрасте, и представить невозможно, если завтра вдруг война. Однажды

у нас на даче Пётр решил дать внуку пострелять из газового пистолета: «Люба, он должен уметь стрелять». У меня — большой страх за внука и великая ответственность за него перед родителями. А Пётр мне сказал: «Разве у моего деда не было ответственности за меня? Эти его уроки и помогли мне выстоять».

Вот как сам Пётр Евсеевич вспоминал свои первые киноопыты:

— Иногда к нам на пасеку приезжал фотограф и снимал нас с дедом и бабушкой. После его приездов я, еще будучи дошкольником, усаживал бабушку «фотографироваться»: переворачивал стул, накрывал его бабушкиной шалью и воображал себя фотографом. На подаренный дедом «Фотокор» я снимал еще и сам себя — брал в библиотеке книги, смотрел в них фотографии и принимал разные позы. Вот, к примеру, это я из чеховской «Чайки» изображаю. *(Из интервью Петра Шуляка 2000 года).*

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Своим лучшим другом до конца дней Пётр Шуляк считал Алексея Ермолова, с которым делил тяготы фронтовой жизни. В годы войны события их жизни развивались параллельно, но они долго не пересекались. Пётр и Алексей учились в одном училище, были отправлены на фронт после ускоренного, полугодового курса, без выпуска и присвоения лейтенантских званий. Оба были определены в один стрелковый полк и боевое крещение получили в начале сентября 1943 года под городом Котельвой Сумской области. Оба были ранены, лечились в одном госпитале, но встретились и познакомились только в запасном полку,

где оказались уже после лечения. Общие воспоминания и многочисленные совпадения фронтовых биографий быстро сделали их друзьями. Военную службу парни продолжили в качестве связистов 121-го особого гвардейского батальона связи. Война для них окончилась в австрийском городе Мельк.

За доблесть, проявленную в годы войны, Пётр Евсеевич был награжден орденом Славы 3-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу» и за взятие Вены и Будапешта, «За победу над Германией». Его друг Алексей Ермолов был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

После войны жизнь развела фронтовых товарищей в разные стороны: Алексей Ермолов стал кадровым военным и ушел спустя много лет в отставку в чине генерал-майора. Пётр Шуляк выбрал мирное ремесло, став кинооператором. Встретиться снова им помогла профессия Петра Евсеевича. Во время одной из своих командировок в Москву Алексей Ермолов зашел в кинотеатр. Перед сеансом на экране показывали документальный фильм о поездке алтайских передовиков сельхозпроизводства в Венгрию. В этой поездке участвовал и сам Пётр Шуляк — глядя с экрана, он сказал, что в годы войны освобождал Венгрию от фашистов, а сейчас вернулся сюда с кинокамерой. Алексей Иванович, едва дождавшись финальных титров кинохроники и окончания сеанса, начал разыскивать боевого друга через Западно-Сибирскую студию кинохроники, на которой работал Пётр Шуляк. Когда они встретились в Новосибирске, то больше фронтовые связисты связь друг с другом не теряли.

Любовь Задорожнева:

— Хоть воспоминания были у них об одном, но все же разные. Поэтому и споры

у них происходили, но их дружбе они уже никак навредить не могли. Оба — сибиряки: Алексей Иванович был родом с Алтая, из Акутихи, живет в Новосибирске. Петя — из Искитима, жил на Алтае в детстве и вернулся сюда из Новосибирска. И, к сожалению, ни одна из этих встреч не была заснята на пленку. А какой бы мог получиться киноочерк об этих двух судьбах!

Пётр Евсеевич и Алексей Иванович, вспоминая о фронте, рассказывали, что их, мальчишек из пехотного училища, отправили в бой и даже винтовок не дали, сказали: «Вы их там найдете». Пётр Евсеевич всегда помнил о том чувстве беспомощности, которое испытывал необстрелянный безоружный солдатик перед силой наступавшего врага: летят самолеты с крестами над головой, идут танки, а ты ничего не можешь сделать! Когда мы смотрели фильм «Баллада о солдате», Петя мне говорил: «Если бы у меня тогда была хотя бы граната, хотя бы бутылка с зажигательной смесью!» — это про тот бой, в котором он получил свое первое ранение.

Я сама была седьмым, младшим ребенком в семье погибшего фронтовика. Мой отец погиб примерно в то время, когда были ранены он и Алексей Иванович, вот такое совпадение. К нашей большой семье и к памяти моего отца Пётр Евсеевич всегда относился с большим уважением, всех принимал и в судьбе всех участвовал. Так получилось, что мы не первая его семья. И когда он стал общаться с первой семьей и помогать своим старшим детям и внукам, наша семья стала еще больше. Он долго не мог наладить с ними контакт, но, когда это удалось, ему стало легче и спокойнее. А когда мой сын Антон Федотов выбрал профессию оператора, он был рад передать ему весь свой опыт.

СУДЬБА ПРИВОДИТ КУДА НУЖНО

Во время войны Пётр Евсеевич даже и не вспоминал о фотографии, и трофейным аппаратом, освобождая страны Восточной Европы, тоже не обзавелся. А после войны снова потянуло его к подсказанному дедом ремеслу. Пётр пришел в один из новосибирских магазинов покупать фотоаппарат и случайно познакомился там с кинооператором Новосибирской студии кинохроники Евгением Качиным, который пригласил его работать на студию.

В мае 1947 года Пётр Шуляк стал помощником кинооператора студии «Сибтехфильм», на которой снимали научно-популярные фильмы и кинохронику. Пётр был принят в цех комбинированных съемок — зарплата была очень маленькой, но зато начинающий кинооператор научился работать со светом. Через год, в 1948-м, студию перевели в Свердловск, но Пётр, уже имея жену и двоих детей, поехать к новому месту работы не смог. Он устроился

на аэрогеодезическое предприятие и делал фотосъемки, которые потом использовались для составления топографических карт. Попутно учился фотографии: читал книги, общался с фотографами.

Кроме этого, ему еще пришлось окончить курс средней школы и получить аттестат о среднем образовании. Удалось не с первой попытки — несколько раз Пётр, фронтовик и семьянин, садился за парту с молодыми ребятами, поступал дважды в техникум, в вечернюю школу. Но оценки были плохими, прежние школьные знания казались прочно забытыми, и уверенности в себе не было никакой. Дело пошло, когда к уже почти павшему духом Шуляку по просьбе учителей пришли другие вечерники-фронтовики. Они уговорили его вернуться к учебе в вечерней школе, и с тех пор почти все его оценки были отличными.

Но даже после получения аттестата бывший фронтовик ощущал себя в мирной жизни неважно. «В 1953 году (в 28 лет. — *Прим. ред.*) получил аттестат, отпраздновали. Школу окончил, но в принципе кто я — да никто. Материально становилось легче, но мысли об учебе постоянно были. Еще в один институт поступал, геодезический, но быстро понял, что это не мое. Я решил: буду фотографом или кинооператором», — рассказывает Пётр Шуляк на страницах «Записок кинооператора». Но, чтобы поступить во ВГИК, ему еще четыре года потребовалось ждать открытия заочного отделения на факультете кинооператорского мастерства.

Если судьба решила дать в руки человеку определенное ремесло, то этому уже ничего не может помешать. Объявление о том, что заочное отделение ВГИКа открылось, Пётр Шуляк увидел в газете только за две недели до начала экзаменов. Фотографий, которые нужно было отправить для поступления, набралось меньше, чем нужно. Вызов на экзамены из приемной комиссии ему отправили письмом, а не телеграммой, и на вступительные испытания сибиряк мог бы и вовсе не попасть, если бы

не сообразил сам позвонить во ВГИК за три дня до начала экзаменов. Абитуриент летел в Москву на двухмоторном ИЛе, пришел во ВГИК с чемоданом, в костюме старого фасона, привезенном еще из Венгрии.

Его соперники по экзаменам и вид имели получше (многие были москвичами, ленинградцами, киевлянами), и были более уверены в себе, так как уже имели опыт работы в кино, сыпали в разговорах громкими фамилиями. Кто-то из поступавших был знаком с Эдуардом Тиссэ, кинооператором, работавшим с Сергеем Эйзенштейном и Григорием Александровым, кто-то успел стажироваться у Анатолия Головни, сотрудничавшего с основоположником советской операторской школы Александром Левицким и режиссером Всеволодом Пудовкиным. Но многие из них засыпались на экзамене по теории фотографии, другие не прошли после разбора присланных снимков. Оба эти испытания Пётр Шуляк выдержал на хорошо,

Головня и Тиссэ оценили его фотографию спящей дочери выше, чем снимки прочих абитуриентов.

Как вспоминает в книге Пётр Евсеевич, учиться было очень трудно: работая в геодезии, а не на студии, нужно было где-то доставать киноплёнку, в том числе дефицитную цветную, возить ее на обработку в Москву, снимать этюды, писать отчеты и сдавать экзамены. В один из особо трудных моментов Пётр даже решил бросить ВГИК, как до этого бросал учебу в техникуме или вечерней школе. Но душа-то требовала, но мечта о кино звала! И в 1964 году, спустя семь лет после поступления, Пётр Шуляк, защитив работу на отлично, получил заветный диплом с квалификацией «Кинооператор», ставший пропуском в мир кинематографии.

Любовь Задорожнева:

– Самую первую свою киноработу он снял на любительскую камеру еще до ВГИКа. Это был небольшой сюжет о том, как его сын пошел 1 сентября в первый класс. Он сам удивлялся: «Ну надо же, проявлял пленку, что называется, в ведре – и так хорошо получилось!».

Он был не из каждых. У него был особенный талант, своя магия кадра. Когда он снимал своего героя, он как будто влюблялся в него, и эта любовь через камеру передавалась на пленку. Портреты героев получались у него особенно хорошо. Когда Пётр Евсеевич снимал, и герой ему нравился, то у него самого даже выражение лица было другое.

Снятые им кадры я узнаю в любой кинохронике. Он мог часами ждать нужного

СПРАВКА:

В годы Великой Отечественной войны Пётр Евсеевич Шуляк стал участником нескольких боевых операций: Корсунь-Шевченковской, Яссо-Кишиневской, Уманско-Христиновской. Он воевал на Украине, в Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии, участвовал во взятии столиц этих государств. Кроме наград, Пётр Евсеевич получил 18 благодарностей от Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина.

После окончания ВГИКа в 1967 году Пётр Шуляк стал оператором Новосибирской студии кинохроники. Уже через год он был назначен начальником кинокорреспондентского пункта студии в Алтайском крае, где проработал до 1980 года. За эти годы снял около 20 документальных лент и более 500 сюжетов для киножурналов «Сибирь на экране» и «Новости дня».

Среди самых известных работ того периода – «Сегодня кино» (1975), «Если ты крестьянский сын» (1978), «Его профессия – дояр» (1976). Одним из последних, снятых для студии кинохроники, стал фильм «Сибиряк Николай Муравский» (1980) о мальчишке, который в годы войны был спасен и усыновлен польской семьей, а после войны стал искать родных и в итоге оказался в Барнауле.

Во время работы в корпункте Пётр Шуляк объективом своей кинокамеры запечатлел для истории Леонида Брежнева, Роберта Рождественского, космонавтов Германа Титова и Василия Лазарева, Героя Социалистического Труда Илью Шумакова, актеров, приезжавших на Алтай, – Николая Рыбникова, Евгения Матвеева, Леонида Быкова, певца Эдуарда Хилия и многих других.

В 1980-1991 годах Пётр Шуляк работал оператором Алтайской студии телевидения, и многие его работы были посвящены выдающимся деятелям культуры края – Дементию Паротикову, Леониду Калинин, Владимиру Бакитко, Василию Семеничну. Пётр Евсеевич также снимал сюжеты для новостей и программы «Время» Центрального телевидения.

В 1990 году в Алтайском крае было создано отделение Союза кинематографистов СССР, которое возглавил Пётр Шуляк, а до этого он был секретарем Западно-Сибирского отделения и членом Центральной ревизионной комиссии Союза. В возрасте 85 лет Пётр Шуляк стал председателем жюри Шукшинского кинофестиваля.

Заслуженный работник культуры. Пётр Евсеевич Шуляк ушел из жизни в 2013 году.

освещения, нужной детали, нужного состояния героя. В работе всегда был точен и даже педантичен — свою технику он сохранил в идеальном состоянии, при определении степени освещенности никогда не полагался на свой глаз, а пользовался экспонометрами. Их у него даже было несколько: один рабочий, другой контрольный. В съемках, которые мы делали для наших совместных фильмов и программ, никогда не было брака — ни одной соринки в кадре или материала не в фокусе. В те времена, когда пленка отмерялась метражом, а с режиссера взыскивали за ее перерасход, качество отснятого материала, отсутствие в нем брака было очень важно. Съемки с Шуляком были своего рода гарантией, что брака не будет, что ни один кадр не будет отправлен ОТК в корзину.

Одна из фраз, которую он всегда повторял: «Пижон снимает крикливо, эстет — красиво, а художник снимает правдиво». И сам всегда старался снимать правдиво.

Сейчас другая техника, и работать с ней, конечно, легче. Но тот, кто снимал на пленку, видел все по-другому. О видеоканнере он говорил, что с нею можно такую сказку снимать!

Кино было его мечтой, главной любовью всей жизни. Верность профессии он сохранял до конца своих дней. Пётр Евсеевич сожалел только об одном: что пришел в кино поздно и сделал мало, но не по своей вине или лени. Просто его жизнь так сложилась. Но за этот период он сделал так много, что другим, может быть, и не снилось. А учиться он не переставал даже на пенсии.

Вот его книга «Экран и жизнь», изданная в 1972 году. Он вся в его пометках. Что он мог после ВГИКа узнать в ней нового? Но он читал ее постоянно, пока работал с камерой. Досконально изучил свою «Волгу», сам водил машину до 88 лет, до последних дней. Прекрасно разбирался в живописи, знал химию и физику, без книг я его не помню.

12 лет он проработал кинооператором в алтайском корпункте Новосибирской студии кинохроники и там был очень самостоятельным в творческом плане: сам выбирал, что и как снимать. Его работы шли на широких экранах по всей стране, получали награды на всесоюзных фестивалях.

Придя в 1980 году на краевое телевидение, он стал работать в союзе с авторами программ и режиссерами, и в нем не было ни капли того, что сейчас называют звездностью. И в 57 лет он работал без всяких скидок на возраст: если того требовал замысел, забирался вместе с аппаратурой высоко в горы, бежал с камерой в руках за комбайном, чтобы снять, как ложится скошенная трава или пшеница. Ему не страшно было снимать, стоя по колено в бурной ледяной весенней реке. Потому что в годы войны он с проводом переплывал ледяной Днепр.

Он был не из каждых. Я благодарна судьбе за то, что она познакомила меня с ним. Я многому у него научилась, и когда он вышел на заслуженный отдых, а я продолжала работать, то тосковала по тому времени, когда мы снимали вместе. Каждый кадр, каждая наша работа живут в моей душе, и они никуда не уходят. И в этом смысле я безумно счастливый человек.

«Если у оператора нет культуры, таланта, «приклада», как мой дед говорил, то он что видит, то и снимает. Я только к концу жизни понял, как снимать надо. Правдиво снимать надо». (Пётр Шуляк в интервью газете «Свободный курс» 2000 года)

«Записки кинооператора» (фрагмент книги)

Пётр Шуляк.

НА ФРОНТЕ

Война. Война... Я в 1941 году закончил семь классов и приехал на пасеку, домой. И как-то так случилось, что о войне мы узнали дня на два — на три позже, потому что мы жили вдалеке, в тайге, и весть о войне дошла как-то так тихо. Рядом работали бригады на сенокосе, приехал гонец и сказал, что началась война. Взрослые восприняли известие с тяжестью, тревогой, а для нас — это было непонятное ощущение. Война и война. Тогда ведь пропаганда трубила, что война скоро закончится, что мы врага уничтожим на границе. Жизнь продолжалась, мы также работали, мед собирали, сдавали государству.

Новости с фронта приходили очень редко, и поэтому война как бы шла мимо. Мобилизации никто из нас не подлежал. И мы по-прежнему жили, как будто ничего в стране не происходило. В первые полтора военных года я начал заниматься фотографией, благо фотоаппарат у меня был. За это время я сделал две приличные фотографии.

Случилось так, что дом отдыха, при котором работал дедушка, бросили и разрушили. Он не охранялся, и его потихоньку начали разграблять. Мы с бабушкой поехали туда на лошади, посмотрели, походили по знакомым местам. И зашли в библиотеку. Что меня там поразило — стоял рояль (что это такое, я понятия тогда не имел). На полу были разбросаны книги. Штук 30-40 книг я собрал, мы положили их на сани-розвальни и привезли на пасеку. А зимой — делать нечего, а тяга к знаниям у меня была всегда, — я начал читать. Это были книги Тургенева, Белинского, Некрасова и других классиков. Были книги по театру, про Станиславского, Немировича-Данченко.

Впечатлений было много, мне хотелось их как-то выразить. Попытался рисовать, стихи писать, но у меня не получалось. Вырос я на природе, и, видимо, чувство красоты у меня воспитала сама природа. В доме я часто сидел у окна, за которым стоял репей, зимой он был высохшим, с колючими шишечками, к нему часто прилетали снегири. Эта картина — белый снег, коричневатый репей и яркие красногрудые снегири — притягивала взгляд. И я как-то заметил: смотрю вдаль, там стоит репей, и что-то мешает, что-то не то, я взял и отошел в глубину комнаты. Стена, в ней окно, в окне — репей. Получился как бы крупный план. (Все происходило интуитивно, это я сейчас осознаю смысл происшедшего). Подойдешь ближе — получается общий план, отойдешь дальше — крупный план. Я таким образом интуитивно «занимался» окном, как душа просила, а, по сути, это была кадровка.

Потребность все лишнее убрать я почувствовал еще тогда, у этого окна. Потом, при кино съемках либо фотографируя, я очень хорошо чувствовал кадр, практически рефлекторно. Я сразу видел все лишнее, и это лишнее убирал. А это — главное в моей профессии.

Бабушка и дедушка тоже думали, что война скоро закончится. Прошел 1941 год, прошел 1942-й. И в декабре 1942-го пришло извещение о призыве в армию. В этом плане связь работала хорошо, как ни странно. Ехать надо было за 70 км, в райцентр, город Искитим.

Проводы были без шума: тихие, скромные. Бабушка собрала, правда, со слезами, вещицы, которые были указаны в повестке. Запрягли с братом лошадку, надели валенки, взяли тулупы. От дома дорога шла на пригорок, поднимались пешком. И вот когда мы уже на гору поднялись, дед мне сказал: «Внучек, служи хорошо, слушай начальство и не вздумай сдаваться немцам в плен. И запомни, что русских никогда и никто не побеждал. Вот тебе мой наказ». Мудрый был старик. Я тогда не ощутил ни тревоги, ни боли. Было ощущение неизвестности. О плохом не думалось. Жизнь на пасеке была настолько замкнутой и самодостаточной, что война на нее не оказала никакого влияния. Как жили, так и продолжали жить. Только горестные вести от соседей, у которых убивало близких, и напоминали о том, что где-то идет война.

И вот приехали в Искитим. Там собралось человек 20 мальчишек. Прошли комиссию. Нам сообщили, что все едут в Новосибирск. Посадили на пригородный поезд с сопровождающим и привезли в военно-пехотное училище. Так я стал курсантом Новосибирского военного пехотного училища. Началась тяжелая муштра.

Я, с пачки, из-под крылышка бабушки, сытый и обласканный, оказался в обстановке жесткой, с тяжелой физической и моральной нагрузкой, порой просто невыносимой. В 6 часов утра — подъем, в 11-12 часов ночи — отбой, за это время нам не давали присесть ни на минуту: все время гоняли. Были и теоретические занятия, они проходили в холодных классах, в казармах тоже было холодно. Мне кажется, что там вообще не топили. На утреннюю зарядку в 20-25 градусные морозы выскакивали по пояс раздетые.

Так я проучился в училище с января по август 1943 года. Тяжело было, но мое «таежное» воспитание и воля позволили пройти это испытание достойно. Я получил звание сержанта, стал помкомвзвода. Потом последовало решение командования: курсантов из нескольких сибирских училищ срочно отправить на фронт без присвоения званий. И где-то в августе погрузили нас в Новосибирске в эшелоны, и поехали мы на фронт.

Первое мое столкновение со смертью случилось еще в пути. Нас бомбили, мы выскакивали из вагонов, разбегались. Бомбежка прекращалась, мы возвращались в вагоны и двигались дальше. Ехали мы, наверное, дней 20, я сейчас точно уже не помню. И первую кровь я увидел в этом пути. Остановились мы на одной станции, там стоял разбомбленный эшелон с минами. А нам давали концентраты, их надо было варить. Время позволяло, решили развести костер, заварить кашу-концентрат, горяченького хотелось. И я развел костерочек, сижу, котелочек держу. Сидел один. Вдруг вижу: и костерочек, и котелочек стали подниматься вверх... И вдруг взрыв! И все полетело мне в лицо. Я лицо руками закрыл, думаю — все, мне глаза, наверное, выбило, в ушах звенит, оглох. Потом потихонечку глаза открываю — вижу! Я обрадовался, схватил котелок и побежал в свой вагон, лег на нары. А на моих глазах трое ребят также варили на костре, и там тоже рвануло. Сильно рвануло, многих покалечило, руки поотрывало. И, когда я увидел кровь, меня затошнило, голова закружилась... Это взорвалась мина. А возле меня, похоже, взорвался взрыватель от мины, и мне лишь мелкими осколками попортило лицо. Мне повезло, все обошлось. Мы поехали дальше.

Потом постепенно нас стали вводить в бой, сначала во второй эшелон, потом в первый эшелон. И так мы ввязались в бой.

В это время (а дело было между Киевом и Полтавой, в районе Котельвы) наши упорно наступали, а немцы отчаянно сопротивлялись. Шли сильные бои. Я пробыл на передовой дней пять или шесть. Почти непрерывно наступали, спали не больше одного-двух часов. Только поднимемся в наступление, немцы накрывают огнем из танков и пулеметов. Опять ложимся. Только маленько окопаемся, опять в наступление. И так непрерывно, на протяжении нескольких дней подряд. Все были крайне измотаны. Я был связным от командира роты к командиру взвода. В последние дни картина была тяжелой: идешь — там убитый знакомый, там убитый из взвода лежит на поле. Освободили-то мы немного, наверное, километра три всего. У немцев на этом участке было много авиации и танков. А у нас их и не видно было.

Первые бои — это ощущение твоей беспомощности перед силой, с которой ты не можешь бороться. Летят самолеты высоко-высоко... Они бросают бомбы. Бомбы свистят. Вообще, это страшно. И ты ничего не можешь сделать! Сидишь и ждешь. На тебя упадет — не на тебя. Упала на других — значит, тебе повезло. Или другая ситуация. На мой окопчик налетели легкие бомбардировщики-истребители. И вот, смотрю, заходят пять самолетов передо мной и пикируют. А нас в училище учили: если бомбы сбросят над тобой, то они улетят далеко, если сбросят перед тобой, то упадут прямо на тебя. И вот, смотрю, заходит эта пятерка прямо вдоль моего окопчика. А летят низко, даже заклепочки видно, морду летчика даже видел.

И вот, смотрю, вылетают бомбы кучкой и летят на меня. Я упал в окоп и думаю — все, сейчас в спину воткнется... Потом как жхнет! Всего землей засыпало меня. В голове звон. Самолеты улетели. Я выглянул. Рядом воронка. Бомба была маленькая. Меня не повредило. Вот это ощущение безысходности или рока какого-то. Ты не можешь ничего сделать. Из винтовки стрелять бесполезно. Такими были ощущения от первого моего боя.

Потом командир роты (он находился от передовой в 50-100 метрах) посылает меня привести три пулеметных расчета. Была осень. Уже стемнело. Ночь была лунная, красивая. Стояло поле высушенной кукурузы, мне сказали условное место расположения станковых пулеметов. Мы с ребятами пошли по этому кукурузному полю. Вдруг слева пулеметная очередь как по нам жхнет. Прямо над головой пули трассирующие полетели. Мы упали. Я сказал ребятам оставаться на месте, а сам пошел по дороге влево. Я, наверное, метров 50 прошел, вышел из кукурузы в чистое поле, и справа, наверное, метров 15-20, стоит немецкий танк — кресты видно. Мотор урчит тихо-тихо, открыт люк, слышна немецкая речь. А за этим танком еще четыре стоят в ряд. Вот, думаю, гранаты бы сейчас или бутылки с зажигательной смесью... Решил вернуться к ребятам. Только мы все вместе пошли вперед, как он опять очередь дал! И я упал вниз лицом. И было ощущение, как будто обухом топора меня ударили по ноге. Стало горячо. Ну, думаю, оторвало ногу. Хорошо, я был близко к танку и пулемет не мог меня достать, а то бы он меня прошел насквозь. Я ногу оцупал — целая, слава богу. Идти я не мог, я долго полз. Мы были в котле, и мне пришлось километра четыре ползти, потом я смог встать на ноги, на винтовку опирался и шел. Была мучительная жажда, воды нет. Уже к утру добрался я до устья этого котла.

Смотрю, сидит пожилой солдат, спрашивает: «Ты что, сынок?». «Да вот, — говорю, —

ранило...». Он мне говорит: «Тут в окопчике солома застелена, ложись, спи. А утром здесь повозка будет — возят раненых. Как повозка появится, я тебя разбужу». А солдат тот был уже дедом, мне 18 лет, он ко мне как к сыну отнесся, покормил меня. Лег я и провалился в сон как убитый.

И вижу во сне родные места. Я вроде бы на пасеке. Мы с братишкой спали под березой ночами, когда дождей нет, кровать стояла под развесистой березой... Пошевелившись, а ногу-то больно, и я вспомню, что я на фронте. Потом опять забудусь. Потом солдат разбудил, говорит: «Сынок, вставай. Повозка пришла». Залез я на эту повозку.

Да, прежде чем я до солдата этого дошел, мне пришлось речушку переходить. Пить очень хотелось. Я из речки напился. А утром рассвело, смотрю я, в этом ручье убитые лежат наши и немцы. В общем, сел я на повозку, а надо было от речки подняться на гору, а за горой уже наш санитарный батальон. И только мы проехали полгоры, как немцы из минометов открыли ураганный огонь в нашу сторону. Я кричу: «Гони!». Короче, мы кое-как проскочили. Привезли меня в санбатальон, положили на стол, перевязку сделали и отправили в госпиталь.

Прошло около двух месяцев, как мы выехали из училища и, оказавшись в госпитале, первый раз помылись в бане. Произвели дезинфекцию — в бочке, чтобы вшей не занесли. Намылись мы, и — в кровати, сделанные из жердей, застеленные белыми простынями... И я лег на эту простынь и уснул. Почти неделю спал. Меня разбудят, покормят, я опять сплю. Рана вскоре стала заживать, легкое ранение было. И дней через 20, наверное, меня выписали из госпиталя. И опять своим ходом на фронт.

Я попал в прифронтной запасной полк, куда возвращаются раненые. И приходили туда с фронтовых зон «купцы», как мы их называли, набирать себе пополнение. В этом полку я встретился с курсантом Ермоловым Алексеем Ивановичем, Лёшей я его называю, мы с ним вместе были в училище. Мы были ребятами подготовленными — в училище нас готовили в офицеры, поэтому нас с охотой брали «купцы». Получилось так, что нас человек 25 отобрали, и попали мы в отдельный 121-й гвардейский батальон связи, в котором я и Лёша прошли всю войну до конца.

Служба была тяжелая и опасная. Когда все тихо, так вроде и делать нечего. Но как только начиналось наступление... Если при обстреле провод перебивало, ты должен идти на линию, налаживать связь. Тебя не спрашивают. Там хоть что: дождь, грязь, немцы, мины... Ты должен восстановить связь. Я свой долг старался выполнять на совесть. В этом батальоне получил две боевые награды: медаль «За отвагу» и орден Славы III степени.

Первую награду получил, в общем-то, неожиданно. Любой приказ, любое задание на фронте не выполнить нельзя. Либо погиб, либо выполнил. Выбора нет. Ситуации возникали разные: перебило связь осколком или немцы кабель порвали и засели в засаде ждать связиста, чтобы взять в плен. Ты ничего точно не знаешь, но должен идти и линию исправить. Порядок такой: на контрольных станциях, расположенных через каждые 5 км, находились по два человека, если линия перебита, то с каждой станции навстречу друг другу выходят по одному связисту, кто раньше найдет повреждение, тот и исправляет его.

В Венгрии (близ города Секешвехервара, в районе озера Балатон) произошел такой случай. Дело было под Новый год. Немцы выставили рупор и на русском языке поименно поздравили с Новым годом все командование, а наутро пошли в атаку. Перебило линию, поступил приказ: «Давай связь!». И я пошел. А линия шла от этого населенного пункта до соседнего села вдоль шоссе. Погода была пасмурной, туман. Шел вдоль дороги, мимо немецких танков, мимо самих немцев, которые, скорее всего, меня не видели. Только я линию соединил, мне сказали, что нужно уходить. Это было мое единственное отступление за всю войну. На контрольную станцию обратно идти уже было нельзя. Я примерно знал, куда нужно продвигаться, и пошел прямо по целине. Опять наткнулся на немецкие танки. Что меня спасло, я не знаю. Шел я с телефонной трубкой, а одет был в немецкую генеральскую шубу, подбитую заячьим мехом. Был сильный мороз, с бураном. Каким-то чудом прошел я, незамеченный немцами. И к рассвету добрался до деревни, где были наши. Нашел свой взвод, захожу в дом, а они уже сидят, меня поминают... Я думаю, за этот случай и дали медаль. Хотя сколько таких случаев было!

А с орденом история была другая. Наш отдельный гвардейский батальон связи приравнялся к полку. Из всего батальона за всю войну орден Славы получили я и Ермолов Лёша. Наш батальон участвовал в Яско-Кишинёвской операции. Обеспечение связью осуществлялось так: наладили линию, затем войска идут вперед, а ненужную линию (а это 20-30 км) мы сматываем, получая приказ проложить новую линию к такому-то числу до таких-то пунктов. А на обозначенной территории еще находятся немцы! В этот раз времени нам дали очень мало, шли мы ночью через лес. Утром добрались до села, а в нем нет ни одного жителя, стоит одна наша разбитая самоходка. Село находилось в гористой местности, в долине речки. Только мы осмотрелись на местности, как тут же заметили, что в долину спускается цепь немцев (мы и не сразу разглядели, что это немцы), за первой цепью — вторая, третья, четвертая, пятая... Стоим, вдаль смотрим, обернулись, а немцы уже в 10-15 метрах от нас в речке умываются! Было часов 11 утра. Что делать? Мы на возвышенности, в зарослях, спрятали повозку и заняли круговую оборону. И вот с 11 до 4 часов дня так противник и шел, цепь за цепью. Получилось так, что немцы попали в окружение, и им открыли «окно» для того, чтобы разбить. Немцы ринулись отходить. А мы оказались прямо на их

пути. Отходила не только немецкая пехота, но и танки, артиллерия, шли повозки и пр. Вя-зваться в бой было бессмысленно. Немцы шли мимо, нас не замечали. Так мы и проси-дели часов до 6 вечера. Потом смотрим – летит кукурузник. Немцы сразу легли на землю и стали давать автоматные очереди. Самолет улетел. Минут через 30 появились шесть ИЛов. Пролетели низко, прямо над нами. Еще подумал, сейчас как сыпанут прямо на нас. Нет, бомбить не стали, улетели. Но немцы, боясь бомбежки, изменили порядок движения. Вот тут-то они на нас и наткнулись! А нас было человек 12. Я находился рядом с командиром взвода лейтенантом Иваном Каревым, посоветовавшись с ним, я открыл огонь из автомата и убил двух немцев. Немцы кинулись врассыпную. Сразу же послышалась команда немец-кого офицера. 20 немцев выстроились цепью и, с живота ведя огонь (как снимают в кино), пошли на нас. Сначала мы укрылись от огня в зарослях акации, потом бросились в атаку по направлению к нашим... Лицо и руки я сильно поранил о шипы акации, весь был изма-зан кровью. Штаны порвались, колени голые. Гимнастерка расстегнута, рукава засучены. В таком виде я выскочил на немцев, они, видимо, испугались. Мы больше стрелять не ста-ли, и немцы стали отходить. Жить хочется каждому...

А следом-то идут другие немцы. Надо было решать, что делать дальше? Кто-то предло-жил впереди немцев уходить в тыл. Но мы с лейтенантом решили пробиваться к своим. Уже был слышен дальний бой нашей пехоты с немцами. И мы пошли. Пришлось вступить в ближний бой. Убил я тогда человек шесть – семь, набрали пленных мы человек 70! Нас са-мих было где-то восемь человек (часть людей в тыл отошла). Здесь помогло мне, наверное, что когда я жил в тайге и охотился, то обрел некие полезные навыки. Вот вижу я, что немец в меня целится, и думаю, вот стоит только мне остановиться, как он сразу меня убьет, и я бегу. Если бояться смерти и думать, вот сейчас меня убьют, то тебя действительно убьют.

Последнего немца я не смог убить, прицелился, нажал на спуск, а у меня заклинило: пружина не стала подавать последние патроны. Ну, думаю, конец! Бегу к нему... Бегу и ду-маю, сейчас пристрелит. Только бы добежать до него, пока он не очухался. Подбежал, вин-товку выхватил. А на немецких винтовках сзади предохранитель есть, я про него забыл. Жму, не стреляет! Я немца прикладом ударил, он в яму свалился. Вид у него был жалкий, немец был в очках и весь трясся мелкой дрожью, особенно штаны... Потом мы со старши-ной Виктором Кривошеиным прошли по полю боя, и я увидел всех убитых мной немцев. И этого немца взяли в плен, так он и сидел в яме. Пока я не увидел этого, я не верил, что смог это сделать. В этот же день вечером мы дали новую связь. Уже после этого боя как-то ехал по трассе, по дороге вели пленных. Слышу, кто-то кричит: «Комрад! Комрад!». И вижу, подбегает ко мне этот немец, радостный такой. И объясняет: «Ты меня хотел прикончить, но у тебя не было патронов! Ты будешь еще воевать, а я домой поеду!». Он был очень рад, что остался живой.

Наградили меня за этот бой орденом Славы и повысили в звании, стал я старшим сер-жантом. Служба шла своим чередом. Вспоминали про дом, родных, любимых. Праздников особых не было. Хотя курьезные ситуации возникали. Как-то зимой на Украине дежурили на линии. Холодно было. На станции, как обычно, находились два человека. Распорядок такой: один человек сидит 12 часов с трубкой, потом его сменяет другой. Но в эти 12 часов на дежурстве ты полностью расслабиться не можешь. И вот однажды в такое дежурство я задремал, слышу, товарищ мой кричит: «Шуляк! Шуляк!». Я очнулся, спрашиваю: «Ты чего кричишь-то?». А он: «А ты что, уснул? Лейтенант сказал, как только проснешься, чтобы связался с ним». Я звоню командиру, всячески оправдываюсь и получаю приказ явиться к нему. А для этого идти надо было пешком по лесу километров шесть. И не откажешься же. Я пошел. Прихожу. А они отмечают Новый год. Налили мне водки. Я выпил. А лейтенант мне и говорит: «Поздравляю с Новым годом! Иди и больше не спи!». И я той же ночью, той же дорогой, те же шесть километров пошел назад. Вот такой Новый год! Вот такой у нас был лейтенант Карев, я с ним прошел путь до конца войны.

К концу войны было воевать уже легче, потому что немец старался в плен нам не сда-ваться и в бой уже не ввязывался. Они стремились убежать к американцам и сдать им в плен. Последние месяц-полтора в Австрии, после того как Вену взяли, до города Мельк шли легко, без боев и бомбежек. В общем, немец драпал, мы его успевали догонять. И где-то 6 мая 1945 года в городе Мельке мы встретились с американцами. Прежде, когда мы попадали в города, свет нигде не горел, ездили на машинах без фар, соблюдали режим светомаскировки, а тут... Когда в Мельке встретились с американцами, увидели, что город уцелел, кругом горело электричество, радио работало.

9 мая нас построили и сообщили, что объявлено о нашей Победе, – гуляйте, отдыхайте. Трое суток дали отдохнуть. А был месяц май, в Австрии весна наступает раньше: тепло, кру-гом все цветет! Когда объявили о Победе, первой мыслью было, что я остался жив, что-то надо будет делать в мирной жизни. Впервые за всю войну появилась мысль, что тебя что-то ждет впереди, ты будешь жить.

В Австрии мы простояли полгода, потом переехали в Миргород, потом в Полтаву, на Украину. В Полтаве стали увольнять в запас старшие возраста, специалистов народного хозяйства. Я был демобилизован в декабре 1946 года, уже в мирное время, как негодный к строевой службе. Вернулся домой.

И началась для меня мирная жизнь, к которой я, в общем-то, был не готов.

В этом году у барнаульского автора Константина Сомова вышла новая книга о войне – «Подарок дочери». Ее жанр автор определил как киноповесть – в надежде, что в дальнейшем по книге будет снят фильм. Идею написать киносценарий ему подсказал московский режиссер Виталий Лукин, который, возможно, и снимет по этой книге фильм о подвиге сибиряков в сентябре 1941 года в Карелии, у поселка Ругозеро.

ПО ВЫСОКОМУ КУРСУ

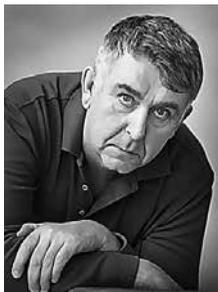
Киноповесть «Подарок дочери» небольшая, и прочитать ее можно за один вечер. Она из тех книг, что идут в зачет автору по самому высокому курсу. Константин Сомов говорит, что писал ее недолго, но далась она ему нелегко. Даже уже имея на руках собранный исторический материал – написанную им же книгу «Сибирский батальон», изданную в 2011 году.

«Сибирский батальон» – первая книга Сомова о карельских событиях, о Сибирском батальоне 27-й пехотной дивизии, созданная по итогам встреч с родственниками павших солдат и поездок автора, поисковиков и инициаторов увековечивания памяти погибших жителей Алтайского края Руфины и Анатолия Малютиных к месту боев у села Ругозеро. В 2008 году там был установлен памятник героям-сибирякам.

Константин Сомов:

– У Руфины Васильевны в том бою погиб отец Василий Невежин. И она решила увековечить память всех тех, кто погиб вместе с ним, – около 400 человек. 197 из них Руфина Васильевна нашла в Книге Памяти, и этот список был опубликован в «Алтайской правде». Еще сто человек нашел по спискам безвозвратных потерь краевед Евгений Платунов. Смертный медальон отца Руфины Васильевны был найден еще в 1980-е годы, но большинство из погибших осенью 1941-го так и лежали неподнятыми. И сейчас поисковики продолжают там работать. Но установить имена всех уже невозможно: смертный формуляр был далеко не у каждого, хранить его считалось плохой приметой, его просто выбрасывали или вкладывали внутрь пустой бумажный бланк. Да и заполненные плохо сохранились – столько времени прошло.

Все они погибли 7 сентября 1941 года.

Наскоро обученные солдаты стояли на-смерть, удерживая подступы к Кировской железной дороге, и продержались целый день, а по ним лупила из минометов и артиллерийских орудий элитная финская дивизия, которой командовал друг Маннергейма генерал Эрки Раапана. Больше всего в тот день погибло красноармейцев из Косихинского района – более 50 человек. Немногом меньше из Троицкого – около 40. Были из Усть-Пристанского, Быстроистокского, других районов, Онгудая, Горно-Алтайска... В большинстве это были крестьяне, мужики лет 35-40 и старше, часто многодетные отцы, некоторые успели повоевать до этого на германской и финской войнах. И в новой книге мне предстояло их всех «оживить», а потом «погубить». Мне это было просто тяжело. Когда я пишу книги о войне, у меня нет чувства, что придумываю, кажется, что я это вижу или был там, или был рядом и смотрел, или кто-то мне рассказал. И вот, когда я только создал этих людей, наших земляков, и им порадовался, тут же пришлось всех «поубивать».

Я уже хотел завязать писать про войну. Книгу «Война: ускоренная жизнь» я писал три года и все пропускал через себя. За это время я поначитался – узнал о стольких подлостях и гадостях... Душа маялась, металась от восхищения русским народом до полного презрения к нему. Меня всего перевернуло тогда, и я понял, насколько мои беды и горести ничтожны. Про это много раз слышал, а тут почувствовал. И решил, что не буду больше заниматься темой Отечественной войны. Но ко мне пришли супруги Малютины после поездки в Карелию и сказали: напиши книгу, кто напишет, если не ты? Я написал «Сибирский батальон» и думал, что все, закрыл эту тему. Но, как теперь видно, зря зарекался...

«ПОДАРОК ДОЧЕРИ» (отрывок из киноповести)

Константин
Сомов.

Большая поляна в лесу, два строевых прямоугольника — в одном более шестисот, в другом четыреста человек. Перед каждым строем стоит политрук и зачитывает текст присяги. Красноармейцы все вместе повторяют его за ним. Моросит мелкий дождь, медленно набухают влагой гимнастерки, голоса бойцов накладываются один на другой, можно разобрать лишь отдельные слова и обрывки фраз, наиболее яркие и значимые в тексте присяги:

«...до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству...»;

«...клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами...»;

«...пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся...».

За шеренгами красноармейцев в лесу покуривают бойцы, уже служившие в Красной армии. Привалившись спинами к сосне, сидят рядышком, полузакрыв глаза, Прищепа и Плотников.

Стихают голоса читающих текст присяги бойцов, и стоящий позади столиков высокий и осанистый, в хорошо сшитой и ладно сидящей на нем шинели старший политрук делает несколько шагов вперед. Откашлявшись в обтянутый кожаной перчаткой кулак, зычно говорит:

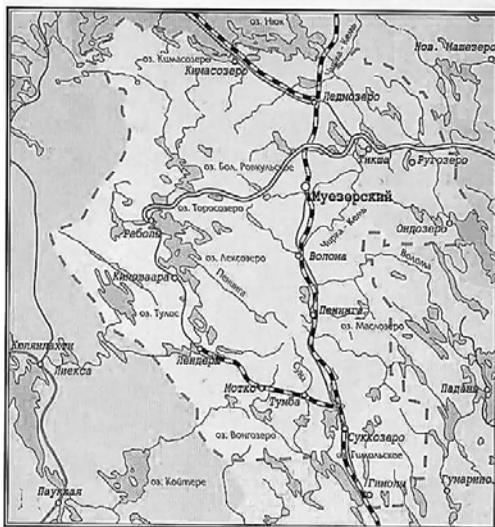
— Товарищи красноармейцы! Вы сейчас приняли присягу на верность нашей советской Родине и ее правительству, нашему вождю — товарищу Сталину. В трудный час вы ее приняли и в почетный, ответственный час. Белофинские псы, зализав свою поганую шкуру, вновь покусились на священные рубежи нашей Родины. И пользуясь тем, что основные части героической Красной армии бьются сейчас с их хозяевами — германскими фашистами, сумели продвигаться вперед.

Старший политрук опять откашливается в кулак и возвышает голос:

— Это временно. Напрягите усилия, товарищи красноармейцы, бейтесь стойко с этой трусливой бандой, которая бежит от наших штыков, как мышь от кошки, бросая свои трещотки-автоматы. Помните, вы сейчас кузнецы революции в Финляндии. Еще немного и рабочий класс красавицы Суоми поднимется на борьбу с кликой Маннергеймов и Таннеров, всей этой шайкой поганых псов германского фашизма, и сметет ее, как мутную пену с чистой воды.

Фото из архива
редакции.

Смело в бой за нашу советскую Родину, за товарища Сталина, за будущую Советскую Финляндию.

Оратор поправляет на голове фуражку, кивает головой стоящему рядом с ним старшему лейтенанту Максимову. Слышна отрывистая команда:

– Разойтись! Можно курить и оправиться.

Строй рассыпается. Одни красноармейцы вертят сигарки, другие, улегшись на теплую хвою, прикрывают лица от солнечных лучей пилотками и буденовками. Потапов и Скворцов усаживаются под сосну. Потапов, чуть заметно посмеиваясь, достает из кармана кисет.

– Чего смеешься, дядя Коля? – спрашивает его Скворцов. – Смешинка в рот попала?

– Чудно. Не думал, что два раза в жизни присягу принимать буду.

– Так чего ж ты в строй встал? – удивляется Коля. – Когда ты ее принимал, в Гражданскую, что ль?

– Малость пораньше, – неспешно ладит самокрутку Потапов. – В Гражданскую я слабый был после тифа, да и отцу с матерью надо было помогать. Пожгли нас колчаки.

– Так ты что, царю присягал, что ли? – недоуменно смотрит на него Скворцов.

– Так точно, Его Императорскому Величеству. Погнали на германку, империалистическую войну то есть, вот и присягал. Я ж те говорил, что на германской побывал. Забыл, что ль?

– За царя, значит, воевал, – возмущенно констатирует Скворцов. – За сатрапа кровавого.

– Ага, – усмехается Потапов. – Как тогда говаривали – за веру, царя и Отечество. Осколок – в ногу, Егория – на грудь. Временным не присягал уже, в лазарете лежал. А потом по домам, поскольку Ленин войну кончил. Вот и вся история. Учил, небось, в школе?

– От царя награду имеешь! – опять возмущается Скворцов. –

Не знал, что ты такой...

– Какой такой? – вновь добродушно усмехается Потапов.

Скворцов молча сопит.

– Валенок ты, Коля. Не от царя, а по приговору ротного собрания. Дали на роту четыре креста, ну солдаты старые и присудили, чтоб один мне, значит. Не от царя, а от скотинки серой, как нас господа называли. От народа то есть.

– А за что? – уже спокойно, с мальчишеским любопытством спрашивает Скворцов.

– Сухарей товарищам на позицию принес.

– Сухарей?!

– Ага, сухарей. Да еще махорочки. У нас тогда и с жратвой, и с табачком шибко худо было.

– И за это награду? – удивляется Коля. – Сходил туда-сюда, и этого самого Егория на грудь. Чудеса. Так и десяток их набрать можно было, чего ж не стал?

– Да оно, конечно, – легко соглашается Потапов. – Постреливали вот только австрияки. Я уж третьим ходил... Да и крест тот детишки потом затеряли, памяти о нем не осталось.

– Ничего, – убежденно говорит Скворцов. – Вот дадим дрозда вражинам этим, точно награды получим. Настоящие, советские...

– Мои награды дома по лавкам сидят, – со вздохом говорит Потапов. – Дороже нету. Ты молодой, другое дело. Повесят тебе медаль на грудь, будешь девкам в глаза блестеть. Погоди-ка, – смотрит он в сторону, где на траве сидит в одиночестве паренек-алтаец, – пойду бойца погляжу. Один он, земляки в тот батальон попали. Скучно-то одному.

Потапов встает, подходит к алтайцу. Тот быстро поднимается на ноги, прижимает руки по швам, докладывает:

– Здравия желаю, товарищ командир.

– Ладно, – машет рукой Потапов. – Зови уж Николай Никодимыч или вон, как Скворцов, – машет он рукой в сторону Скворцова, – дядя Коля. Тебя-то самого как звать-величать? Да садись, говорят, в ногах правды нету.

– Меня Суйтчи зовут, – улыбается парень, – по-русски – Серёжа.

Они усаживаются на траву.

Потапов достает из кармана кисет, протягивает его парню, тот виновато улыбается, машет головой.

– Не курю, товарищ командир... Николай Никодимыч.

– Ну и ладно, – усмехается беззлобно Потапов, начинает сворачивать сигарку. – Ты какой нации будешь?

– Алтаец я.

– Не слыхал про таких, хоть сам с Алтая.

– Народ наш маленький, живет в горах, мало кто слышал, – улыбается Серёжа.

– Вот видишь, сынок, на войну тебе попасть довелось. С гор – в болото.

– Не только русским воевать, и нам надо... – серьезно и пристально смотрит на него паренек. – Фашиста прогоните, героями станете, а мы? В связке дров огня больше. Надо вместе воевать.

– Эх ты ж, сынок... – Потапов поднимает руку, чтобы погладить парня по голове, и опускает ее на колено, смущенно кряхтит. – Ты откуда сам-то, matka, отец есть у тебя?

– Я чабан, отец чабан, мама дома – село Эникур. Жена Куячик, ребенка там ждет. Мальчик родится – Мерген будет, а девочка – жена сама имя придумает, – улыбается парень.

– Богу-то молился своему, как на войну идти? – усмехается подошедший к ним Скворцов.

– Бога нету, власть советская отменила, – с легким испугом смотрит на него Суйтчи и опять улыбается: – Немного молился. На горе Алтын-туу у горного духа здоровья себе и родным просил. Потом на войну..

– Второй батальон, ста-новись! – обрывает их разговор команда.

Потапов осторожно тушит бычок прямо о заскорузлую ладонь, прячет его за отворот пилотки.

– А ну пошли, сынки, строиться.

Колонна второго батальона медленно втягивается за поворот лесной дороги. К отделению Потапова подбегают Плотников и Прищепа, машут руками.

– Не журишь, хлопцы! Ще повидимось.

– Удачи вам, землячки.

– И вам тоже...

***

Прищепа и Плотников сидят, привалившись спинами к сосне, прикрыв веки, полудреmlют на осеннем солнышке. Неожиданно Плотников резко отрывает спину от ствола дерева, обхватив руками колени, резко сплевывает перед собой.

– Ты шо? – спрашивает, открывая глаза, Прищепа. – Кака яка приснилась?

– Поднимется он, как же, рабочий класс ихний, – опять сплевывает в траву Плотников. – Что ж он в финскую-то не поднялся? Я тут недалеко был, на Карельском перешейке, что-то не заметил. Дрались, гады, как звери. Принимай нас, Суоми-красавица, в ожерелье прозрачных озер... Ага, как же.

– Це не классовый подход, – после паузы говорит Прищепа. – Не думав, шо ты политически не подкованный, навреди мужик серьезный.

– Был подкованный, да расковался.

– Трошки потише, – Прищепа пододвигается ближе к Плотникову, кладет руку ему на колено. – Потише, кажу, трошки.

Хрустя подошвами сапог по сухим сосновым веточкам и усыпавшим моховый ковер высохшим шишкам, к ним подходит невысокого роста полноватый младший политрук – тот, что был в штабе у майора Козлова.

– Товарищ Прищепа? – вопросительно смотрит он на Петра.

– Так точно, – поднимается на ноги тот. – Красноармеец Прищепа.

– Вы коммунист?

– Так точно. Член партии большевиков.

– Товарищ Прищепа, – политрук снимает очки в простенькой черной оправе, протирает платочком стекла. – Членов партии в нашем первом батальоне немного, и потому мы решили, что, невзирая на звания, будем, как в Гражданскую, политбойцами. Положение наше тяжелое, скрывать тут нечего, потому личным примером. В атаку первым, и ни шагу назад!

Политрук возвращает очки обратно на переносицу, внимательно смотрит на бойца.

– Ваше мнение такое же?

– Так точно!

– Тогда все, – напрягшееся лицо политрука обмякает, он вновь снимает очки, надевает их обратно, протягивает руку Прищепе.

- Я знал, что так будет.
Они пожимают друг другу руки, затем политрук протягивает руку Плотникову.
- Ну, все. Удачи вам, товарищи бойцы.
- Взаимно и вам, – уже в спину отошедшему от них политруку отвечает Плотников.
- Прищепка аккуратно, стараясь не просыпать и крошки табаку, сворачивает сигарку.
- Так ты партийный, значит? – после долгой паузы спрашивает у него Плотников.
- А ты ни? – внимательно, без обычной улыбки смотрит на него Петро. – Мужик грамотный, серьезный. Шо не вступишь? Як раз подходишь. Расковався кажешь...
- Подходил, пока в тюрьму не посадили, – выдохнув, как перед выстрелом, воздух из груди, резко говорит Плотников.
- За что? – твердо спрашивает Прищепка.
- За вредительство, Петро, – усмехается Плотников. – Да ты меня глазами не сверли. Отпустили через год с лишком.
- Так за шо посадили-то? – уже мягче повторяет свой вопрос Прищепка.
- Плотников молчит.
- Ну, не хочешь, не кажи, – машет рукой Петро. – Я тоби не поп у церкви, шоб допытывать.
- Колхоз у нас богатый был, – после долгой паузы говорит Плотников. – Лошади, как печи, ходили, кирпичный заводик сами построили, пасека, пруд, на трудодни люди ближе к войне уже хорошо получали. В тридцать седьмом урожай особо хороший был, да дожди все, зерно сырое... Вот мы с агрономом, я-то председателем был, сами сушилку и сделали, а как опробовать ее стали, пудовку зерна сожгли. Один там в селе, друг мой большой, – недобро усмехается Плотников, – и написал на нас, вредители, мол. Посадили.
- За пуд хлиба?
- А то не веришь? – с горечью и вызовом спрашивает Плотников. – Так точно. А семью мою, жену, детишек троих, дочке средней – семь лет, сыну годик тогда был, из дома погнали. По чужим людям скитались. Свои-то боялись пускать... Что так смотришь, думаешь, откуда я такой смелый нашелся? – ощеривается Плотников. – А место больно для разговора подходящее, жизнь на соплях висит, вот и говорю. Да и ты мужик по всему стоящий, стучать не побежишь. Да и кому тут... Я ж против советской власти не агитирую, она моя родная, воевать вот за нее пошел. И за детишек, конечно...
- Потом шо було? – мрачно спрашивает Прищепка.
- Два месяца в одиночке сидел, расстрел пообещали. Потом в общую перевели. Еще год с лишком. А потом сказали, что ошиблись, и отпустили в тридцать девятом уже.
- В партии восстанавливался? – деловито-напористо интересуется Петро.
- Нет, – машет головой Плотников. – Правду искать не ходил, пошел в конюхи. Звали опять в председатели, да я чего-то не захотел... Потом финская.
- Целый вернулся?
- Целый. Чиряками только обметало чуть не всего. В шинельке да буденовке скучновато зимой. Долго баба моя меня потом лечила...
- А я у тридцать девятом як лучший хлебороб с делегацией у Москву, на ВДНХ, ездив, – вздыхает Прищепка. – Дюже гарно на той выставке було. Чемодан яблокив детишкам привез.
- Эх, жисть... – вздыхает Плотников. – Лепит по-разному, а слиплось в одно. И яблоки, и чиряки. Вот чего война-то делает... Раз, и будто не было ничего, только родился...
- Це так, – вздыхает Прищепка. – Це так...
- Плотников задумчиво ковыряет саперной лопаткой землю, потом резко втыкает ее в дерн.
- Ты, Петро, партбилет при себе держишь?
- А як же? – удивленно-настороженно смотрит на него Прищепка.
- Да ты скулы не своди. Мы сейчас со смертью рядышком, так я тебе прямо. Всяко может быть, без памяти будешь или как... Не помилуют.
- Так шо ж мне его в землю зарыть? Ты б зарыв? – усмехается Прищепка
- Плотников молчит.
- Так ото ж...
- Приготовиться к построению! – вновь выходит в центр поляны молодцеватый старший лейтенант. – Первый батальон, становись!
- Бойцы выстраиваются плотной массой на утопанной траве. Утихает дождь, быстро набирает силу солнце. Парит меховой ковер леса, парят, высыхая под солнечными лучами, гимнастерки бойцов. Блестят новогодним стеклярусом усыпанные мелкими слезинками дождя колочки хвои на ветках тонконогих молоденьких елочек...
- Пулеметчики, шаг вперед!

Из строя выходят четверо бойцов, среди них Семён Плотников.

— Кто «дегтярь» в руках держал — шаг вперед!

Выходят еще пятеро красноармейцев.

Бойцы получают несколько ручных пулеметов Дегтярёва. Вооруженные винтовками красноармейцы по сотне патронов. Среднего роста, худощавый, но жилистый хмурый парень лет 25, подкидывает в руках ручной пулемет, внимательно осматривает затвор. К нему подходит старший лейтенант Максимов.

— Фамилия?

— Красноармеец Некрасов.

— Откуда пулемет, знаете?

— На сборах до войны был два раза, на пулеметчика учили. Сказали способный.

— Так, хорошо.

Лейтенант внимательно смотрит на парня, затем на стоящего неподалеку от него высокого, сутуловатого бойца лет 45.

— Фамилия?

— Красноармеец Жуков.

Парень с пулеметом вздрагивает, медленно поворачивает голову в сторону бойца по фамилии Жуков. Узко сощурившись, внимательно смотрит на него.

— Красноармеец Жуков, пойдете вторым номером ручного пулемета к красноармейцу Некрасову.

Сутуловатый боец становится рядом с Некрасовым, тот смотрит на него тяжелым взглядом и резко поворачивает голову к командиру.

— Товарищ старший лейтенант, а нельзя кого другого вторым номером? Этот вроде как староват будет, не угонится диски за мной таскать.

— Отставить разговорчики, — едва заметно улыбается командир. — Как у вас в деревне говорят: старый конь борозды не испортит. Так, что ли?

— Так. Только...

— Все. Не обсуждается, — обрывает его лейтенант. — Выбирать девушку на гулянке будете, тут армия. Понятно?

— Так точно, — вытягивается Некрасов.

Лейтенант уходит. Парень, не взглянув на Жукова, отходит в сторону, усевшись на пенек, вынимает из пулемета затвор, внимательно его рассматривает. Жуков, встав рядом с ним, молчит, потом спрашивает:

— Ты, что ль, Андрюха?

Парень с повышенным вниманием продолжает осматривать затвор.

— Ивана Панфиловича сын? Чего молчишь-то?

Некрасов медленно поднимает на него глаза, так же медленно, похоже, едва сдерживая себя, говорит:

— Слышь, Жуков. Раз попало, что встретились, ты меня лучше без крайнего дела не трогай. Вы нами командовали, теперь я тебе командир. Молчи да выполняй, что скажу.

— Десять уж годков прошло, а все зло держишь, — враз осипшим голосом говорит Жуков. — Я, что ль, вас выселял? Правление решило. Опять же ошибка была, отпустили ж тебя оттуда. Сам в Ольховке жить не захотел...

— Не ты? — хищно ощеривается парень. — А кто с Прохором ходил, смотрел, чтоб кусок лишний в телегу не положили? Не ты, что ль? Забыл, как батя мой, когда вы с голоду пухли, тебе... Батяка мой красным партизаном был, советскую власть в Сибири ставил, а вы, гады, в мироеды его определили, в Нарыме вместе с маманькой в сырую землю положили. Отойди лучше, — глухо говорит Некрасов. — Отойди.

— Я себе, что ль, кусок тот?.. У меня четверо мал мала, Меланья хвора... Я потому, как власть решила, народ то исть...

— Лодыри такие ж, как ты, — брезгливо усмехается Андрей. — Народ...

— Ты за такие разговоры знаешь? — громким шепотом сипит Жуков. — Деляну в лесу рубят, все деревья под топор идут. Какие, может, и ни к чему, а... Попридержи язык, Андрюха. Попридержи от греха.

— Что, доказывать побежишь? Думаешь, в штаб возьмут да писарем назначат. Так ты ж и писать не научился, лодырь. Семью свою никогда досыта накормить не мог. Народ он... Не боюсь я тебя и никого теперь не боюсь.

— Я, может... — задыхаясь, выталкивает из горла слова Жуков. — Мне... Молчи, Андрюха. Молчи, пока я тебе...

— Давай, — прислонив к пню пулемет, Некрасов встает, как бычок наклонив голову, исподлобья смотрит на бывшего односельчанина. — Давай...

Жуков, враз обмякнув, вяло машет рукой, еще больше сутулясь, молча уходит за деревья. Садится, привалившись спиной к стволу сосны, достает из кармана кисет. Пальцы

дрожат, и ему не удастся скрутить сигарку. Жуков прячет кисет обратно в карман, закрывает глаза. По небритой щеке скользит одинокая слезинка.

Некрасов, постояв немного, вновь усаживается на пенек, отрывисто вздохнув, берет в руки пулемет. Мелко подрагивающими пальцами раз за разом гладит приклад Дегтярёва.

**

Поле боя. Цепь красноармейцев первого батальона сибиряков продвигается вперед. Рвутся мины и снаряды. С ручным пулеметом в руках бежит вперед Некрасов, с ходу ведет огонь. За ним с патронной сумкой через плечо, в руке – саперная лопатка еле поспекает Жуков. Вытирая пот со лба, натужно кричит:

– Ура-а-а!

Снаряды рвутся чаще, продвижение красноармейцев останавливается, бойцы залегают, отыскивая глазами место для укрытия. Некрасов, за ним Жуков скатываются в еще дымящуюся воронку от снаряда. Пулеметчик ставит на край воронки Дегтярёв, вжимая голову в плечи при близком разрыве, укрепляет сошки. Прижав к плечу приклад, дает короткую очередь. Еще одну. Жуков лежит рядом с ним, сжимая побелевшей рукой рукоять саперной лопаты, болезненно морщась при близком разрыве, неотрывно смотрит вперед.

– Дай гадам, Андрюша! – сипит он. – Давай еще!

Некрасов дает еще очередь, тело его обмякает, сползает в воронку.

– Ах, ты ж... – Жуков наклоняется к нему. – Задело, что ль, а?

Он переворачивает парня на спину. Горло Некрасова, как кошой, перехвачено осколком, из раны густо бежит кровь, пачкая руки Жукову. Жуков механическим, неосознанным движением вытирает ладони о гимнастерку, скрещивает земляку руки на груди, закрывает глаза. Вдыхает.

– Эх, сынок...

И, суетливо заторопившись, прикладывается к пулемету.

– Как оно тут? Ага.

Дает очередь, другую. Кричит:

– А-а-а! Заразы, заразы вы!..

Позади воронки встает фонтан разрыва. Куча земли, из которой торчит ствол пулемета. Поверх кучи – вывороченный взрывом ком с пучком полевых цветов...

Разрывы стихают. Отставшие от своих красноармейцы догоняют цепь. Навстречу им Семён Плотников ведет раненого Петра Прищепу. Тот почти в беспамьятстве механически передвигает ноги. Рука закинута за шею Плотникова. Гимнастерка Прищепы перемотана разорванной на полосы нижней рубахой, на боку сквозь белую материю проступает бурое пятно.

Плотников идет с трудом. За плечом винтовка и ручной пулемет, из-под буденовки на лицо сочится кровь.

– Держись, хохол, – натужно просит он. – Держись, земляк.

Семён, покачнувшись, останавливается. Стоит недолго. Вновь идет вперед. Повторяет как в бреду:

– Держись, брат.

Рвутся снаряды и мины, ползут и ковыляют обратно к своим позициям, опираясь на винтовки, раненые красноармейцы. Первый батальон продолжает атаку.

Плотников осторожно усаживает Прищепу в конце длинной цепочки лежащих и сидящих на траве раненых – очереди в выгоревшую на солнце желто-зеленую палатку медсанбата. Слышны глухие стоны, хрипая матерщина, порой все звуки покрывает вырывающийся из палатки надрывной крик. Плотников морщится, пристраивает под руку Прищепе его винтовку.

– Петя, держи ее крепко. Без винта в санбат не отправят. По финской знаю. Посиди немного, я сейчас.

Забросив за плечо Дегтярёв, он отходит справить малую нужду, но не успев еще этого сделать, замечает сидящего на траве, привалившись плечом к сосне то ли спящего, то ли дремлющего, сощурился глаза, бойца.

Семён скребет ногтями заросшую щетиной щеку, подходит к нему.

– Табачком не богатый, земляк?

Тот не отвечает.

– Слышь, парень, – легонько пихает его в плечо Плотников, и красноармеец, прошуршав рукавом по коре сосны, валится навзничь в траву. Его гимнастерка густо набухла кровью, скрюченные пальцы правой руки застыли в предсмертной судороге, пытаясь удержать кишки из искромсанного осколками живота.

Плотников смотрит на его лицо, потом присаживается рядом. Осторожно, чтобы не выпачкаться в крови, отнимает от развороченного живота одеревеневшие мертвые руки, кладет их крест-накрест на грудь бойца. Вздыхает, скользнув ладонью по лицу мертвеца, закрывает ему глаза, вынимает из кармана шаровар погибшего красноармейца его кисет.

– Ты чего делаешь, а?!

Плотников поворачивает голову. В двух шагах от него стоит высокий пожилой человек в забрызганном уже засохшей и еще не высохшей кровью коротком белом халате поверх армейского обмундирования.

– Мародерничаешь, гад?! – напористо спрашивает он.

– Мишка это, Шаров, – говорит санитару Плотников. – С мальства с ним собачились. Он мне рогатку поломал, а я им корову в огород загнал. Парнями дрались. Они в Вяткино уехали. Вот свиделись, значит... Садись, служивый, покурим.

– А ты откуда сам-то? – присаживается рядом с Сергеем санитар.

– Из Усть-Пристанского района, село Брусенцово. Слыхал?

– Не приходилось.

– А сам-то? – скручивая самокрутку, интересуется Плотников.

– Я из Бийска, фельдшер. Вот призвали как военнообязанного.

– Вот те на, – послунив бумажку, Плотников заклеивает самокрутку, протягивает ее санитару. – У меня сестра старшая в Бийске в больнице работает, Настасья Протасова. Не знаешь такую?

– Враз не скажу, – санитар достает из кармана шаровар зажигалку – огниво, выбив искру на трут, прикуривает. – Там народу много, может, и встречал.

– Слышь, земляк, – доверительно хлопает его по плечу Плотников. – У меня товарища зацепило, вон сидит. Присмотри, а? Ну там побыстрее чтоб и вообще.

– Ладно. На, кури сам, я тебе пока башку посмотрю, черкнуло видать не сильно, а забинтовать надо. Шас продезинфицируем...

– Да черт с ним.

– Сиди тихо, говорю – надо, значит, надо, – властно говорит санитар.

– Ладно, так мотай, без дезинфекции.

Плотников курит, санитар, достав из кармана санпакет, привычно быстро бинтует ему голову.

– А с Мишкой-то как? Похоронить бы.

– Братскую будем копать, коль успеем, со всеми и похороним, – заканчивая свою работу, деловито говорит санитар. – Все, пошли. Мне рассиживаться некогда. Видал, сколько вашего брата ташат?

– Верно, пора, – поднимается на ноги Плотников и в последний раз смотрит на бывшего односельчанина.

– Прости, Михаил Петрович... Прощай.

Плотников и санитар подходят к Прищепе. Тот, закрыв глаза, тяжело дышит, выпущенная из ослабевших рук винтовка валяется рядом на траве. Санитар подбирает ее, закидывает за плечо, ухватив сильной рукой под локоть, помогает Петру встать на ноги.

– Пошли, землячок.

Прищепе мутным взглядом смотрит на Плотникова, потом, разлепив спекшиеся губы, говорит:

– Ты, Семён, погоди трохи. Перевяжут мэни, вместе назад подем, – голос его становится едва внятным, но Прищепе не дает ему угаснуть. Закашлявшись, сплевывает на траву кровавую слюну. Говорит еще тише.

– Як же ж вы там водни?.. Их-то богато...

– Ты, Петро, лечись уж, – шмыгнув носом, говорит Плотников. – Я за тебя поработаю.

Осторожно трогает товарища за руку, подпернув на плече ремень «дегтяря», быстро поворачивается и так же быстро идет обратно на звук недалевого боя.

55 лет назад в Алтайском книжном издательстве вышла книга Николая Дворцова «Море бьется о скалы». Этот роман основан на фактах биографии писателя, который в 1942 году попал в плен и провел три года в лагере для военнопленных в норвежском городе Берген, являясь при этом членом подпольной группы. В 1947 году Николай Григорьевич приехал в Барнаул и прожил здесь до 1985 года. В Барнауле Николай Дворцов работал в газете «Молодежь Алтая», был руководителем Алтайской краевой писательской организации, редактором альманаха «Алтай». Роман «Море бьется о скалы» стал самым известным его произведением.

НОРВЕЖСКАЯ САГА ЛЕЙТЕНАНТА ЧЕРКАСОВА

Елена Клишина.
Фото из архива редакции.

Участь узника фашистского лагеря в Норвегии разделил и барнаулец Дмитрий Черкасов. Книга с его историей пока не написана, зато в Норвегии в 2007 году был снят фильм об участниках норвежского Сопротивления. Одним из них после побега из лагеря стал Дмитрий Черкасов. О том, что Дмитрия помнят в Норвегии, сообщил Оддбьорн Варас, сын Андре Вараса – участника Сопротивления, который помогал Дмитрию скрываться в 1944-1945 годах. Оддбьорн Варас девять лет назад отправил письмо в редакцию газеты «Свободный курс» с просьбой отыскать родственников Дмитрия и сообщить им эту новость. Просьба была выполнена, а в газете вышла статья о барнаульце.

ВЕЗЕНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА ЧЕРКАСОВА

Дмитрий Черкасов приехал в Барнаул только в 1951 году. Как пояснила его дочь Надежда Черкасова, тогда Дмитрий Михайлович работал монтажником на строительстве ТЭЦ-2, а в 1962 году перешел на шинный завод. В его семье уже было трое детей. Но этой мирной рабочей жизни предшествовали годы мытарств по лагерям для военнопленных, побег из плена, потеря товарищей, проверки на благонадежность в органах госбезопасности.

Дмитрий Черкасов был призван на фронт из Сухумского пехотного училища. На седьмой месяц Великой Отечественной войны очередной рапорт лейтенанта с требованием отправить на передовую наконец-то приняли. Свое боевое крещение он получил в боях за Феодосию – первый раз был ранен. После госпиталя уже старший лейтенант Черкасов стал заместителем командира стрелкового батальона, защищающего Севастополь. В июле 1942 года он

снова был тяжело ранен и в бессознательном состоянии взят в плен. В дни скитаний Дмитрию везло много раз. И, возможно, на этом поле брани ему повезло впервые: его взяли в плен как простого солдата.

Первым лагерем, в котором оказался Дмитрий Черкасов, стал шталаг 301/Z на Украине, возле города Славута Каменец-Подольской области. В нем Черкасов провел целый год. В этом лагере, а потом и в норвежском, в судьбе военнопленного, как и в судьбе героя книги Николая Дворцова, большую роль сыграли врачи. В славуцком лагере доктор перевел Дмитрия в дизентерийный барак, в норвежском другой врач устроил елку, чтобы под шумок праздника узникам было легче сбежать от расстрела. В бергенском лагере, который описал Николай Дворцов, врач Николай (в книге – Олег) Садовников не только помогал выжить пленным, давая им передышку в тюремном ревира (больнице), но и сам был одним из лидеров подпольной организации лагеря.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ИЗ ПЛЕНА

Фашисты переводили солдата Черкасова из лагеря в лагерь до тех пор, пока в 1943-м он не оказался в лагере для военнопленных на норвежском острове Аукра. Осенью 1944 года Дмитрия вместе с другими военнопленными переправили на материк, в местечко Хен. В то же время в лагере появились офицеры Русской освободительной армии генерала Власова. Они агитировали пленных советских солдат и офицеров сотрудничать с оккупантами, за что получили записку с ответом в духе письма казаков турецкому султану.

Дмитрий и несколько его товарищей по несчастью говорили другим военнопленным, что Германия войну проиграет,

пытались устраивать саботаж. Одного из агитаторов они открыто назвали предателем, за что в декабре 1944-го их посадили в карцер. От пленного Ильи Макаренко, работавшего на кухне, узнали, что их расстреляют после Рождества. Решили бежать вчетвером. Для отвода глаз полицаяв тюремный доктор, посвященный в тайну побега, устроил рождественскую елку для заключенных. Узники в карцере кинули жребий, кому идти первым. Дмитрию Черкасову снова повезло — короткая щепка досталась ему. Он перерезал колющую проволоку заранее припрятанными кусочками и вышел к реке. Там он ждал товарищей около часа, но к нему так никто и не вышел. Тогда Черкасов решил идти в горы один.

Позже он узнает, что трое его товарищей погибли. Они не смогли последовать за Дмитрием сразу же, так как в это время территорию лагеря начали обходить охранники. Илья Макаренко наткнулся на засаду в деревне, был пойман и избит до смерти. Михаил Маслов и Борис Шестаков также были схвачены и расстреляны. После войны Дмитрий разыщет родственников Ильи в Ленинграде и Михаила в Курской области и расскажет им о том, что случилось с их близкими. А пока ему нужно было спасти свою жизнь. На ушедшем в заснеженные горы Черкасове из одежды были старые армейские брюки, пиджак, а на ногах — деревянные туфли-колодки.

24 декабря он добрался до окраины деревни в Хене, Исфьорден. В самом крайнем доме горел свет — за рождественской трапезой сидела семья фермера Андре Вараса. Одна из женщин вышла из дома, чтобы проверить скотину в сарае. Беглец обратился к ней по-немецки: «Пожалуйста, помогите!». Его накормили, дали одежду, и Андре отвел Дмитрия на сеновал, который находился недалеко от деревни. Для крестьян это было очень опасно: беглого офицера гестапо искало повсюду с овчарками, помощь бежавшим из лагеря каралась смертью. В сарае Дмитрий провел несколько дней. Его могли обнаружить фашисты, но ему снова повезло. Спас... снег — его выпало столько, что

собаки не учуяли след беглеца.

НОРВЕЖСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Спустя несколько дней после побега Дмитрий встретился с членами организации «Борцы Сопrotивления» города Ондалсна. Ему устроили проверку: руководитель «Борцов» Арне Рандрес Хеен несколько раз спросил, не хочет ли беглец вернуться в лагерь. Благодаря якобы имеющимся у Арне связям в гестапо Дмитрию сохраняют жизнь. Старший лейтенант ответил, что путь у него только один — через шведскую границу на Родину.

«Борцы» вывели Дмитрия из деревни в горы. Для него там уже был построен шалаш, приготовлен запас еды, свечи, спички и русско-норвежский словарь. В этом шалаше, заваленном снегом, Дмитрий провел 27 дней. Позже его откопали Арне Рандрес Хеен, его соратники Хенри Берг, Ингваль Молдсвор и старший лейтенант норвежской армии Ивар Сатер. Они переправили Черкасова еще дальше в горы, где в домике то ли охотников, то ли альпинистов он прожил до марта 1945-го.

Затем члены организации перевели его в дом братьев Артура и Сигурда Лангдаллов в селении Валлдал. В этом доме жили еще пятеро беглых советских военнопленных, которые не просто прятались, а принимали участие в работе Сопrotивления. В частности, в послевоенных воспоминаниях Дмитрия Черкасова сказано о том, что они были вооружены автоматами. Сам Дмитрий участвовал в операции по переброске радиостанции из одного города в другой. Недавние узники рвались вступить в действующий в Норвегии партизанский отряд из беглых советских военнопленных, но офицеры норвежской армии сказали, что для этого нужно ждать приказа из Лондона. За русскими должен был прийти катер, но гитлеровцы стали тщательно обыскивать все суда на выходе из залива.

После капитуляции фашистской Германии в мае 1945-го военнопленные в Ондал-

снесе устроили демонстрацию. Дмитрий Черкасов обратился к норвежским властям с просьбой произвести экспертизу и перезахоронение останков умерших и расстрелянных военнопленных. Власти дали согласие. Фотографии обезображенных тел Дмитрий передал офицерам госбезопасности после того, как вместе с советскими войсками, освободившими север Норвегии, вернулся в СССР.

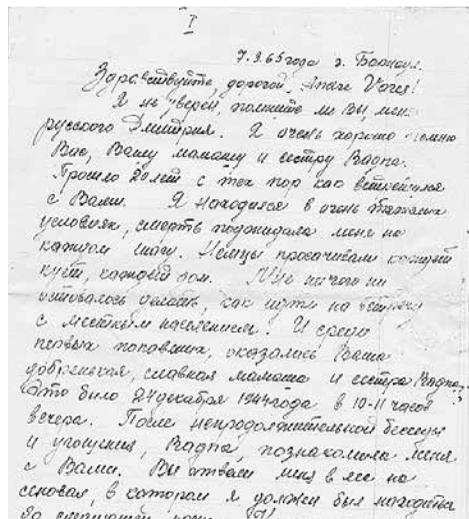
ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Известно, что Дмитрий Черкасов, Андре Варас, Арне Рандрес Хеен и другие участники Сопротивления после окончания войны поддерживали связь. Но эта связь была налажена только спустя двадцать лет после салюта Победы.

Как вспоминает Надежда Дмитриевна, отца долго проверяли чекисты. Он прошел все проверки, хотя многие из тех, кто разделил его участь в Норвегии, прямиком отправились в советские лагеря и тюрьмы. Ему же вернули звание и направили на Восточный фронт, где продолжалась война с Японией. Однако участвовать в этой кампании так и не пришлось — война закончилась. Позже отец был награжден орденом Отечественной войны второй степени.

Дмитрий Михайлович поселился в городе Черемховске Иркутской области, где познакомился с будущей женой Марией. В 1946 году он демобилизовался и вернулся на родину родителей — в Калинин, а уже оттуда переехал в Барнаул.

Черкасов долгое время не предпринимал попыток наладить контакт с норвежскими товарищами — не та была политическая обстановка. Помог товарищ Хрущёв — в 1964 году он посетил с официальным визитом Норвегию, Данию и Швецию. Визит подробно освещали советские центральные газеты, поэтому Дмитрий Михайлович решил написать в редакцию газеты «Правда». Письмо было напечатано, и эта

информация дошла до норвежских друзей. В 1965-1966 годах Дмитрий отправлял им письма из Барнаула, а в 1967-м получил приглашение приехать в Норвегию. Вместе с женой и норвежскими соратниками он посетил места своих временных убежищ в лесу и горах, постарался встретиться со всеми друзьями и знакомыми. Дмитрий Черкасов искренне считал Норвегию своей второй родиной, а семью Андре Вараса — своей второй семьей. В 1969 году в Барнаул приезжали Арне Рандрес Хеен и его жена Бодиль. Для Андре Вараса, к тому времени отца семерых детей, поездка в Сибирь оказалась невозможной.

После войны Дмитрий Черкасов поддерживал связь и с одним из советских солдат, укрывавшихся в доме братьев Лангдалл. Пётр Богатов жил в Ташкенте, и в 1969 году бывший руководитель «Борцов Сопротивления» и Дмитрий Черкасов заехали к нему. В Барнауле Дмитрий общался также и с писателем Николаем Дворцовым, чья норвежская эпопея имела много общего с историей Черкасова.

«ПРОЩАНИЕ ДМИТРИЯ»

Дмитрий Черкасов умер в 1978 году. Постепенно уходили из жизни и участники Сопротивления. Андре Варас умер в 1999 году. Ниточка, соединявшая Барнаул и Хен, становилась все тоньше и могла исчезнуть совсем, если бы норвежский режиссер Ларс Кристиан Сингельстад в 2007 году не снял о событиях тех дней документальный фильм. Его название на языке оригинала — *Dimitrijs sprog*, в приблизительном переводе с норвежского — «Прощание Дмитрия». По словам господина Сингельстада, фильм построен на интервью членов организации «Борцов Сопротивления». Отдельные сцены из прошлого были воссозданы с помощью актеров. Роль Дмитрия сыграл актер Даг Кааре Мьельва. Действие фильма начинается с побега Дмитрия и его товарищей из лагеря и заканчивается днем капитуляции фашистской Германии.

АЛТАЙСКИЕ ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ О ВОЙНЕ

Фото
Михаила
Хаустова.

АЛЕКСАНДР ГУСЕВ

***

Эшелон громыхал на стыках,
Скрежетала вагона дверь.
Мне солдат сказал: «Погляди-ка,
С ветерком повезли теперь».
Улыбнулся чему-то странно
И добавил, шутя опять:
«Не хватает, видать, Иванов.
Без Иванов какая рать?».
С паровоза искры летели,
Зажигали порой траву.
Я сидел, накрывшись шинелью,
И посматривал в синеву.
Небо с полем пшеничным слилось,
А березы — как островки.
Вот старушка остановилась,
Вижу взмахи ее руки.
Угадал в ее строгих жестках
Я тревогу былых времен...
А старушка стоит и крестит
Наш несущийся эшелон.
Видно, знала: погибнет много...
Крест подняв, провожала вдаль.
И в огонь нас несла дорога,
Где бумагой пылала сталь...
Миновало то злое лето,
Счастье выпало — долго жить.
Потому и старушку эту
До сих пор не могу забыть.

***

Не забыть, как заходила просто
К нам в блиндаж продымленный, сырой
Шупленькая, маленького роста,
С меткою винтовкой за спиной.
Просушив шинельку, по траншее
Уходила в снайперский секрет...
Не встречал я девушку смелее.
Может быть, такой на свете нет.
Отвечала шуткою на ласку —
Смех был нужен, как в бою металл!
...На твоей тогда счастливой каске
Каждую царапину я знал.

Виталий Шевченко

***

Начиналось прозрение грохотом боя
и тревогой за старую, слабую мать...
Помню ночь:
на краю обгорелого поля
я лежу и терплю —
мне нельзя умирать...
Повезло! Пронесло!
А с удачей не спорят.
Вновь под пули ходил, как идут на таран.
Я давно бы забыл эту ночь, это поле,
но запомнилась боль
от полученных ран...
С той поры,
где б судьба ни мотала по свету,
память сердце саднит, как тупая стрела...
Может быть, потому и пришел я к поэтам,
что меня растревожено боль повела...

***

Надежды живут и в аду,
и это не блажь и не враки:
я помню себя в час атаки
в последнем военном году.
Разрыв за разрывом копной
вставал возле вражьего дома,
и в воздухе пахло весной
и эхом победного грома.
Не птицы, а пули в дыму,
осколки свистели упрямо...
Я выжил тогда потому,
что долго не виделся с мамой.

БОРИС КАУРОВ

Новичку

Как положено по уставу,
я сдаю тебе этот пост:
флаг из шелка и берег правый,
белый камень и восемь берез.

Вот и все. Можешь слову верить.
Только помни: не флаг на столбе,
не березы, не камень, не берег —
я Россию вверяю тебе.

Молодость

Николаю Евстафьеву

Мы жизнь начинали с обмоток,
с холодной еды в котелке,
с жестокого быта пехоты,
зарытой в Копай-городке.

Мы жизнь начинали с устава,
с придирчивых глаз старшины —
в двух маршах от дальней заставы,
в трех днях от раската войны.

Мы жизнь начинали с окопов,
с тревоги армейской трубы,
со штурма барханов и сопок,
крутых, как верблюжьи горбы.

Нас наземь валила усталость
в бою на монгольской реке.

И чудом уюта казалась
землянка в Копай-городке.
Тот бой называли конфликтом —
какая, мол, это война?
Но мудрость простую постиг ты,
что молодость будет трудна.
Нам летом с тобой предстояло
уйти в долгосрочный запас.
И где-то вдали, за Байкалом,
грустили подруги без нас.
Но сдать не успели с тобой мы
старшинам пожитки свои.
И снова — патроны в обоймы,
и с первого марша — в бои...
Мы видим, в судьбу свою глядя,
как нынче пред нею мелки
слеза бытовых неурядиц
и злых недовольств шепотки.
Нам по сердцу жесткие койки.
И молодость снова в строю —
в двух маршах от начатой стройки
в любом необжитом краю.

ИВАН ФРОЛОВ

Солдат

С войны пришел герой-солдат
Давным-давно когда-то,
Но все в артели — стар и млад —
Его зовут солдатом.
— Кто сеял эти зеленя?
— Солдат, — твердят в округе.
О ребятишках — «солдатня»,
«Солдатка» — о супруге.
И до того уже дошло,
Что и в своей артели
Его фамилию Дышло
Не все назвать сумели.
Солдат — прозвание навек...
А почему такое?
Не забывает человек,
Что он и в поле воин.

Использованы материалы сайта «Литературная карта Алтайского края», альманаха «Испытание временем» о жизни и творчестве писателей — фронтовиков Алтайского края.

Суровые годы Великой Отечественной войны стали переломными в истории Русской православной церкви. В этот период, после долгих лет жесточайших гонений, поставивших Церковь на грань уничтожения, произошло радикальное изменение ее положения, начался долгий и мучительный процесс возрождения, продолжающийся и в наши дни.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ, ДОРОГОЙ К БОГУ...

По многочисленным, сейчас уже доступным, документам можно составить объективную картину о том, как верующие помогали фронту — и помощь эта заключалась не только в молитвенном предстоянии. Сохранились телефонограммы от Иосифа Сталина к митрополиту Новосибирскому Варфоломею и ответные рапорты митрополита об организации помощи фронту.

Вот один из таких документов. Секретарь Новосибирской епархии иеромонах Никандр сообщает: «Вместе со всей страной православные верующие Сибири принимают участие в сборе средств на военные нужды разного порядка. Сбор средств проходит во всех церквях Сибири; верующие городов и сел несут свою лепту на содержание танковой колонны им. Дмитрия Донского, в фонд помощи

Наталья Железникова, кандидат искусствоведения, заведующая Музеем истории православия на Алтае.

Фото из архива редакции.

детям фронтовиков, на подарки бойцам Красной армии и т. д. Высокий патриотический подъем и горячие молитвы в церквях о даровании воинству скорейшей победы над немецкими ордами, вторгшимися в нашу священную землю, видны, где бы мы ни находились: в Новосибирске, Бийске или же в далеком Иркутске.

За первое полугодие собрано в церквях Сибири около двух миллионов рублей на нужды военного времени. На первом месте — Новосибирск, где собрано и внесено вместе с подписной на 3-й Военный Заем 700 тысяч рублей, на втором месте — Барнаул и Бийск, внесшие каждый свыше 300 тысяч рублей, затем идут Омск и Красноярск, внесшие каждый свыше 100 тысяч рублей. Также значительные средства собрали и внесли в фонд обороны церкви Иркутска, Петропавловска, Акмолинска и другие.

Сбор средств и патриотическая работа по оказанию помощи нашей доблестной Красной армии в деле разгрома немецко-фашистских орд в церквях Сибири продолжается».

На фронте, перед лицом смерти, плечом к плечу с солдатами, сражались и священнослужители. Нам не известно, сколько лиц духовного звания — священников и монахов — было на фронтах Великой Отечественной войны. Не известно, сколько их погибло, а кому из священнослужителей-фронтовиков удалось встретить Пасху 1945 года. Никто не вел такого учета. Без наперсного креста, без рясы, в солдатской шинели выполняли они наравне со всеми свой воинский долг. Сотни священнослужителей, включая тех, кому не пришлось вернуться на свободу к 1941 году, отбыв срок в лагерях, тюрьмах

и ссылках, были призваны в ряды действующей армии.

Мало написано книг о священнослужителях на фронте, есть немногочисленные публикации отдельных рассказов, свидетельства на эту тему. Большая часть их посвящена тем фронтовикам, кто принял сан уже после окончания войны. Пройдя через испытания смертью, вернувшись с фронта, они продолжили службу, но службу не менее трудную — службу Господу.

Среди алтайского духовенства тоже были священники, прошедшие дорогами Великой Отечественной войны. Это митрофорный протоиерей Иоанн Кизюн (Славгород), протоиерей Михаил Михайловский (Рубцовск), протоиерей Симеон Титов (Барнаул).

Иоанн Прокопьевич Кизюн родился 15 октября 1927 года в городе Юрге Кемеровской области, в многодетной православной семье, пострадавшей за веру в годы репрессий. В ноябре 1944 года был призван в ряды Красной армии курсантом 21-го запасного гвардейского стрелкового полка. Участвовал в боевых действиях на Дальнем Востоке. Демобилизовался в 1969 году. С 1970 года проживал в Томске, где в апреле 1972 года был рукоположен в сан диакона, в этом же году рукоположен во священника. Несколько лет Иван Прокопьевич служил в храмах Томской епархии: в 1973 году — в храме Покрова Пресвятой Богородицы села Моряковский Затон (Моряковка) Томского района,

с 1973 по 1977 годы — в храме Воскресения Христова села Тогур Колпашевского района, с 1977 по 1978 годы — в храме Покрова Пресвятой Богородицы города Асино. В 1978 году — клирик Петропавловского собора города Томска.

В 1981 году переведен в Казанский собор города Ачинска Красноярского края. С 1982 по 1986 годы служил в Ильинском храме города Тайги Кемеровской области.

В 1986-1987 годах вновь состоял клириком Ачинского собора.

В 1987 году назначен настоятелем храма святителя Николая Чудотворца Славгорода, где служил до самой кончины. Также окормлял приход храма Троицы Живоначальной села Знаменка. Скончался 5 августа 2010 года. Погребен в Рубцовске Алтайского края.

Вместе с супругой Марией отец Иоанн воспитал троих сыновей, которые впоследствии стали священниками. За годы службы на фронте награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Японией».

Михаил Васильевич Михайловский родился в 1916 году в селе Максарово Кытмановского района, в семье священника. Окончил шесть классов школы, прислуживал отцу в сельской церкви. После ареста отца в 1929 году работал по найму в различных организациях. В первые годы Великой Отечественной, находясь в трудармии, в 653-м отдельном строительном батальоне в Кемерове, не раз вызывался добровольцем идти на фронт,

но ему отказывали как сыну врага народа. И только в 1945 году он смог добиться своего и отправился в действующую армию. Был награжден медалью «За победу над Германией». Демобилизовавшись в 1946 году, Михаил Михайловский более семи лет проработал на Алтайском тракторном заводе в Рубцовске. В 1953 году он женился, а через год был рукоположен во диакона. Диаконом прослужил недолго, один год и пять месяцев, и 8 мая 1955 года он рукоположен во пресвитера с назначением в Рубцовск.

10 сентября 1957 года священника Михайловского арестовали за якобы антисоветскую агитацию в Михайло-Архангельской церкви. «Два с половиной месяца меня держали в Барнаульском следственном изоляторе, — вспоминал отец Михаил. — Все это время из Рубцовска возили людей, которые служили в церкви, и тех, которых я никогда не видел. Всех спрашивали, не говорил ли чего-нибудь против советской власти». Об антисоветских высказываниях Михайловского было сфабриковано громкое следственное дело за номером 22621. Сейчас оно находится в одном из алтайских архивов. Судили священника закрытым краевым судом по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР. Суд вынес приговор — десять лет лишения свободы с конфискацией имущества. Но спустя месяц, 23 декабря 1957 года, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР действия Михайловского были переквалифицированы, и срок снизили до пяти лет. 6 января 1958 года отца Михаила отправили из тюрьмы в лагерь.

Отбыв в Иркутской области четыре года незаслуженного наказания, священник Михайловский вернулся к своей пастве. Служил в Минусинске и Кемерове. А с 1981 года и до своей кончины в 2003 году — в Рубцовске, в Михайло-Архангельской церкви. Был возведен в сан протоиерея и удостоен высокой церковной награды — митры.

4 августа 1993 года Прокуратура Алтайского края реабилитировала священника Михаила Михайловского, невинно пострадавшего за свой наперсный крест. Позднее отец Михаил, конечно, простил всех «доброжелателей», писавших на него клеветы и доносы. По промыслу Божию ему даже пришлось их исповедовать и причащать перед кончиной, дабы облегчить им уход в мир иной. Воистину, пути Господни неисповедимы!

Многие верующие Барнаула помнят митрофорного протоиерея отца Симеона Титова, долгое время служившего в Покровском кафедральном соборе Барнаула.

Отец Симеон прошел фронтовыми дорогами с 1941 по 1945 годы.

Семён Николаевич Титов родился 3 мая 1922 года в деревне Бурдаево Софинского сельского совета Ельниковского района Мордовской Республики, в семье крестьянина.

В 1935 году окончил шесть классов Софинской школы. Помогал семье в крестьянских работах. В 1938-м поступил на курсы вагоновожатых в городе Куйбышеве, окончил их и работал по этой специальности до 1941 года. 17 июня 1941 года был призван в Советскую армию, а присягу принял 15 сентября. Семён Николаевич получил распределение в 24-й мотострелковый полк, где служил до ноября 1941-го, а затем был переведен в 75-ю отдельную роту химзащиты, в которой был разведчиком до июля 1946 года. С июля по декабрь 1946-го Титов — кладовщик 517-й полевой авторемонтной базы. Демобилизован в этом же году в звании ефрейтора. За время службы награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией». Скупые записи в удостоверениях о наградах, конечно, никогда не смогут передать, через что прошел боец, сколько раз он оказывался перед лицом смерти и как вера в Господа помогала выжить. Вернувшись с фронта, Семён Титов работал в сельском хозяйстве, через полгода женился на Надежде Семёновне Гранаткиной, и они переехали в Кемеровскую область, в город Прокопьевск. Годы войны и лихолетья многое поменяли в мировоззрении Семёна Николаевича. На фронте вера в Бога и заступничество Матери Божией не раз помогали выжить и пройти испытания огнем. Проработав год в шахтостройтресте, Семён Николаевич принял решение стать священнослужителем. В сентябре 1948 года митрополит Варфо-

лемой назначил его штатным псаломщиком в Александро-Невскую церковь села Кольвань Новосибирской области. Уже в 1949 году Титов рукоположен в сан диакона и переведен в Петропавловскую церковь Томска, в этом же году рукоположен во священника и назначен в кафедральный собор Новосибирска. Два последующих года служил в Покровской церкви села Спасского Пензенской епархии. Отец Симеон вернулся в Сибирь в 1951 году, его назначили священником в Покровский собор Барнаула. На алтайской земле он вместе с матушкой воспитал пятерых детей. Протоиерей Симеон Титов скончался 3 мая 1984 года. Отец Симеон запомнился сотням прихожан как человек самоотверженный, истинно верующий. Его проповеди и добрые наставления помогли многим найти путь через жизненные неурядицы и сомнения, обрести Бога. Сохранилось стихотворение, написанное прихожанкой Петропавловского собора Томска и посвященное отцу Симеону.

*«Счастливым жребий Вы избрали:
Поверьте, лучше доли нет.
Вы Богу жизнь свою отдали,
Служа Ему во цвете лет.
Огонь священного призванья
Христос Вам в душу заронил,
Прощать грехи, лечить страданья,
Он Вам до гроба поручил.
Так пусть же у престола Бога
Ваш голос молодой звучит.*

*Он, без сомненья, очень много
Вам благ духовных подарит.
Сомнений и тревог не знайте,
Любовию всегда горя;
Во славу Божию свершайте
Святую службу алтаря!»*

(г. Томск, 7.08.1949.)

9 мая безоговорочной капитуляцией Германии закончилась Великая Отечественная война, и патриарх Алексий обратился к верующим России со словами радости и гордости за Победу русского народа: «Слава и благословение Богу! С благоговением вспоминая подвиги нашего доблестного воинства и тех наших близких и родных, кто положил за наше счастье жизнь, мы никогда не перестанем молиться о них! ...и укреплять веру во всемогущую помощь Божию нам, оставленным для продолжения земного подвига и для благоустройства жизни во всем мире».

Сейчас, когда в нашей стране идет процесс возрождения национального самосознания народа, представляется особенно актуальным изучение роли Русской православной церкви в Победе над фашистской Германией. Судьба каждого священника – участника войны может и должна служить примером истинной веры, любви и патриотизма.

*Использованы материалы ж/л
«Московская Патриархия»
1940-1950-е гг.*

Более 70 лет отделяет нас от событий Великой Отечественной войны. Но мы до сих пор не можем быть равнодушными к этой теме. Память о Великой Отечественной стала уже генетической: в семьях из поколения в поколение передаются воспоминания о родных – участниках тех событий, хранятся бесценные предметы и документы. Не ослабевает интерес и к художественным произведениям о войне. Перед вами десять книг, пользующихся наибольшей популярностью у читателей Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева

ЧИТАЙТЕ КНИГИ О ВОЙНЕ

1. Астафьев, Виктор Петрович. Прокляты и убиты / В. П. Астафьев. - М. : ЭКСМО, 2010. - 795 с. : портр. - (Русская классика). 16+

В 1995 году из печати вышло новое произведение Виктора Астафьева – роман в двух книгах «Прокляты и убиты». Для многих эта книга стала откровением, такой войны еще никто не знал. Первая книга «Чертова яма» рассказывает о новобранцах, призванных осенью 1942 года. Казарма собрала людей разных, среди которых старообряец Рындин, богатырь Булдаков, «брехун и ловкач» Зеленцов, полуармянин Васконян, полувейр Боярчик, казахи. Из этой «разношерстной» толпы формируется рота, у которой впереди тяжелые кровопролитные бои. События второй книги «Плацдарм» начинают разворачиваться осенью 1943 года. Известная по первой книге рота прошла учебный лагерь и ей предстоит форсировать Великую реку, в которой читатель без труда узнает Днепр. В романе появляются новые действующие лица – командиры, медицинские сестры, несколько немцев. Автор излагает их взгляд на события, описывает войну подробно, жестоко. Он разделяет своих героев на тех, кто брал плацдарм, и тех, кто отсиделился на восточном берегу, посылая первых на неминуемую гибель.

2. Бакланов, Григорий Яковлевич. Навеки – девятнадцатилетние : повесть / Г. Я. Бакланов ; худож. Ю. Федин. - М. : Детская литература, 2013. - 207 с. : ил. - (Школьная библиотека). 12+

Сам Григорий Бакланов написал о своей повести так: «Эта книга о тех, кто не вернулся с войны, о любви, о жизни, о юности, о бессмертии. В нашем поколении из каждых ста, ушедших на фронт, с войны вернулось не больше трех». В центре повествования история лейтенанта Володи Третьякова: фронт, ранение, уральский госпиталь, встреча

с Сашей, опять фронт, бой... Книга заставляет задуматься о том, что такое любовь к Родине, помогает увидеть молодых людей военной поры – таких разных, каждый из которых делает свой непростой выбор: защитить свою жизнь или жизнь Родины. Произведение Бакланова общей болью связывает поколения, тревожит сердца.

3. Бондарев, Юрий Васильевич. Горячий снег : роман / Ю. В. Бондарев ; худож. Л. Дурасов. - М. : Детская литература, 2013. - 459 с. : ил. - (Школьная библиотека). 16+

Одной из героических страниц Великой Отечественной войны – Сталинградской битвы – посвящена книга Юрия Бондарева «Горячий снег». Стойкость и отвага отличают героев романа: простых рядовых и командиров – от лейтенанта до командарма. И генерал Бессонов, и член Военного Совета Веснин, и наводчик Нечаев, и санинструктор Зоя – не похуже друг на друга люди, у них разные задачи, но всех их объединяет одно – обостренное чувство долга, способность пожертвовать жизнью ради общего дела. Именно таким людям удалось остановить и уничтожить лавину танков Манштейна.

4. Быков, Василий Владимирович. Альпийская баллада. Сотников / В. Быков. - М.: Клевер-Медиа-Групп, 2015. - 319 с. - (Лучшие книги о войне). 16+

Василя Быкова называют писателем одной темы – Великой Отечественной войны. Герой повести «Альпийская баллада»

Иван Терешка, попав в плен, живет с мыслью о побеге из концлагеря в далеких Альпах. Обычный человек в обычных обстоятельствах того времени. Встреча

с итальянкой Джулией, «три огромных, как вечность, дня побега, любви и невообразимого счастья», закончатся трагически для главного героя, ему предстоит спасти любимую ценой собственной жизни. И все же книга оставляет светлое чувство.

5. Васильев, Борис Львович. А зори здесь тихие... Завтра была война / Б. Л. Васильев. - М. : Клевер-Медиа-Групп, 2015. - 285 с. - (Лучшие книги о войне). 16+

Сюжет повести «А зори здесь тихие...» внешне прост. Фронт далеко. Железнодорожный переезд охраняет женский расчет с двумя зенитными пулеметами. Постиружки, патефон, танцы, шутки над старшиной-комендантом. Казалось бы, война далеко. Погоня за фашистскими

диверсантами, случайно обнаруженными в лесу, обернется для пяти девочек подвигом. Злоба и ярость, жалость к погибшим, превращаются в ненависть у единственного оставшегося в живых, старшины Васькова, и это помогает ему победить в неравном бою. Эта книга – обращение «к маленьким ниточкам в бесконечной пряже человечества», потомкам тех, кто остался там, «где зори тихие-тихие... И чистые-чистые, как слезы...».

6. Воробьев, Константин Дмитриевич. Убиты под Москвой. Это мы, господа! / К. Д. Воробьев. - М. : Худож. лит., 1987. - 159 с. 16+

*...Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам – все это, живые,
Нам – отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, –
Вы должны его знать.*

Вы должны были братья, устоять как стена,

Ибо мертвых проклятье –

Эта кара страшна.

А. Твардовский

Эпиграфом повести «Убиты под Москвой» определена вся ее суть. Учебная рота кремлевских курсантов шла на фронт. Пять дней из жизни героев повести вместили «невероятную явь войны». Рытье окопов, танковая атака немцев, гибель товарищей, окружение. Все это описано с ужасающей простотой, в произведении нет пафоса. Но как написал Виктор Астафьев: «Хочется кричать от боли. В иных местах, читая повесть, хочется загородить собою этих молодых ребят, вооруженных «новейшими» винтовками СВТ, которые годны были лишь для парадов, и остановить самих курсантов, идущих на позиции с парадным, шапкозакидательским настроением».

7. Кондратьев, Вячеслав Леонидович. Сашка / В. Л. Кондратьев. На войне как на войне / В. Курочкин. - М. : Вагриус, 2004. - 255 с. 16+

Страстное желание рассказать правду о войне привело в литературу Вячеслава Кондратьева довольно поздно: «Схватила меня война за горло и не отпускала. И наступил момент, когда уже просто не мог не начать писать». Все произведения писателя, рассказы, стихотворения, повести, в том числе известнейшая повесть «Сашка», во многом автобиографичные. Действие повести разворачивается подо Ржевом в 1941 году. Главный герой видит все ужасы войны, где часто «из живого...

лишь танки...», но Сашка думает о ротном, которому нужно достать валенки, он не способен расстрелять безоружного пленного немца, он стыдится непохороненных солдат. Главный герой вызывает симпатию, уважение своей добротой, участливостью,

гуманностью. Война не обезличила, не обесцветила Сашкин характер. Он любопытен и пытлив. На все события имеет свою точку зрения. «Книга Вячеслава Кондратьева, в которой с таким бесстрашием нарисован жуткий лик войны – грязь,

вши, кровь, трупы, – в своей основе светлая книга, потому что она проникнута верой в торжество человечности», – так высказался о повести «Сашка» литературовед Лазарь Лазарев.

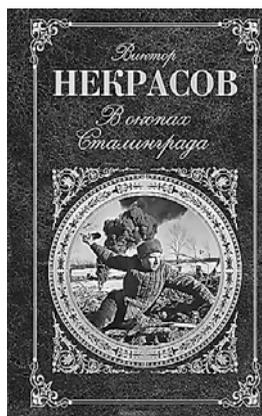

8. Лиханов, Альберт Анатольевич. Собрание сочинений для детей и юношества : в 15 т. Т. 9 : Мой генерал / А. А. Лиханов. - М. : Детство. Отрочество. Юность, 2010. - 302 с. : ил. 6+

Главный герой книги Альберта Лиханова – четвероклассник Антошка, от имени которого ведется повествование, высказывает мысль: «...каждый человек не берется ниоткуда: он – продолжение». Мальчику очень повезло с дедом – боевым генералом, участником Великой Отечественной. Отойдя от дел, генерал переезжает из Москвы в сибирский поселок, где работает и живет семья сына. Рыбаков-младший учится у деда добру, справедливости, умению сопротивляться жизненным невзгодам и быть настоящим человеком. Это происходит незаметно: и во время путешествия с дедом на его родину, и во время встреч с боевыми товарищами, и в повседневной жизни.

9. Некрасов, Виктор Платонович. В окопах Сталинграда / В. П. Некрасов. - М. : ЭКСМО, 2013. - 638 с. : портр. - (Русская классика). 16+

Повесть «В окопах Сталинграда» – одна из первых книг о подвиге народа в годы Великой Отечественной войны. Впервые была опубликована в журнале «Знамя» в 1946 году. В ней без прикрас показана жизнь солдат на войне, их трудная дорога к Победе. Повествование ведется от имени инженера полка Керженцева (сам автор служил инженером саперного батальона).

Жесткая правда войны очевидца событий не всем была по нраву в те годы. Известно, что Александр Фадеев вычеркнул повесть из списков на Сталинскую премию 1947 года, но чудесным образом она все же была удостоена этой премии – и только сам Сталин мог вернуть ее в списки.

10. Носов, Евгений Иванович. Красное вино Победы : рассказы / Е. И. Носов ; худож. Л. Башков, Ю. Далеккая. - М. : Детская литература, 2013. - 345 с. : ил. - (Школьная библиотека). 12+

Весна 1945 года застала героев рассказа «Красное вино Победы» в военном госпитале подмосковного городка Серпухова. Ожидание ранеными и медперсоналом главной новости – сообщения о Победе, сожаления о том, что Берлин будет взят без них и горечь последних, обидных потерь уместились в этом рассказе. Евгений Носов пишет о войне так, что за строками книги не слышны свист пуль, грохот снарядов, пулеметные очереди, крики боли и отчаяния. Пишет тихо, но ясно и мощно, пишет с неподдельной и неразделенной скорбью, пишет всю правду, которой – сам свидетель. По словам Александра Солженицына, военная проза Евгения Носова «с горькой горечью всколыхивает... то, что больно и сегодня...».

Все эти книги вы можете взять в Центральной городской библиотеке им. Н.М. Ядринцева и других библиотеках МБУ «Централизованная библиотечная система г. Барнаула».

МОИ ЗОДЧИЕ

ФРОНТОВЫЕ ТРАДИЦИИ, ИЛИ ВО ЧТО ВМЕШАЛАСЬ ПОЛИТИКА

Легендарный на Алтае архитектор Николай Николаевич Первушин появился на свет в знаковый год мировой истории. В тот год мумию фараона Тутанхамона извлекли из гробницы. Зато тело Ленина поместили в деревянный мавзолей. И гробница фараона, и мавзолей вождя создавались лучшими зодчими современности.

Будущий зодчий Первушин родился в Канске Красноярского края. Школу окончил в Анжеро-Судженске Кемеровской области. Военную специальность получил в Томском артиллерийском училище.

Великая Отечественная война оставила Николаю Первушину три ордена и язву желудка.

Демобилизованный лейтенант Первушин поступил учиться в Сибстрин.

Сергей Боженко.

Фото из архива редакции.

С будущей женой Галиной он познакомился на втором или третьем курсе обучения архитектуре. Как рассказывает Галина Ивановна, на занятия он ходил в кителе, конспекты и карандаш носил за голенищем, рисовал отлично. При этом фуражку клал на табурет и накручивал свой роскошный чуб. Как тут не влюбиться!

Фронтвик Первушин был старостой группы, и вскоре его выдвинули в партбюро факультета. Боевые награды поднимали начинающего архитектора вверх, а язва желудка тянула вниз. Юная супруга лечила его простоквашей. И вылечила! С тех пор наш герой стал обращаться к ней не иначе, как Матушка.

По распределению архитектор Первушин работал в Омске. Как зодчий он прославился, реализовав свой проект Дома культуры «Строитель» в псевдоклассических формах.

Наш герой был принят в Союз архитекторов, когда на комсомольских собраниях было принято ругать прозрачные блузки и бородачей. Именно в это время Хрущёв махал своей туфлей и обещал показать империалистам неведомую кузькину мать.

Николай Первушин поступил в аспирантуру. И все в жизни перспективного зодчего было бы ровно и гладко, но вмешалась политика.

Никита Сергеевич Хрущёв затеял создавать совнархозы. На Алтае было организовано два отдела архитектуры. Один подчинялся промышленному отделу крайкома КПСС, другой – сельскохозяйственному отделу.

Главный архитектор Алтайского края Виталий Тарасович Мелехов пригласил Николая Николаевича Первушина руководить архитектурой другого партийного отдела. Первушин согласился, бросив аспирантуру. Долг перед партией оказался выше личных амбиций. Ведь надо было строить коммунизм! Но совнархозы приказали долго жить, и один из главных архитекторов Алтайского края оказался не у дел. Власть оставила на должности красавца и орденоносца Первушина.

Широкое поле деятельности открывалось перед бывшим омичом. Николай Николаевич с честью выполнил свое профессиональное предназначение в должности начальника комитета по архитектуре и строительству Алтайского крайисполкома – главного архитектора края.

Усилиями нашего героя создано Алтайское отделение Союза архитекторов СССР. Он же стал и первым ее председателем.

В 1960-х годах продолжалось формирование главной площади краевой столицы – площади Советов. Генеральный план Барнаула 1964 года развивал планировочную идею нового Обского бульвара. Пробивка широкого бульвара от площади Советов

в сторону реки Оби предъявляла новые требования к самой площади.

Разъясняю подробнее. Если выражаться на архитектурном сленге, то масса существующего здания бывшего Алтайского крайисполкома не может держать пространство двухкилометрового Обского бульвара. Поэтому столичными зодчими предлагалась достройка здания крайисполкома высотным объемом, с укреплением фундамента, естественно. Для зрительного замыкания пространства проектируемого бульвара.

Главный архитектор края Николай Николаевич Первушин поддерживал идею достройки, помня об оригинальном проекте здания крайисполкома. Ведь первоначальный облик этого здания копировал силуэты московских (сталинских) высоток послевоенного времени!

Надо заметить, идея эта не устарела даже спустя полвека.

В южной части Центрального района Барнаула расположено два кладбища. На правом берегу реки Барнаулки – Булыгинское кладбище, а на левом – Воинское. Однако теперь горожане называют его Старым Воинским.

К 30-летию Победы над фашистской Германией решено было увековечить память о военнослужащих, умерших в барнаульских госпиталях и похороненных на Воинском кладбище. Поэтому главному архитектору Алтайского края, фронтовику Первушину, было поручено найти проектное решение этой задачи. Николай Николаевич привлек к проектированию Бориса Храбрых – юного зодчего с художественным уклоном. Вместе они разработали проект под названием «Мемориал умершим от ран в госпиталях Барнаула».

Композиционно мемориал представляет собою сочетание вертикальной призмы и горизонтальных стенок с фамилиями. Причем на косом срезе вертикальной призмы зритель обнаруживает пятиконечную звезду – символ Красной армии. На стенках авторы предусмотрели места для размещения более четырехсот фамилий.

Мемориал был возведен в срок.

В умах барнаульской интеллигенции советского времени всегда жила идея сохранения старинной городской застройки. Сам Николай Николаевич считал, что историческую часть Барнаула надо решать как парковую.

В самом конце 1970-х в нашей мастерской генпланов института «Алтайгражданпроект» был разработан проект реконструкции исторического центра Барнаула. Вместе с Александром Долнаковым мы участвовали в Первом(!) российском смотре творчества молодых зодчих. Более

того, наш тандем стал призером. В результате мы оба были приняты в Союз архитекторов СССР.

Для вручения членских билетов нас пригласили на прием к главному архитектору Алтайского края. Кабинет его размещался на первом этаже крайисполкома, что на площади Советов. Хозяином того кабинета был легендарный Николай Николаевич Первушин – человек с орденскими планками, тяжелыми складками на впалых щеках, чувственными губами и седеющим чубом.

Получить билет члена Союза архитекторов в те годы для юного зодчего считалось главным делом жизни. Круче, чем получить орден Ленина! Больше, чем звезду Героя! Но не все коту Масленица. Выяснилось, что нагрудные знаки члена Союза архитекторов, как это нередко бывало в плановой экономике, тоже закончились! Николай Николаевич сохранял фронтные традиции. Он снял с себя знак «Союз архитекторов СССР» и прицепил к лацкану моего пиджака.

Между прочим, фронтвик Первушин уважал песенное творчество Высоцкого. Слушая его песню со словами «Гуляй, рванина, от рубля и выше!», он однажды заявил:

– Если бы эта песня появилась во время войны, она бы стала самой любимой в окопах.

Случилось мне однажды получить от героя повествования урок русского языка. Принес я Николаю Николаевичу какие-то служебные бумаги. Пока он вчитывался в мои бумаги, я сообщил ему, что смотрел сюжет о нашей мастерской генпланов по телевизору.

– Тиливизер, тиливизер... – механически, не отрываясь от бумаг, повторил он вслед за мной.

Я вздрогнул. Неужели именно так я произношу это слово?! Я готов был провалиться сквозь землю. Этот случай помог мне взглянуть на себя со стороны. И ужаснуться увиденному.

Однажды я обнаружил подлог. Дело было так. Довелось мне с коллегами разрабатывать Генеральный план родного рабочего поселка Шипуново. Приехав для сбора исходных данных, обнаружил, что, пока я учился в Новосибирске, на родине построили новую школу. Рядом с железной дорогой! В пределах шумовой досягаемости! Мое профессиональное эго взбунтовалось. Кто позволил?! Ведь главный архитектор Алтайского края этого допустить не мог!

Пришлось, как ныне говорят, провести частное расследование. Оказалось, что новую школу очень надо было построить, а

пригодного места попросту не было. Выяснилось, что хитрованы из райисполкома решили проблему оригинальным образом. Они отрезали ножницами тот край листа на проекте школы, где была показана железная дорога! И подсунили обрезанный лист на подпись доверчивому Николаю Николаевичу. Более того, гордились своим «подвигом».

Я рассказал Первушину о фокусе с согласованием «привязки» школы. Он ничуть не удивился, только еще больше потемнел лицом. Я видел, что ему больно.

Надо сказать, главный архитектор Алтайского края был человеком немногословным. Подробности его жизни подрастающее поколение зодчих узнавало исключительно из уст его супруги Галины Ивановны Первушиной.

Оказалось, что Николаю Николаевичу в 1950-х годах делали операцию на желудок. И вот теперь, спустя два десятка лет, болезнь обострилась.

Восьмидесятые годы взрастили на Алтае идею увековечения имени Василия Макаровича Шукшина. В Краеведческом музее по инициативе Тамары Ивановны Варакиной был сформирован фонд великого земляка. Руками главного архитектора края Первушина были сделаны первые эскизы музея В.М. Шукшина в Сростках.

Расцвет общественной деятельности Алтайского отделения Союза архитекторов пришелся на годы смены генеральных секретарей. В это время силами местных зодчих и шабашников из РСУ-1 создавался Дом архитектора. Кстати, именно Николай Николаевич договорился с руководством Барнаула о передаче старого особняка на улице Анатолия, 106а, для нужд проектировщиков.

В том оформленном в стиле модерн особняке состоялась посмертная выставка графики архитектора Н.Н. Первушина. Нежная акварель его пейзажей открыла поколению неофитов мощь старой архитектурной школы и талант ее представителя.

БАРОН, ИЛИ ЧЕГО НЕ УСПЕЛ ХРУЩЁВ

я Виктор Остен-Сакен был наследником знаменитых остзейских баронов, прославивших русское оружие в Отечественной войне 1812 года. Фамилия его предков начертана золотом на внутренней стене храма Христа Спасителя в Москве.

О детстве нашего героя известно мало. Его отец Эмилий Львович — врач. Во время Первой мировой войны он был начальником госпиталя Красного Креста на Западном фронте. Со времени рождения сына — в рядах РККА, профессор Военно-медицинской академии имени Кирова, консультант по ортопедии в поликлинике НКВД. Мать нашего героя — уроженка Одессы и домохозяйка.

Родители заботились о физическом развитии ребенка. Поэтому мальчишка с десятилетнего возраста занимался спортом. Повзрослев, он получил первый разряд по плаванию и играл в сборной Ленинграда по водному поло.

Окончив девять классов, он поступил на курсы подготовки в Ленинградский индустриальный институт, но не был принят за неимением вакансии.

Наш герой до Великой Отечественной войны был ленинградским студентом. В 1937 году он поступил на архитектурный факультет Ленинградского института инженеров промышленного строительства (ЛИИПС) наркомата тяжелой промышленности. Но через два года он оказался учащимся Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ). В чем дело? Видимо, потому, что ЛИИПС был переподчинен наркомату ВМФ СССР и реорганизован в военно-морское инженерно-техническое училище. Где не было архитектурного факультета. И где не могло быть места наследнику остзейских баронов!

Война спутала планы многим. К ее началу Виктор Остен-Сакен окончил четыре курса ЛИСИ. Его преддипломная практика была связана с территорией, отошедшей к СССР после финской войны. Нашему студенту практику пришлось отложить, точнее — изменить. Производственную практику Остен-Сакен проходил в Ленгипрогоре. В паре с профессором-архитектором Витманом они обмеряли подвалы и составляли проекты их переустройства под бомбоубежища и газоубежища.

В августе 1941 года Виктор Эмильевич вместе с однокурсниками уже копал противотанковые рвы под Ораниенбаумом. Когда занятия в институте стали невозможны, он поступил работать токарем на завод «Вперёд», затем — архитектором

в отделе памятников при Ленинградском горсовете. При этом на своей шкуре почувствовал «прелести» холода, голода и бомбежек. Много позже Остен-Сакен будет говорить:

— Хорошо, что никто не знал, что блокада будет длиться 900 дней!

В августе 1942 года Виктор Остен-Сакен с матерью и сестрой эвакуировался из Ленинграда на Алтай.

Ему довелось побывать в шкуре трудармейца. Осенью 1942 года его мобилизовали и направили в Челябинскую область, где он работал сначала учетчиком, а затем — подземным забойщиком шахты 19а треста «Еманжелинуголь». Вот где пригодились его знания по устройству бомбоубежищ. Ведь крепить деревянными стойками забои в шахте приходилось точно так же как и подвалы в Ленинграде. Через год по состоянию здоровья и по распоряжению НКВД СССР он был демобилизован и возвратился на Алтай. Наш герой высадился на станции «Алейская» и проследовал в деревню Суслово Мамонтовского района, где он встретился с матерью и сестрой. И где стал трудиться завхозом на колхозной машинно-тракторной станции (МТС).

Ах, если бы недоучившийся студент знал, что его родной институт тоже эвакуирован в Барнаул! Он бы сошел с поезда раньше. И судьба его сложилась бы иначе!

Переменив множество мест работы, Виктор Остен-Сакен возвратился в свою профессию. Бывший трудармеец устроился работать архитектором в стройтрест № 31, потом в трест «Стройгаз», затем в ГСПИ завода «Трансмаш». На 41-м году жизни удача повернулась лицом к нашему герою! Он перешел на работу в управление главного архитектора (УГА) города Барнаула. Суровая школа жизни выковала из него вдумчивого руководителя.

Это было время структурных изменений городской архитектурной службы. В 1959 году управление главного архитектора города было слито с городским отделом коммунального хозяйства.

Кроме Остен-Сакена на рубеже 1950-1960-х годов на Алтае работали всего три архитектора: Попков, Налимов, Малинин. Потом появился Кубарев с супругами Первушиными. Чуть позже приехали супруги Лейбготы, Яницкая, Казаринов-младший и остальные.

Остен-Сакен дружил с Первушиным и Добровольским. Как рассказывают очевидцы, это была веселая гоп-компания одаренных мальчишек. Мальчишки, правда, были уже в возрасте Христа.

В 1960 году авторитетный Виктор Эмильевич Остен-Сакен был назначен глав-

ным архитектором города Барнаула. В это время продолжалось возведение одноэтажных усадебных жилых домов вплоть до запрещения их строительства в год первого полета человека в космос. В то время получило широкое распространение самовольное строительство. Принцип «затопили печь — дом не снесут» действовал безотказно.

В это же время в полную силу стало действовать постановление правительства о борьбе с излишествами в архитектуре. В архитектуре наступил спад, и управление главного архитектора (УГА) было подчинено горкомхозу. Расцвела показуха — ежегодно городские озеленители отчитываются о посадках десятков тысяч деревьев. Не говоря уж о кустарниках. Правда, вслед за этим строители, реализуя проекты застройки, уничтожают эти саженцы. Если верить сводкам о ходе озеленения Барнаула, то он должен был стать самым зеленым городом планеты.

Местная партноменклатура возмущалась низким эстетическим уровнем типовых (!) новостроек. Один местный партиец так и заявлял: «Ведь в этом городе будут жить при коммунизме!». Однако критика обрушивалась не на партийных рулевых, а на голову главного архитектора города — Виктора Эмильевича Остен-Сакена. А что, он удобная мишень — представитель ленинградской интеллигенции, потомок остзейских баронов, бывший трудармеец, немец то-бишь!

На своем посту Остен-Сакен проявил себя энергичным руководителем. Не зря же через пару лет УГА города вновь ста-

ло самостоятельной организацией. Более того, укрепилось специалистами с высшим архитектурным образованием.

В годы построения коммунизма барнаульцы жили в условиях кризиса общественного транспорта, но не догадывались об этом. Народ набивался в трамваи, как сельдь в бочку, виснул гроздьями у дверных створок, бесстрашно стоял на трамвайных сечах. Надо было искать выход из кризиса. Если верить злым языкам, наш герой предлагал убрать из трамваев все кресла. Для чего? Для того чтобы увеличить вместимость вагонов. И одним махом решить проблему пассажироперевозок!

1964 год — год эпохальных событий в истории страны, города и биографии нашего героя. Назначен новый генсек Брежнев. Утвержден новый Генплан Барнаула. Получен диплом о высшем образовании архитектором Остен-Сакеном. Правды ради надо сказать, что дипломный проект помогал делать тезка — его боевой заместитель Виктор Казаринов. Тот самый, кто через пять лет займет его место.

В это время активно формировался ансамбль площади Советов. Строились Дворец спорта, Краевая библиотека, Театр оперетты, кинотеатр «Мир». Виктор Эмильевич становился известным человеком в городе.

После празднования 20-летия Победы над фашистской Германией в стране зародилась идея увековечения памяти жертв войны. Остен-Сакен как главный архитектор города принял участие в разработке проекта мемориал Славы в Барнауле. Правда, в составе авторского коллектива.

К слову сказать, открытие монумента-

та планировалось к 25-летию Победы, но сроки строительства оказались сорваны. Мемориал был торжественно открыт через год после юбилея.

Вступление Остен-Сакена в Союз архитекторов СССР было отмечено началом «культурной революции» в Китае и появлением «Кабачка 13 стульев» на телевидении. Веселое было время! Наш герой был легок на подъем. Когда наступала минута веселья, он мог сплясать и на столе.

Виктор Эмильевич покинул пост главного архитектора города в год высадки американцев на Луне. Новые времена наступали в советском зодчестве. В Москве была построена самая большая в мире гостиница «Россия». Барнаульский студент-заочник Евгений Страздин предложил победную идею для спасения Пизанской башни... Но я отвлекся.

После отставки Остен-Сакен ушел работать заместителем директора по строительству Барнаульского котельного завода, потом — начальником мастерской «Алтайгражданпроекта» (АГП), затем — главным архитектором института «Алтайгипросельхозстрой», в обиходе — «Гипросельхоз».

Впервые я увидел легендарного Остен-Сакена именно в этой роли. Виктор Эмильевич выглядел стареющим атлетом. Мужественные складки лица, вьющаяся седина и нос с горбинкой делали из него светского льва. С такой внешностью надо было сниматься на Одесской киностудии, а не проектировать коровники в провинции.

Он подводил итоги конкурса на лучший проект индивидуального жилого дома для сельской местности. В том конкурсе, иг-

норируя авторитет старшего поколения зодчих, наша молодежная команда взяла первый приз.

Председателем жюри того конкурса Остен-Сакен был не зря. Он являлся специалистом в этой сфере. Оказалось, что он опубликовал в литературном альманахе «Алтай» художественные размышления о проблеме проектирования жилища. Факт этот вдохновлял меня, открывал, как пишут журналисты, новые горизонты творческой деятельности.

В своей работе Остен-Сакен был педантом. Гонял молодых специалистов, проверяя расчеты до последней цифры. Под его крылом выросли известные барнаульские зодчие — Юрий Синяев и Тамара Устюгова.

Архитектор Остен-Сакен не любил высотные дома. Он так и заявлял:

— Небоскребы — это архитектурный терроризм!

Много позже мне довелось слушать доклад градостроителя с мировым именем. Он утверждал, что юноши, выросшие в верхних квартирах 16-этажек, не могут пройти медкомиссию для службы в авиации.

Однажды Виктор Эмильевич выступал с лекцией о достижениях советского зодчества. После лекции одна восторженная дама поинтересовалась у него:

— Чего Хрущёв не успел сделать в строительстве?

На что бывший главный архитектор города ответил:

— Он не успел сделать туалет проходным. Не успел объединить ванну с унитазом, а пол с потолком!

Юбилеи нашего героя совпадали с юбилеями пролетарской революции. В год 60-летия Октябрьского переворота он получил медаль «Ветеран труда».

Остен-Сакен тянулся к молодежи. Он посещал стихийно возникший клуб молодых зодчих. Однажды он явился на заседание клуба с саморучно испеченными пирогами. В лучших традициях столичных капустников. Все знали, что Виктор Эмильевич пострадал за свою фамилию. На деликатные расспросы о трудармии он отвечал не без юмора:

– Трудармия – это место, где есть труд и нет армии...

За уклончивыми ответами пряталась боль за свою искалеченную судьбу. Будучи человеком интеллигентным, наш герой оставил отрывочные воспоминания о войне. Он написал: «Мне в то время было стыдно за нацию, к которой я принадлежу. Тогда и нас надо уничтожить, даже за одну эту принадлежность... При чем мой отец, выбравший себе родиной Россию и Советский Союз. А я ведь только его сын, ничего этого не выбиравший, они мне достались по рождению...».

Остен-Сакен был оптимистом. Он говорил:

– Первые пятьдесят лет жить всегда трудно!

При этом Остен-Сакен свято верил в созидательную роль архитектуры. Он утверждал:

– Врач лечит человека, а архитектор лечит человечество!

Как уже упоминалось, Остен-Сакен был спортсменом. На градостроительных советах он преимущественно интересовался объектами спорта и нормативами проектирования спортсооружений.

Идет очередной градсовет. Председатель предлагает автору:

– А теперь доложите нам, как спроектировано спорт-ядро с ямой для прыжков?

– Можно с места? – спрашивает докладчик.

– Лучше с разбегу, – подсказывает Виктор Эмильевич.

Выйдя на пенсию, Виктор Эмильевич был приглашен на работу в мастерскую генпланов института «АГП». Коллектив мастерской был молодым. Начальнику был нужен ветеран, как знамя. Остен-Сакен в очередной раз стал наставником юных зодчих.

Приближалось 50-летие образования Алтайского края как административной единицы. В пору тотальной критики репрессивных органов Виктор Эмильевич обнаружил на кровле УВД Алтайского края лозунг «1937–1987». Возмутившись, он пошел на прием к милицейскому генералу. Какие доводы приводил старый трудармеец не известно, но двусмысленный лозунг исчез.

Как-то я присутствовал при таком разговоре. Один малый высокомерно утверждал:

– Архитектором надо родиться!

На что умудренный жизнью Виктор Эмильевич уточнял:

– Архитекторами не рождаются, архитекторами умирают.

Последние годы Остен-Сакен болел. Изредка он заходил к нам, в Главархитектуру, где некогда был начальником. К удивлению женщин, он стал носить модные черные очки вместо обычных с толстыми линзами.

Однажды мы шли с ним по проспекту Строителей от нашей конторы в сторону кинотеатра «Мир». Он жаловался на здоровье. Я вяло его успокаивал:

– Виктор Эмильевич, все будет хорошо.

Он остановился на трамвайных путях и твердо сказал:

– Хорошо не будет. Смотри.

И снял черные очки. Из вывернутых наружу кровавых век на меня глянула смерть. Страшной японской маской...

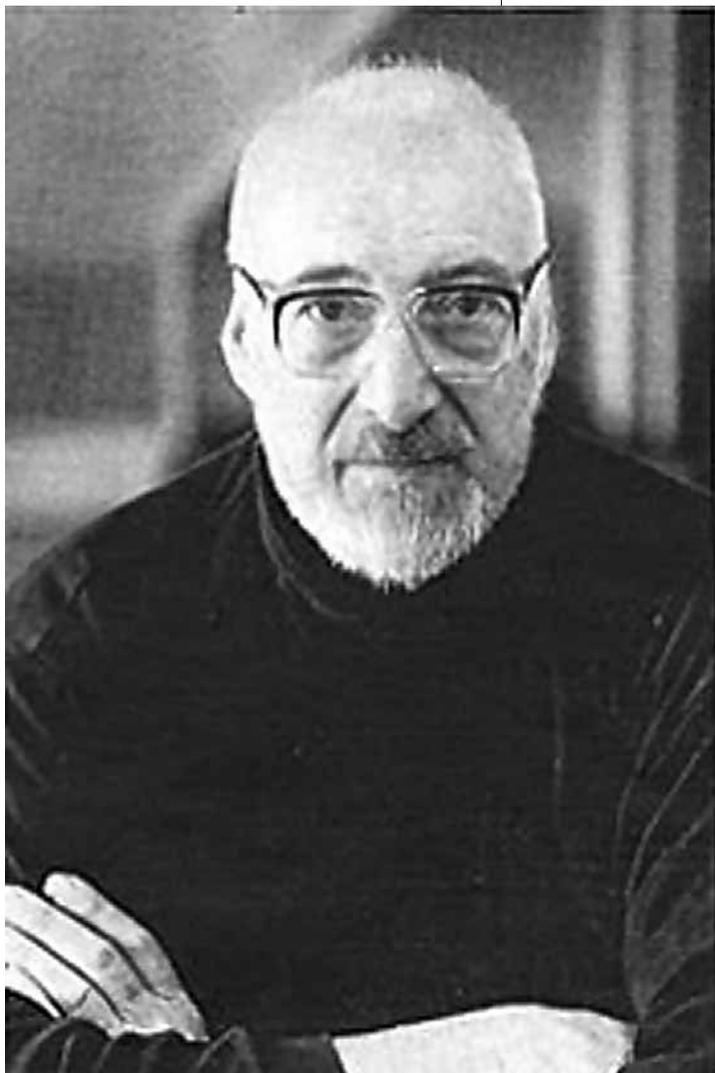

АВТОР МОНУМЕНТОВ, ИЛИ ЧТО РАЗМЯГЧАЕТ СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА

Добровольский... Фамилия эта серебряной нитью прошивает историю России – историю старую и историю новую. Музыканты, врачи, инженеры, космонавты... Заслуженный художник Российской Федерации Владимир Фёдорович Добровольский – Большой Мастер в этом ряду.

Владимир Добровольский появился на свет в День всех святых, правда, католических. Тот день назывался Кануном Олхолуиса, позже ставший в Хэллоуин. Он родился во времена наведения порядка в мире. В тот год в США был арестован Аль Капоне, а в СССР нейтрализован Лев Троцкий. На этом фоне создание Организации украинских националистов (ОУН) на Конгрессе в Вене произошло незамеченным широкими кругами прогрессивной общественности.

Будущий художник родился в совершенно обнищавшей еврейской семье,

на окраине Барнаула. Будучи подростком, он работал художником-бутафором в краевом драматическом театре. Его творческий путь начался в городской изостудии у С.Ф. Черепенникова.

Профессиональное образование Владимир Добровольский получил в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище имени Веры Игнатьевны Мухиной. Так получается, что вековые традиции соединяют Барнаул через архитектуру и изобразительное искусство с Северной Пальмирой. Подтверждением тому стало творчество нашего героя.

Прошли годы с тех пор, как ушел из жизни Большой Мастер, но следы его остались. Его талантом и жадной жизни в Барнауле сформирована особая художественная среда, в которой отражены история страны, история города и его собственный творческий путь.

Впервые с творчеством художника Добровольского я столкнулся, будучи школьником. В конце 1960-х в райцентре Шипуново был выстроен огромный Дом культуры. Незнакомые люди колдовали на деревянных лесах у стен нашего ДК. Когда леса были разобраны, публика увидела коричневые панно с сюжетами развития культуры и сельского хозяйства. Впоследствии выяснилось, что техника вырезывания изображения по многослойной цветной штукатурке называется сграффито.

Впервые Владимира Фёдоровича я увидел в 1978 году.

Дело было так. К полувековому юбилею комсомола Алтайский крайком ВЛКСМ объявил конкурс на лучший проект монумента комсомольской славы в Барнауле. Это сооружение должно было встать на Обском бульваре, около театра оперетты. Вместе с товарищами я принял участие в этом конкурсе. Мы выполнили роскошный макет и графическую подачу. Наш проект был признан лучшим. Как оказалось, по причине гармоничного сочетания архитектуры с изобразительным искусством. Точнее, с монументально-декоративными рельефами, которые пришлось рисовать мне.

После обнародования результатов конкурса к нашей архитектурной команде подошел один из членов жюри – человек-гора с лицом сатира и седеющей растительностью на голове. Это был художник Добровольский. Тот самый! Узнав, что мы «чистые» архитекторы, он сказал:

– А я думал, что среди вас есть профессиональный художник-монументалист!

Так мы познакомились.

В историю Барнаула Владимир Добровольский вошел как один из основных

авторов мемориала Славы на площади Победы, вместе с архитекторами Владимиром Михайловым, Виктором Казариновым, Виктором Остен-Сакеном, инженером Александром Глумовым, скульпторами Петром Мироновым и Константином Чумичёвым.

Вертикальная стела в форме стилизованного штыва с флагом задумана как архитектурная доминанта в ансамбле привокзальной площади. На обеих сторонах флага развернуто эпическое повествование о ратном и трудовом подвиге народа в годы Великой Отечественной войны. Выражаясь казенным языком, то была первая очередь будущего мемориала на площади Победы.

Кованые медные барельефы на внутренних поверхностях бетонных полуколец мемориала Славы поставили художника Добровольского в ряд ведущих монументалистов бывшего Советского союза. Стилистическая цельность, композиционная завершенность и тонкий вкус авторов – те краеугольные камни, на которых держится этот монумент. Кстати, авторы барнаульского мемориала награждены серебряными медалями ВДНХ СССР.

Эпопею создания мемориала Славы наш герой описывал кратко:

– Вызывают нас с Петькой в большой красивый красный дом. Самый жирный из секретарей говорит, обращаясь почему-то ко мне: «Если не откуешь монумент к сроку, ты не только ЗДЕСЬ не будешь, ты НИГДЕ не будешь!».

Партократ намекал на еврейскую эмиграцию.

Добровольский отковал.

За героические труды по созданию первой и второй очередей мемориала Славы Добровольский и Миронов получили от городской власти замечательный подарок – двухэтажное здание с двумя художественными мастерскими на проспекте Строителей.

В мастерской Владимира Добровольского собиралась творческая интеллигенция. В ближний круг друзей нашего героя входил художник театра Борис Астахов, архитектор Виктор Казаринов, живописцы Николай Гришук, Семён Чернов, Геннадий Борунов, профессор Васильев, журналист Вячеслав Соколов, поэт Вильям Озолин. В узком кругу хозяин мастерской отзывался на имя Вэл.

Надо сказать, что Добровольский как творческая личность созрел на рубеже 1950-1960-х годов, в пору хрущевской «оттепели». Неудивительно, что он нёс в себе дух инакомыслия, хотя диссидентом в полном смысле этого слова никогда не был. Художник работал на идеологию, но членом партии не состоял.

У него был любимый еврейский анекдот: «Собираются евреи в синагоге. Один еврей заявляет: «А у Ребе дочь падшая женщина!» «Но ведь это не так!» – восклицает другой еврей. «Я знаю, – говорит первый еврей, – но главное – поставить вопрос!»

С тех пор в этой компании повелось: «Главное – поставить вопрос!».

В середине 1970-х в интерьере Дворца культуры Барнаульского шинного завода Добровольский создал роспись на тему «Художественная самодеятельность».

Композиционная выверенность, цветовая гармония, сбалансированный расклад цветовых и тоновых пятен говорят о художнике как о большом мастере. В этой росписи отчетливо видна советская школа монументального искусства. При этом прослеживается западно-европейская традиция эпохи Возрождения.

В нижней части панно наш герой оставил авторский след – нарисовал розочку.

Весьма интересно монументально-декоративное панно, выполненное Добровольским на здании сибирского института имени М.А. Лисавенко, что стоит на Змеиномгорском тракте. Панно было завершено в год советского вторжения в Афганистан.

Художник пластически внедрил в святая святых – в архитектурное решение фасада. Удаленность от улицы подсказала использование крупномасштабных объемных элементов. Специализация института – использование стилизованных растительных мотивов в знакомой уже технике сграффито. Ритмическим чередованием геометрических форм создано выразительное декоративное произведение. В очередной раз явился тот самый синтез архитектуры с изобразительным искусством.

И здесь наш герой изобразил розочку.

Пафос революции и Гражданской войны наложил неизгладимый отпечаток на творчество многих видных советских художников. Не миновала эта участь и беспартийного Добровольского.

К 250-летию Барнаула талантом героя повествования совместно с архитектором Андреем Гётте создана скульптурная композиция с романтическим названием «Трубач революции». Произведение представляет собой юного красноармейца, стоящего в стременах скачущей лошади. Место для монумента выбрано было не случайно – напротив памятника захороненным на проспекте Ленина героям Гражданской войны на Алтае.

Надо сказать, архитектурное пространство продиктовало художнику плоскостное решение формы. Все – и разворот фигуры, и развивающиеся флаги, полы шинели, лошадиная грива – подчеркивает идею

горизонтального движения. Контрастом к горизонтальному развитию формы стал вертикальный ритм граненых штыков – символа диктатуры пролетариата.

Ничего не поделаешь, в советском монументальном искусстве были свои стереотипы.

Кроме сотворения монументальных панно, Добровольский работал в жанре живописного портрета и пейзажа. Но самой сладкой его песней был цветочный натюрморт. Те огромные натюрморты до сих пор украшают частные коллекции и офисы фирм.

По его признанию, он был живописцем-тоновиком. Поэтому предпочитал оформлять свои контрастные натюрморты в мощные белые рамы благородного профиля. Это была его фишка. Любителей золотить рамы наш герой считал провинциалами.

Багет для оформления своей живописи Добровольский заказывал знакомому специалисту, а ежели использовал «худфондовый», то обязательно его перекрашивал.

По делам мне частенько приходилось захаживать к Владимиру Добровольскому и «на халяву» угощаться бразильским кофе. Добродушный хозяин выставлял угощение и спрашивал:

– Старик, сколько ложек сахара кладёшь?

Я, как всегда, шутил:

– Дома – одну, в гостях – три.

На что старый добрый Добровольский заявлял:

– Старик, чувствуй себя как дома!

В общем, жизнерадостный был человек...

Строительство спорткомплекса «Обь» для барнаульцев стало радостным событием.

Владимир Добровольский потрудился над художественным осмыслением интерьеров этого комплекса. В помещении малого бассейна его талантом и руками

помощников создана мозаика. Однако внимания искусствоведов заслуживало грандиозная роспись по рельефам с названием «История плавания». Это панно было смонтировано в холле второго этажа спорткомплекса.

В той работе наиболее отчетливо ощущается характерная для него ориентация в искусстве на просветительские и гуманистические идеи. Широта кругозора, гражданская позиция и потрясающая работоспособность в очередной раз позволили Владимиру Фёдоровичу создать эпическое произведение.

Публику удивляла глубина проработки темы и нестандартность художественных решений. Как говорится, от Гомера до наших дней. В одной из частей того панно в качестве персонажа присутствовал Александр Сергеевич Пушкин. Присутствовавший на приемке работы художник Астахов не утерпел и заявил:

– А ведь Пушкин не умел плавать!

– Откуда это известно? – встрепенулся автор.

– Главное – поставить вопрос! – поучительно сказал старший товарищ.

Середина 1980-х годов запомнилась торжествами по случаю 40-летия Победы над фашистской Германией.

В этой связи мы с Добровольским работали над памятным знаком в честь барнаульцев – Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. Бесчисленные эскизы будущего монумента раскрыли иные грани его таланта: экспрессивное рисование и обостренное ощущение всего нового. Точнее – ощущение тщетности поисков «нового».

Владимир Фёдорович точно знал, что в монументальном искусстве трудно изобрести нечто такое, что было бы неизвестно мастерам прошлых веков. Он не уставал повторять:

– Понимаешь, старик, все, что нам кажется новым, уже где-то и когда-то было! В Египте, в Греции, в Риме... Мы все забыли! А ведь достаточно заглянуть в книги...

Была в его словах обреченность мудреца, осознавшего конечность жизни и беспредельность искусства.

Творческий поиск происходил в мастерской Владимира Фёдоровича на железном столе, заваленном сажой, ржавчиной, обрезками меди и латуни. Об электродах, трансформаторах, резиновых шлангах, газовых баллонах и говорить нечего.

Архитектор стремился к лаконизму. Художник – к вычурности. Строитель – к технологической простоте. В конце концов, победил здравый смысл.

Памятный знак этот был сооружен в сквере на проспекте Социалистическом,

напротив старого корпуса пединститута. Композиция его решалась сочетанием вертикальной темы оружия и горизонтальной темой имен героев. Этот символический крест скреплялся лавровым венком – символом славы.

Совместная работа автора этих строк с героем этих строк положила начало дружбе и новым монументальным произведениям. Или, как говорят искусствоведы, – синтезу архитектуры и монументального искусства.

К сожалению, обнищание людей привело к неоднократному разграблению этого монумента, ведь медь и латунь в цене. Спустя десятилетие судьба нашего произведения оказалась заложницей конъюнктуры. Новой номенклатуре захотелось еще раз увековечить память о Победе, правда, уже в честь ее 50-летия. Сказано мудрецами: пути Господни неисповедимы...

Добротное рисование и техническая культура живописи являлись мощной основой в работе Добровольского-монументалиста. Но ему этого было мало. Он осваивал новые материалы и новые технологии. Он попробовал себя в металлопластике, делал эскизы и модели из листовой меди.

Как-то заглянув к Добровольскому в гости, я застал его с учебником ботаники в руках. Рядом лежали медные выкройки лепестков. Он восхищенно повторял:

– Смотри, старик, конструкция цветка – чистая архитектура!

В его руках холодный металл оживал, обретая животрепещущие формы бутона розы, пышного тюльпана или нежно-махровой орхидеи. Работа с металлом укрепляла руки художника, но размягчала его сердце. Любимым женщинам он дарил сотворенные вручную медные розы.

Восьмидесятые годы запомнились пышными похоронами генеральных секретарей и тихими захоронениями «груза-200». Аллея афганцев на Власихинском кладбище в Барнауле вскоре исчерпала свою вместимость. Идея создания мемориала жертвам Афганской войны всплыла сразу после вывода оттуда советских войск.

Возвращаюсь к главному. Высокая гражданская позиция, боль за Родину и сострадание жертвам войны привели Владимира Добровольского к афганской теме в его творчестве. Он один из авторов мемориала воинам-интернационалистам на Обском бульваре.

Конкурсное проектирование, бесконечные споры, индивидуальные поиски и совместные озарения привели к мысли об отказе от художественных штампов,

подтолкнули к оригинальным решениям.

Основная сценарная идея мемориала – символическая дорога из отчего дома через терновый венец испытаний к Вечному огню самопожертвования и последующему возвращению по дороге, ведущей в храм. В том символическом храме на картушах, как на иконостасе, увековечены имена мучеников.

Символом надломленной судьбы поколения стал надломленный стебель черного тюльпана, мастерски изготовленный из ковanej меди. Камень с афганских гор, уложенный под «иконостасом» стал живым свидетелем трагических событий. Пространственный каркас над двориком стал символом православного храма. Грубая брусчатка из отчего дома, от храма к Вечному огню стала символом последнего тяжелого пути.

Драма идей, заложенная нами в художественно-образное решение мемориала, позволила режиссерам его торжественного открытия создать восхитительный спектакль. Мы с Владимиром Фёдоровичем, оба в белом, стояли у красной стены Дома афганцев и переживали сладчайшие минуты жизни. Минуты, когда твоя работа перестает принадлежать только тебе

и становится всеобщей. Добровольский сказал:

— Представь, старик, а без нас всего этого бы не было...

Полувековой юбилей Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов Владимир Добровольский отметил работой над так называемой третьей очередью мемориала Славы на площади Победы в Барнауле. То была стела с именами Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, ушедших на фронты с Алтая.

В силу служебной занятости я отказался от участия в разработке проекта, но привлек к работе архитекторов Деринга и Тисленко.

Камерное архитектурно-художественное решение этой третьей очереди было продиктовано градостроительной ситуацией. С восхищением я обнаружил, что Добровольский использовал один из вариантов нашего десятилетней давности памятного знака в честь этих же героев и кавалеров.

Короче, Владимир Фёдорович вкупе с соавторами добился монументальной лаконичности и сценической театральности одновременно. Объект воспринимается раскрытой Книгой Судеб, на страницах которой запечатлены имена воинов. Жертвенная чаша оказалась без Вечного огня. Был в трактовке монумента некий подвох, но публика его не заметила. Спустя еще одно десятилетие я распорядился заменить пустую чашу пятиконечной звездой — символом Красной армии. И публика снова этого не заметила.

Несколько раз мне довелось побывать с Добровольским на этюдах в Горном Алтае. Памятные коллективные поездки на пленэр происходили где-то на рубеже веков. Одно поколение художников уступало место другому. Старик Добровольский натаскивал молодых, видимо, на правах бывшего преподавателя Новоалтайского художественного училища. Он так и заявлял:

— Старик, выкинь желтую стронциановую краску! Ею только клопов морить!

Надо заметить, к поездкам на этюды герой этого повествования готовился основательно. Он сам перебирал ходовую часть старенькой «Нивы», копался в подвеске, заряжал аккумулятор. Тщательно упаковывал натянутые на рамы холсты. Окончательно грунтовал их в первый день приезда на пленэр, сушил на солнышке. Палатку с собой не брал — спал в машине, сидя в кресле водителя.

Как-то мы большой компанией ездил на этюды за Акташ, в Курайскую степь. Точнее, в распадок между Чуйским трактом и рекой Чуей. Есть там крохотная полянка

под старой лиственницей у чистого ручья со старым костровищем. Мало кто из барнаульских художников там не побывал.

Перед работой Владимир Фёдорович тщательно готовил палитру — скоблил, протирал растворителем, выдавливал краску из туб, замешивал ее лаком с «пиненом» в особых пропорциях. Затем постукивал палитрой по этюднику, чтобы густые шматы красок расплывались цветными лепешками.

Старый мастер работал кистями быстро, практически без исправлений. Потому, что брал с палитры на кисть верный цвет нужного тона. При этом вокруг него разрасталась куча мятых газетных осьмушек, которыми он чистил кисти. Газетная бумага, пропитанная маслом и лаком, с триумфом шла на розжиг костра.

Из года в год по вечерам звучал бессмертный анекдот: «Собираются два художника на пленэр и говорят: «Ты этюдник взял?» «Взял». «А холсты взял?» «Взял». «А палитру взял?» «Почему по литру? По два!!» После чего Добровольский обращался к самому молодому:

— Старик, неужели после вчерашнего у нас ничего не осталось?

«Старик» радостно отвечал:

— Как вы могли такое подумать!?

Добровольский удовлетворенно произносил:

— Главное — поставить вопрос!

Талантливые люди талантливы во всех проявлениях. Владимир Добровольский, по сути, был универсальным художником. Широта его интересов простиралась от крупномасштабных монументов до миниатюрных изделий. Не говоря уж о графике и станковой живописи. И здесь диапазон его обширен — пейзаж, портрет, натюрморт. Его кисть запечатлела на холстах образы старинных русских городов, портреты родных и близких, экзотику алтайских пейзажей и цветонасыщенную щедрость натюрмортов.

Однажды Добровольский выносил из кладовки старые холсты и картонки со студенческими этюдами. Я поднял одну картонку и ахнул:

— Это же фешинский колорит!

Хозяин мастерской посерьезнел:

— Старик, тебе надо сделать выставку этюдов в нашем Союзе художников. Наши разучились работать!

— Мне достаточно процесса...

И мы заспорили о цели творчества. И о том, что важнее — процесс или результат? Я утверждал, что только в процессе творчества может быть достигнут художественный результат. Мой оппонент соглашался, но считал, что важен лишь результат, а процесс творчества — лишь инструмент

достижения результата. Казалось, что мы в шаге от истины, но в железную дверь постучал поздний гость.

Добровольский открыл дверь. В клубах морозного воздуха в мастерскую вошел поэт Озолин. Хозяин мастерской радостно раскланялся, протянул гостю руки и спросил:

— Виля, вам подать рюмочку коньяку или вы предпочтете стаканчик чаю?

Гость бодро ответил:

— Лучше, конечно, стаканчик коньяку!

Однажды я заглянул к Добровольскому. Посередине мастерской стоял неведомый агрегат, размером с танковый двигатель. Рядом с агрегатом возились сварщик Гена Боровков и сын Добровольского Эдик.

Выяснилось, что вездесущий искусствовед Любовь Николаевна Шамина на помойке БЛВЗ раскопала дореволюционный станок по розливу алкогольных напитков. Более того, уговорила Добровольского и его команду отреставрировать замечательный артефакт. Надо сказать, команда с энтузиазмом реставрировала станок, видимо, лелея надежду на создание подпольного цеха по розливу самопальной продукции.

Вскоре отполированный агрегат сиял, освещая золотистыми рефлексами черные от сажи и копоти стены мастерской. Это было лучшее произведение промышленного дизайна и монументального искусства, которое я наблюдал в мастерской нашего героя.

Обращение к истории, к истокам — характерный для Владимира Добровольского прием в работе. Его интересовал опыт «стариков», их приемы и технологии. В исторической преемственности он видел вечность искусства и непреходящие ценности.

Любовью к историческим реминисценциям была проникнута работа по проектированию монумента в честь 100-летия Барнаульского ликеро-водочного завода. Классический обелиск увенчивался современной символикой. По просьбе Владимира Фёдоровича я изменил пропорции и сделал рабочие чертежи монумента. К сожалению, идея эта не была воплощена в вечном материале.

Владимир Фёдорович гордился своими детьми. Его дочь Елена выучилась на художника, вышла замуж и уехала жить в Америку. Заботливый отец слетал в гости к дочери. Из-за океана привез друзьям сувениры, изготовленные по эскизам любимой дочери. И пригласил друзей в гости.

Мастерская наполнилась друзьями. Хозяин достал из древнего холодильника водку. Потом — деревянные рюмочки с

истершейся хохломской росписью. Снял с плиты сковороду с жареной картошкой. Гости загалдели. Добровольский рассказал анекдот из американско-еврейского быта: «Приходит один еврей к другому и говорит: «Дай взаймы». «Дам, но после возвращения из Нью-Йорка». «Ты едешь в Америку?» «И не думаю!».

Выпили. Друга поддержал Вячеслав Соколов: «Приходит один еврей к другому и говорит: «Займи тыщу». «У меня с собой нет ни копейки». «А дома?» «А дома все в порядке. Все здоровы».

Выпили. Разговор продолжил Володя Каминский: «Один еврей спрашивает другого: «Что бы ты сделал, если бы нашёл миллион?» «Ничего». «Почему?» «А зачем мне что-то делать, если у меня уже есть миллион!?».

Выпили. Вильям Озолин рассказал: «Встречаются два еврея. Один спрашивает: «Ты что такой грустный?» «Таки топиться иду». «С ума сошёл! В новом костюме!».

Выпили. Геннадий Борунов признался, что ему больше нельзя.

Выпили. Соколов заметил:

— Володя, ты сидишь на моей шляпе!

Хлебосольный хозяин ответил:

— Слава, я знаю. Но разве ты уже уходишь?

Выпили. Соколов запротестовал:

— Не нужно нас провожать, уважаемый Владимир Фёдорович. Не утруждайте себя...

— Что вы, что вы! Провожая гостей, я испытываю истинное удовольствие!

Интеллигентная была компания...

В последние годы Владимир Фёдорович заведовал кафедрой изобразительного искусства на факультете архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета. Он преподавал рисунок. Однако ярко проявлял себя в смежных дисциплинах. У него были свои счеты с математикой. Он, например, говорил:

– Начать с нуля могут лишь единицы.

И геометрию он понимал иначе:

– Надо быть выше тех, кто смотрит на вас сверху вниз!

Однажды мне сообщили, что Добровольскому сделали операцию. Я зашел к нему в гости. Хозяин мастерской двигался, придерживая ладонью правый бок. Под рубахой к телу был приклеен медицинский контейнер. Бороться за жизнь ему помогала друг семьи врач-психотерапевт Виктория Яковлевна Васильева.

Несмотря на болячки, Владимир Фёдорович продолжал руководить кафедрой, и мы виделись на заседаниях Государственной экзаменационной комиссии. Я сидел справа от него, чтобы посторонние члены комиссии не слышали, как работают его искусственные органы. Художник не чурался красного словца. Он так и заявлял:

– Старик, жизнь хороша, когда ты имеешь ее. А не она тебя!

Монументальное искусство нацелено в века. Чем талантливее художник, тем жизнеспособнее его произведения. Настоящий творец ежедневно оттачивает свой талант. Как боец – свое оружие. Живописные этюды, карандашные наброски, книги по истории искусства и многочисленные ученики – та живительная среда, в которой жил профессор, заслуженный художник России Владимир Фёдорович Добровольский. До последнего дыхания.

Жизнь сама рассудила наш давний спор, что важнее – процесс или результат. В те романтические времена мне казалось, что процесс важнее. Теперь я уверен – результат. Поскольку он ориентирован в вечность.

Я помню нашу последнюю встречу. Добровольский позвонил и пригласил зайти, чтобы порисовать друг друга. Я поднялся к нему на второй ярус мастерской. На чертежном столе лежала кучка камней. Я всмотрелся. Это были агаты со спиленной и отполированной гранью. Из недр камня проглядывали не то створки заморской раковины, не то махровые лепестки экзотического цветка, не то неуловимые всполохи свечи. Измученный болью, он взял один из агатов и положил мне в руку. Я понял, что это его последний подарок.

Добровольский знал, что умирает. Весь белый, он стоял в черном дверном проеме знаменитой мастерской и говорил:

– Старик, помни, жизнь кончается, творчество – никогда...

МЕМОРИАЛ ПОБЕДЫ НА ФОТОГРАФИЯХ МИХАИЛА ХАУСТОВА

Михаил Будкеев (род.1922). «Дом на Пушкинской». 1970 г.

Фёдор Филонов (1919-2007) «Зябрь». 1962 г.

Глеб Бельшев (1922-2016)
«Праздник ветерана войны».

Виктор Зотеев (1924-2008).
«Цветут луга». 1984 г.

СНЫ ГЕОМЕТРИИ

Александр Зуев.

Старый возчик

*Где-то на Булыгино – у речки –
Этот дед живет.
На своей коняге возит фляги
Дед который год.
Трюхает надежная лошадка
В старый город рано поутру,
Пахнет тополями горько-сладко
И сосновой хвоей на ветру...
Сколько лет в надвинутой фуражке,
С кожей обветренной лица...
Как увижу – по спине мурашки,
Вспомнятся телеги у крыльца,
Звон копыт до Старого базара,
Цокот по булыжной мостовой,
Лошади, сырые тротуары,
Дух сенных лабазов луговой...*

Ночь. Барнаулка. Горпарк

*Журчит воды аллея темная.
Луны купается кружок.
Собака пробежит бездомная.
Вода журчит о бережок.
Собаки лают из горпарка,
Озвучивая тишину.
Коряга движется русалкой,
Волна баюкает волну...
Легки деревьев тонких тени –
Подводный веер из кистей,
Волшебное переплетенье –
Лик светотени все густей...
Какое тонкое касанье
Небесной музыки к земле,
И красок чистых угасанье
Все тише, тише и теплей
В шатрах уснувших тополей...*

Метель в Соборном переулке

*Вороны в кленах спят
в клубах метели,
гирляндами на ветках вековых,
и крылья их стригут метели звуки,
качает клены ветер
близорукий –
с воронами раскачивая их...
Ворон созвездье дремлет,
просыпаясь,
буранный чутко слушает напев,
а ветер нарастает,
сыпь сухая,
ссыпаясь, серебрится
меж деревьев.
...Откуда эти дикие
кочевья?
Как им отраден ветер
лиховой,
и на ворон – в слепящий снег – зачем я –
вперился в ночь, в их
сон сторожевой?!*

***

*А мы на месте не стоим,
мы чай на травах настоем,
попьем в тиши, напишем,
попишем, как поговорим,
и музыку услышим.
О, звуки музыки сквозь дым!
Мы предоставим место им –
другим местоименьям,
таким, как мы, как ты
да я,
и кто-нибудь услышит,
как мы на кухне говорим,
то говорим, то пишем.*

ЗВОННИЦЫ

Метель. Интерка. Кот у дома.
Ах, подоконники, дома!
Укрыло снегом терема...
И снова звон синиц-оконниц,
скрип половиц, калиток, звонниц
морозный звон — зима, зима...*

* Интерка — улица Интернациональная.

БЫВШАЯ ПЛОЩАДЬ СВОБОДЫ В СНЕГУ

*Две рыжих собаки на белом,
на месте соборной души,
свобода — какое вам дело —
до площади этой в глуши,
до серых ворон с тополями,
чугунной ограды, берез?!
...Разрушен собор с куполами,
схоронен под сквером — погост...*

ЕРЕСТНАЯ

*Шесть шишек на снегу
расселись,
как снегири,
за синей дымкой слова «ересь» —
снега зари.
Там синь играет с фиолетом
и топят печи ввечеру,
там хорошо играть со светом
в сосулек ледяных игру,
душой в непрочный мир всмотреться
(застыл воробушек в ветвях),
в беседе с другом отогреться
на самых на простых словах.*

СЕРЕБРОЗВОН

*Как тонко струйки-капли
каплют,
о солнечную наледь бьют,
и воробьи на свет закатный,
слетаясь в яблоню, — поют,
сороки трели рассыпают,
как соловьи по вечерам,
лучи зари сквозь синь стекают
по крышам, как по куполам,
а солнце за снега садится,
ель изумрудом бьет сквозь синь,
березовый дымок струится
в зарю, к березам, на теплынь...*

В ПОИСКАХ БРЕЙГЕЛЯ

*Я вспомнил Брейгеля катки,
на город глядя,
летя на книжные лотки,
на книгорядье.
Передвигались старики
по льду с опаской,
легко скользили каблуки
за книжной сказкой,
такой земли я не видал
заледенелой;
машины встали, снег витал,
даль потемнела.
Дед-книголюб вливался в пейзаж
немного людный,
наливкой булькал — выпей, Саш,
за книголюбов...
Я воздух Брейгеля искал,
как снег посыпал,
на каблуках, как на коньках,
в то время выпал,
деревья, мельницы, дома,
катки, охота,
светила тонким льдом зима,
была суббота...*

Рисунок Николая
Короткова.

ЗАКАТНОЕ СЕРДЦЕ

(песня)

*А как луч сверкнет в заре,
станет тихо на дворе,
в стеклах свет забьется;
по вечерней по поре
про закатных снегорей
песня запоется...*

*В синие снега зари,
где кочуют снегири,
сердце вдруг сорвется,
в алые костры зари,
что ему ни говори,
все равно нейметя...*

***

*Полдыни замороженной луны,
собачий лай, снега застыли,
как будто связка брошенных
ключей
о лед — сосулька звякнет,
позвончей,
вдали закат окутал сосны
в пламя,
и розовеет снегорями снег,
и тихо так, как только
в Божьем храме
«в обители трудов
и чистых нег»...*

Сорока

*Вдруг сорока прорежет тишь
и кругами по снегу кружит,
все под яблоней ворожит,
и подтаявший наст ворошит,
стрекопливая! — Не унять!*

*Опереньем сверкнет — изумруд!
То калиной начнет швырять,
то ранеткой сухой — подберут!*

*Скок-поскок, и опять трещит,
и по снегу, как мышь, в сумёт,
очарованно тишь молчит,
а сорока стрекочет, снует...*

***

*Волшебные сны Геометрии,
Да липы ночные в цвету...
Ловлю геометрию — в ветре я,
У света и тени — краду...
Под светлые сны мироздания
Мне снится дождливая Дания,
Я ранен сиренью в цвету,
И алой геранью оконной...
Я майскою ночью — бездонной
Узорные тени плету...*

***

*И с тех пор
Сказка Странствий
Мне снится...
Позабыта в Гремучем ключе,
И с тех пор
Полыхает жар-птица,
Кот Баюн у тебя на плече...*

Свет пречистый

*За окладом золотистым
Глубина холста...
Свет поет в луче волнистом,
Светятся уста...
Это — кружево, движенья
Кружевная нить,
Зыбкий голос, отраженье
В тишине звенит...
Таает отсвет золотистый,
Тонут невода...
Но ликует свет пречистый
В звонкие года.*

***

*Мой учитель — кот, зеленый цвет,
От тебя улыбка и привет,
И Вивальди скрипки, голоса...
Сосны Норда, севера леса...*

***

*На что поэту вставить зубы?
Когда он истинно — поэт?
Жене не купит лисьей шубы,
Погреет взглядом — и привет.
На что? Проходят дни и годы,
Дряхлеет штукатурки вязь,
Тускнеют старые комоды,
В ведре оттаивает — язь,
А он все с Музою, смеясь,
Свечные водит хороводы...*

В дороге

Наталье.

*О, сладкая тема побега!
Она мне уснуть не дает...
Летит, пропадая, телега
О русской метели поет...
Ямщик — о конях запоздалых
На вечном своем облукке...
А я о тебе, о вокзалах —
В дороге, в разлуке, в тоске...*

Александр
Лобанов.

СТАРОДАВНЯЯ ИСТОРИЯ

Фото и рисунки
из архива
редакции.

ГЛАВА ПЕРВАЯ СЕКРЕТНЫЙ ПРИКАЗ

Все, о чем я расскажу, было или не было, или было не совсем так, или совсем не так более двухсот лет тому назад.

Итак, представьте себе кабинет начальника Колывано-Воскресенского горного округа. Сквозь мутноватые стекла пробивается свет серого январского дня, но ярко высвечивает только беленую толщину почти двухаршинной кладки оконных проемов.

Только здесь известь кажется белой, а стены притаились в серой казенной тени.

В прямоугольнике света, падающего из окна, огромный стол начальника Колывано-Воскресенских заводов Василия Сергеевича Чулкова.

В кабинет входит Пётр Шангин.

Чулков бросает на стол бумагу с сургучной печатью.

— Садись, геогноз.

— Василь Сергеевич, не до геогнозии и петрографии сейчас, сам знаешь — иные заботы.

Чулков хмыкает:

— Не прибедняйся, академик. Но не о камнях сейчас речь. Ты Кузинского знаешь?

— Василь Сергеевич, то ли ты его не знаешь? Чай в Локте-то он у тебя не раз дневал и ночевал. Стрижков яшму его прииску у горы Ревневой собирает от глины открыть да пустить в дело, а меня сомнение берет, получится ли толк — тресковат камень.

Чулков начальственно жмурится и ерзает в кресле. Он недавно в начальниках, не привык к громоздкому креслу, не обседел его.

— Фёдора я, конечно, знаю, но не в нем дело. Мне надо знать, кто таков его брат, Пётр Кузинский.

— Я и Петра знаю. Ездил к нему с Салаирского рудника. Да и он ко мне заезжал по дороге в Барнаул. Толковый служака, но нерасторопный. Пока развернется...

Чулков поднимает со стола бумагу.

— Вот, понимаешь ли, староста Филонов донес о предерзостном употреблении имени царя крестьянином Морозовым и преступном упущении ононого губернским секретарем Кузинским.

Шангин пожимает плечами:

— Ну потому и упустил... Пока сообразил что к чему, пока растележился... Не в сговоре же он с бунтовщиком.

— А кто его знает? Фёдор в молодые годы вольнодумствовал, мне крамольные мысли высказывал. А я, к стыду своему, слушал его, не пресекал. А Пётр, видать, дальше своего брата пошел.

— Э-э, брось, Василий Сергеевич, кто в молодые-то годы не буянил. Кто вином опивался, кто книгами... Когда-то и сама императрица-матушка вольничала, баловалась вольтерьянством.

— Да, но с возрастом пора забыть о молодых бреднях, а Кузинский, видно, не забыл.

И вот сейчас я должен препроводить его в тобольскую палату суда и расправы.

Чулков идет к окну.

— Вон там, за аптекарским садом, до самой Оби дома. А за Обью огромный край. Его надо заселить, обставить рудниками, заводами, вот где надо прикладывать руки, а не бунтовать. Черный год Россия не скоро забудет. Кроушкой тогда самозванец напоил землю-матушку досья. А посему крамолу надо искоренять. Все верно. Да и кто я? Шатун в большой машине. Меня толкает большое колесо, а я должен крутить маленькое. Я не могу не делать того, что должен, и знаю, что все делаю правильно. Отчего же так тошно, а, Пётр?

— Не томись, Василь Сергеевич. И брось свои мысли о крамоле и Вольтере. Здесь не Париж и не Петербург. Пьяный мужик невесть чего наболтал, а мешкотный чиновник ушами прохлопал. На том и стоять надо. И не думай о том более.

Шангин ушел, Чулков сел за стол, положил перед собой лист толстой рыхлой голубой бумаги и начал сочинять казенное письмо, в котором приказывал унтер-офицеру Коржневу и солдату Печёркину арестовать Кузинского и доставить его в Тобольск.

Неделю назад Чулков писал точно такой же приказ, слово в слово. Только говорилось в нем не о губернском секретаре Кузинском, а о крестьянине Морозове, а наставление было унтер-офицеру Симонову и солдату Возжегину.

Тогда он отдавал приказ со спокойной душой — мало ли прошло таких «секретных дал» о мужиках, именовавших себя по пьяному делу царем, грозивших начальству, раскольничьих лжеучителях, фальшивомонетчиках...

Но сейчас речь шла о чиновнике, дворянине, да еще брате его старого знакомого.

Подъехали Коржнев и Печёркин к Сосновке, когда уже совсем рассветало. Кузинский приказ об аресте выслушал молча. Пять дней назад забрали Морозова, тревожно было на душе, да все не верилось, что это коснется и его. Морозов Морозовым, а он сам по себе. Жены дома не было. Он простился с сыном, сказав, что увозят его в Барнаул и вернется он не скоро.

Итак, унтер-офицер Коржнев и солдат Печёркин арестовали губернского секретаря Кузинского.

Несколько ранее взяли под стражу крестьянина Морозова.

А за что? Нет, не были они членами революционных кружков (их тогда в России вообще не было). Не мог быть мужик Морозов и масоном. Да и мелкий чиновник Кузинский мало что мог слышать за тыщи верст от Петербурга о тайных франкмасонских ложах. Так, есть, мол, какие-то жулики фармазоны. Не могли они быть и участниками заговора против императора Павла.

Замели их (если тогда имелось такое жаргонное словечко) — дело привычное для России всех времен — за длинный язык Морозова.

Говорил он, что власти мужику житья не дают, что горнозаводские живут хуже, чем иудеи во время египетского пленения, и его, хоть он не заводской и живет не бедно, начальство зажимает на каждом шагу.

И, что самое страшное, говорил, что на своем подворье он сам царь и, будь он царем в России, удвоил все так, что «хрестьяне» не знали бы бед.

Было удивительно, что на него так долго никто не доносил. Видать, были уверены, что это сделал уже кто-то другой. Но все ж таки староста Филонов наклеузничал.

Завели на Морозова дело о предрезостном употреблении имени царя, а на Кузинского — дело о преступном потворствовании Морозову. Так сказать, вариант 58-й статьи в эпоху царствования императора Павла.

И повезли бедолаг в тобольскую палату суда и расправы.

А вот этого-то Кузинский не знал и думал, что для него все ограничится барнаульской гауптвахтой, потому и Стёпе говорил про Барнаул.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДЕТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Долго смотрел вслед кибитки, которая увезла отца, Степан. Он сначала не понял, почему такая спешка, почему отец не дождался матери, но, когда увидел, как повели отца двое с ружьями по бокам, отец посередине, а у старшего в руках отцовская шпага, опутанная ремнями, понял, что отца арестовали.

Когда повозка скрылась за спуском к реке, Стёпа пошел к избе Морозовых. Кому же еще рассказать, как не другу, тем более у него та же беда.

Выслушав Степана, Федька Морозов стукнул кулаком по лавке и сказал:

— Петуха бы ему красного пустить! Он донес, больше некому. А сам все батьку подзуживал: расскажи об Расее да расскажи. Знаешь, Стёпка, я думаю в Барнаул махнуть. Узнаю, что батьке будет да передам ему что-нибудь.

Стёпкина мать долго не соглашалась, а потом рассудила, что одной ей сына в этой глуши не выучить. Сказала, что если отец не вернется раньше, чем сойдет снег, то Стёпа первым обозом по чернопутью поедет в округ. С ним она передаст письмо к господину Шангину, даст бог, поможет встретиться с отцом, а осенью определит в учение либо на службу.

И Федька не мог выехать сразу — надо было помочь семье на посевной.

Так что двинулись только в мае.

Мать дала Фёдору мерина Гнедко с телегой и подрядила его возчиком к купцу Симакову. Сперва надо было съездить в Кузнецк, загрузиться товаром, а потом ехать в Барнаул.

Так и двинулись Стёпка с Федькой на одной телеге.

...Обоз двигался неспешно.

Сначала дорога шла мимо березняков, полей, редких деревень. Так было и до Кузнецка, и после: то на подъем, то на спуск. Но потом дорога пошла все на подъем и на подъем, встала по сторонам сумрачная чернь — салаирская черневая тайга: осины да пихты, а где и кедры с подлеском из рябин и черемух, перевитые прошлогодним хмелем. Наконец дорога прошла перелом, и бывалые возчики говорили, что дальше будет река Уксунай, за ней подъем, а потом уже катись до самого Чумыша.

И вот на спуске к Уксунаю, когда воз мальчиков миновал огромную ель, с веток которой свешивались лохматые космы лишайников, раздался резкий крик.

Гнедко шарахнулся в сторону, и оглобля сбила Стёпку с ног. Упав, он услышал треск сучьев, тяжелый топот совсем рядом, истошный вопль и бросился на четверенькам между конских ног под склоненные ветви ели.

Там было сухо, еловые лапы спускались до земли, а в одном месте облекали ствол огромного тухлявого кедра.

Кедр, видать, срубили зимой, он рухнул на землю, а весной, когда стаял снег, его снесло к еловому комлю, и он привалился к нему, всеми забытый.

Стёпка осторожно выглянул. На коленях стоял рыжий Филимон из Мунгата и со слезой в голосе просил помилосердствовать ради его детушек малых. Просил он какого-то косолапого кражистого мужика. Головы мужика из-за телеги видно не было.

На дорогу вышел кто-то чернявый, с длинным носом и рубцом на подбородке, сердито крикнул:

— Клейменный, долго он еще будет венькать? Успокой!

И уже в другую сторону:

— Имай! Чтоб ни один не ушел.

Клейменный отошел на два шага в сторону, выдернул из-за спины руку. Мелькнуло темное пятно кистеня, его ремень наткнулся на локоть молящих о пощаде рук, но это не остановило кусок металла, врезавшийся в голову Фильки.

Стёпка забился под ствол кедра, а в ушах застыл страшный, смешанный с хрустом стук последнего удара кистеня. Он лежал на сухой пыльной земле, под ствол кедра хвоя не попадала, и влущивался в голоса разбойников.

— Болит... Этот бугай все ж успел мне руку развалить.

— Чем это он тебя так?

— Топором, чем же еще...

— Ничего, и твоего бугая, и всех остальных порешили.

Начальственный голос того, чернявого:

— Не всех. Телег одиннадцать, а мертвяков десять. Ищите, он далеко не ушел, и спрятаться ему негде, трава низкая.

— Да мы всех перебили, кто бежать кинулся.

— Значит, не всех. Ищите.

Стёпка, не задумываясь, полез в дупло, разверзшееся над ним в стволе кедра, а за миг до того он никакого дупла не видел.

— Нет, здесь тоже никого, — голос прозвучал совсем рядом, и даже под тухлявым стволом стало светлее.

Федька, когда раздался первый крик, был скрыт от разбойников грудью мерина. Сдерживая его, он не сразу понял, куда делся Стёпка, но увидел, как бросился с дороги Гришуня Иванов, а вслед ему какой-то мужик с саблей. Тогда и он бросился бежать, но, обогнув ель, остановился. Дальше была вырубка, а по ней уже бежал за Григорием разбойник.

Затрещали совсем рядом стебли прошлогодних пучек и дудника. Фёдор бросился на ель и полез по ней все выше и выше, с трудом продираясь между сучьями. Наконец он остановился, прижался к стволу и стал слушать, а потом осторожно поглядывать из-за веток. Пока он лез, бабахнула пара выстрелов, кто-то кричал. Но сейчас криков не было, видать, разбойники перебили всех.

На вырубке алело кровавое пятно, оно сразу притягивало взгляд, и только потом

различалось, что это спина Григория Иванова, распластанного на зеленом покрывале только расправившейся майской травы. От обоза Федыке были видны только крайние телеги, две передние и три задние, середину загораживала ель. С передней телеги разбойники сбросили труп. «Наверное, Филипп Евстафьевич, царство ему небесное», – подумал Федя.

Он слышал, как главарь разбойников сказал, что один возница сбежал, но его надо найти, и видел, как двое разбойников перешли через вырубку, как подались в тайгу разбойники с крайних телег. Видел, как они вернулись и стали рассуждать, куда подевался одиннадцатый. Сердчишко у него сжалось, когда кто-то сказал, мол, не на эту ли он ель влез?

– А вон та пихтушка чем хуже? – возразил кто-то.

– Стрельнуть бы по ним раз с десяток, да пороху мало.

Голоса как-то утихли, разбрелись, потом заржал чей-то конь, заскрипели телеги, и обоз снова двинулся в путь, в ту же сторону, что и шел.

Федька провожал взглядом подводы, которые одна за другой скрывались за поворотом. И еще долго после того, как последняя подвода скрылась из виду, Федька сидел на дереве.

Заскочил-то он не помня себя, а вот спускаться было страшно.

Кое-как спустился, скатился по ветвям вниз, упал в траву. Порты, рубаха, живот, руки – все замарано смолой, и весь он исцарапался.

Еще спускаясь, он вслушивался в лесную тишину. И сейчас слушал, не задержался ли кто из разбойников, не остался ли кто живой из обоза.

И вот под елью раздался стон, даже не стон, а как вроде мычание.

Осторожно заглянул он под ветви – никого, но стон стал громче. Приглядевшись, Федька увидел торчащую из колоды руку.

– Стёпка, ты, что ли?

– У-а-а!

Как в это дупло мог влезть Стёпка, хоть и невысокого роста, но обыкновенный отрок, которому в апреле уже четырнадцать стукнуло, а не какой-нибудь карла, каких Федька видел на картинке в книжке у Стёпкиного отца, понять было трудно. В то, что сюда можно было влезть, Федька никогда бы не поверил, но вот Стёпка же влез. Влезть-то влез, а вылезти – никак.

Дупло было не так уж и мало, Стёпка поместился целиком, но вход был посередине, и нельзя было ни ноги согнуть, ни самому согнуться, чтобы вылезти.

Федька вынул нож и начал крушить древесину, трухлявую, но с крепкой тонкой смолистой оболочкой, расширяя щель, идущую от входа в дупло, пока она не стала такой, что Стёпка смог просунуть в эту щель коленку и высвободить ногу. А потом уже не составило труда податься назад, высунуть в дупло голову и вылезти самому.

– Дай тебе бог, Федька, здоровья. Не ты, я бы так и окопел тут, и гроб не надо ладить – готовый.

– Да, домовина хоть куда, – поддакнул Федька.

Когда Стёпка отдышался, отплевался и откашлялся, ребята обошли вырубку, дорогу и протоптанные разбойниками тропы.

Мальчикам было жутко: они боялись покойников, пожалуй, немногим меньше, чем разбойников, но другим, каким-то обволакивающим и липким страхом.

И неизвестно какой сильнее – тот, леденящий, сжимающий сердце, или этот, который не заставит бежать или кричать, но и не отпустит так быстро, не раз еще вернется в потемках.

Но бросить покойников просто так, на растерзание зверям, было не по-православному, что для мальчиков значило – не по-русски, да и просто – не по-людски. И потому, превозмогая страх перед возможным возвращением разбойников, ужас перед мертвецами, сдерживая тошноту при виде сгустков крови, стараясь не глядеть на раны и в лица покойников, мальчики стащили трупы в придорожную рытвину, где поглубже, и забросали, как могли, ветками, сучьями землей.

– Хоть птицы не расклюют, а там, дай бог, поедет обоз следом и перезахоронит несчастных.

Полпути было пройдено, и они решили двигаться дальше. Идти по дороге было страшно — пошли напрямик к Уксунаю.

Хотя трава еще не достигла своего настоящего роста и едва скрывала колени, а путь по тайге еще не стал той потовыжималкой, каким он станет неделю спустя, когда трава вытянется в рост взрослого человека, мальчики сильно устали, пробираясь сквозь кусты и перелезая через валежины. Да и день был страшный, душа и тело требовали отдыха.

Немудрено, что, спустившись к Уксунаю, мальчики решили заночевать, хотя солнце стояло еще высоко. Фёдор нащепал сухой трухлявой древесины, лучинок, надрал бересты, набросал сухих тонких веточек — кремень с трупом и огниво он держал за пазухой (как он их не потерял, когда лез на ель, одному Богу известно), а нож за голенищем — бабина наука, и развел огонь.

Набрали дров они на крутых берегах. На десяти — двенадцати аршинах выше русла было много подсохшего уже плавника: нащеплялся на кусты, лег на землю валиком. Сучьев, оставленных паводком, хватило бы не на один большой костер, хоть жги его круглые сутки. Кору с веток содрало, и были они влажные только сверху, а срежь чуть ножом — и щепы на растопку, а огонь разгорится — лучше топлива не надо.

Иной читатель усомнится: плавник на десяти — двенадцати аршинах, это же восемь метров над водой! Неужели бывают такие паводки? На Салаире, где довольно приличные реки текут в узких долинах, — бывают. «Вот святой истинный крест!» — как сказали бы мои герои.

А этим героям хотелось есть. Ни краюшки хлеба, ни луковицы, ни сала — все осталось в телеге, угнанной душегубами.

Но был май месяц, и Стёпка отправился в лес, а Федыка — на речку. Долго они не ходили. Федыка снял рубаху и наловил мальков, а Стёпка принес (тоже в рубахе) сморчков, иван-чая да пучек.

Федыка содрал большую пластину бересты, потом еще одну и сделал из них неуклюжие мешки с дужками из ивовых прутьев. В одном из таких мешков-котелков решили сварить уху, во втором — чай из смородины и чаги. Грибы решили оставить на завтра, а пока закипала вода, пожевали кисленький кипрей (иван-чай) да душистые пучки.

Пока готовили ужин, пока вечеряли, солнце стало цепляться за пихты на другой стороне Уксуная, и воздух зазвенел от комаров. Мальчики нарубили ножом и наломали, сколько могли, еловых лап, убрали в сторону костер, набросали на нагретое место веток, зарылись в них и постарались уснуть.

Но спалось плохо. Нежная, мягкая пихтовая хвоя вдруг стала жесткой, колючей, пугали ночные голоса и шорохи, а только начинали засыпать — вставали перед глазами окровавленные мертвяки, и звучали в ушах разбойничьи крики.

Да и холодна майская ночь в тайге, как ни подогревает снизу горячая земля, как ни жмешься к теплему боку друга, как ни крючишься, все равно пробирает ночная зябкость. А чуть стало светать, холод больше спать не дал.

Стёпка спустился в заполненную белым туманом долину, умылся, зачерпнул в берестяные котелки воды и вылез к месту короткого ночлега.

Там уже Федыка раздувал угли, подкладывая к ним тонкие полоски бересты.

Сморчки они сварили, как и положено: сперва прокипятити грибы, воду слили, а потом в новой воде доварили. Вот только доесть не смогли. Вечером, наголодавшись, они заглотили мальков без соли, а утром им, невыспавшимся, пресные грибы в рот не лезли. Попили чай, заваренный со смородиной и кусочками чаги, и пошли в путь. А путь этот был тропой, пролегшей у подножия склона долины. Вот они и решили идти по этой тропе вниз, по долине Уксуная — так и к жилью выйдут, и разбойников не встретят. А больше и идти было негде. Вдоль берега Уксуная сплошные болота, а ломиться через тайгу по склону — нет, увольте.

Только по краю склона и болота вилась тропка. Она была то широкой, хорошо утопанной, прочной, то ныряла в болото, и приходилось идти по пояс в коричневой холодной воде, но все ж тропка была, и там можно было идти без опаски — под водой и жидкой грязью было твердое дно. Одно было плохо: одолевал гнус. Иногда тропка приводила к скалам. Известковый камень уступами и гребнями поднимался из воды, и были эти обрывы по пять — шесть саженей. На скалах гнуса не было. Отроки там купались прямо в одежде, потом отмывали, как могли, ее от болотной жижи, выжимали и отогревались на розовых серо-испещренных

скалах, одевались и шли дальше. Гнус на какое-то время отставал, но стоило вспотеть, как одолевал снова.

Тропа как раз огибала какой-то мыс и почти поравнялась с серединой увала. Мелькнуло на склоне темное пятно, и на тропу вывалился, мотая низко опущенной башкой медведь. То ли он неудачно зорил дупло с пчелами, то ли иная причина заставила его бежать, не разбирая дороги, но он еще ломился по склону, а мальчиков с тропы как ветром сдуло. Здесь была широкая, почти сухая поляна с небольшим кочкарником. Медведь на них не обратил никакого внимания и давно уже трусил по тропе дальше, а наши герои все бежали, прыгая с кочки на кочку. Первым опомнился Федька.

– Стой! Стой, тебе говорят! Там зыбко, засосет.

И в самом деле. Впереди кочек не было, расстился ровный лужок с той яркой радостной зеленью, при виде которой у знающего человека страх начинает шевелить волосы.

– Давай выбираться обратно на тропу.

Но вернуться оказалось не так-то просто. Страх нес их по единственно верному пути, до трясины они домчались, не замочив ног, а сейчас то и дело проваливались по пояс, кочки уходили из-под ног, не однажды приходилось обходить хоть и закочкаренную, но тоже зыбь – больно велики были лужи в разрывах между кочками, а кое-где зеленели те самые яркие пятна травы.

Было уже далеко за полдень, когда они выбрались на тропу. Их шатало, одежда была в болотной жиже, и только ворота рубах промокло не болото, а собственный пот.

Кое-как добрались до ближайшего ручья, упали на бережок и стали пить чистую холодную воду.

Стёпа сел, выпрямился, и вдруг к горлу подкатила дурнота, воду выбросило обратно вместе с кусочками грибов, зеленью иван-чая и пучек. Потом его вырвало еще раз. И еще.

Пустой желудок сотрясали судороги, Стёпа корчился. Выплевывал желчь, а потом и желчи не стало, и мука эта никак не кончалась.

Федька набрал в лопух воды и стал поить друга, чтобы его выворачивало хотя бы не с пустого желудка.

Наконец рвота закончилась. Стёпка привалился спиной к нагретому солнцем песчаному бугорку, и вдруг в глазах его стало темнеть от краев к середине, и он потерял сознание.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ТЕЛЕУТСКИЙ КАМ

Стёпа очнулся. Перед глазами была туманная мгла, пробитая столбом света, в котором крутились светящиеся пылинки.

Он поднял голову – свет лился из круглого окна, в котором было видно голубое небо.

– Орус не спит? – послышался девчоночий голос.

У его ног сидела смуглая узкоглазая девочка лет двенадцати.

– На, вот выпей, – и приложила к Стёпкиным губам фарфоровую чашку с каким-то дурно пахнущим зельем. Стёпка глотнул два раза горькое питье и отвернулся.

– Нет-нет, орус, пить надо!

– Я сам, – сказал Стёпка и кое-как сел. В плошке противного зелья было немного, и он проглотил, стараясь не дышать. Проглотил и опять лег. По-прежнему он испытывал слабость, но это была уже другая слабость, как будто его освободили от какой-то липкой паутины. На лбу у Стёпки стал понемножку выступать пот.

– И вот еще пей, – киргизка подала Стёпке плошку побольше. От плошки шел пар и запах совсем не тот, что от лекарства. Пахло чаем, жиром и еще чем то.

– Пей, – снова сказала девчонка. Стёпа сел и осторожно стал глотать горячую густую жидкость.

Выпив чашку толкана, Стёпка откинулся на лежанку – обессиленный, весь в поту, но с ощущением приятной горячей тяжести в желудке.

Он еще полежал с полчаса, а, может, чуть больше, и слабость понемногу отступила. Стёпа сел на тряпье и шкуры, служившие лежанкой, и огляделся.

– А где Федька? И как я сюда попал?

– Твой Федька с моим дедом пошел. Дедушка на вас вчера вышел, вот он с Федькой тебя сюда и принес.

– А тебя звать-то как?

– Айланьс. Мы телеуты. Сюда откочевали с Бочата. Давно, дедушка еще камлал, сейчас только травами лечит. Белку, колонка бьет. Корову держим. Живем помаленьку.

Эркений поселился здесь одиннадцать лет назад с сыном, снохой и внучкой. Но спустя две недели, как они сюда переехали, умерла мать Айланьс, Байчил. Захватила она с собой эту хворь, и он, великий алтайский кам, выученик буддистских лекарей, который

и путешествовал в запредельные миры, и лечил иглоукальванием, ничего не мог поделать.

Байчил умерла, оставив маленькую сиротку.

А позапрошлой весной убили его сына, отца Айланис.

Он тогда часто ходил в деревню к русской женщине и собирался с ней обвенчаться. Окрестились они все вместе, как приехали. Об учении Иисуса он слышал еще в монастыре. Иисус дурному не учил, почему бы его не чтить? Наверное, среди богов должен быть главный, почему бы ему не быть отцом Иисуса? Ведь и Христос, и Будда учили одному – не накапливай богатства, не гонись за земной тщетой, слушай вечность и обеспечь покой своей душе.

Вот только жизнь не дает его душе покоя.

В тот вечер, когда его сын должен был вернуться из Тогула и не пришел, понял Эркеней, что в его дом пришла беда. Нашел он сына в логу, на твердом весеннем снегу. Он лежал, неловко вывернув ноги на горбу тающего сугроба, запрокинув голову и подставляя остановившиеся глаза равнодушному солнцу. По краю сугроба, где почва была мокрой, насыщенной водой, Эркеней увидел следы. Человек, что их оставил, загребал широко расставленными ногами, оставляя борозды и сильно продавливая внешний край следа. Он долго смотрел на эти следы и постарался запомнить их на всю жизнь. Потом он осмотрел сына. Его убили чем-то тяжелым. Правый висок смят, кожа на нем разорвана и запеклась кровавой коркой, а на скуле четко отпечатались два ряда маленьких ранок.

Значит, орудие убийства было граненым, с шипами. Не иначе – били кистенем. С шипастой железякой, насаженной на палку, никто ходить не будет, а кистень можно и в котомку спрятать, и на пояс повесить. «Конечно, кистенем», – рассуждал старый Эркеней.

Он все думал о кистене, о том, что надо хоронить, звать ли попа. Решил, что нужно звать, а раз звать попа, нужен гроб.

Он о многом старался думать, лишь бы не думать о главном: о том горе, которое он теперь нес в груди, боясь расплескать.

Похоронил сына на православном кладбище, священник отпел его, Прасковья оплакала-отпричитала его бедного Илдешема (в православии – Илью), который за свою короткую жизнь видел так много злобы, закопали могилу, поставили над ней крест и разошлись.

Эркенею понравилось, как служил поп и как причитала Прасковья, и он решил, что после смерти душа его сына, как и говорил поп, попадет к самому великому Богу, отцу Христа, видать, к Богу верхнего неба Тенгри. Душа его сына будет довольна, и он решил не камлат Ульгеню, как требовали обычаи его рода.

Но справив девять дней (угощение он ставил в доме Прасковьи), вернулся к себе в аил, чтобы свершить черное камлание. Внучку оставил у Прасковьи, сказав, что вернется за ней через день.

Он не камлал с тех пор, как ушел с Бочата, да и там редко камлал по-настоящему. Большинство болезней требовало не путешествий в иной мир, а трав, прижиганий, укулов иглой.

Он, конечно, бил в бубен, кружился, но обычно просто рассказывал о своих прошлых путешествиях, иногда кое-что присочиняя. Нельзя сказать, что он совсем не чувствовал священного дуновения, но в путешествия не уходил. Слишком больших сил это требовало от кама. Только в крайних случаях, когда тяжела болезнь, велика беда, Эркеней совершал настоящие большие камлания.

Но сейчас беда была у него, и он собрался камлат богу подземного мира Эрлику. Он хотел узнать, кто убил его сына.

Эрлик был хозяином голубой беспредельности, восставший против верховного бога Тенгри и низвергнутый Ульгеном в подземный мир. У христиан этого бога зовут Сатаной, Дьяволом. Он хозяин зла, и двойник, дух убийцы в его власти.

Эркенею надо было спуститься в мир Эрлика и спросить правду у хозяина подземного мира.

Это у алтай-кижи и тубаларов есть белые и черные камы. Эркеней был телеутом, а телеутский кам мог камлат любому богу.

Кам повалил на землю черного барана со сломанным рогом, сделал широкий надрез под ребрами, нащупал рукой сердце жертвы и изо всех сил сжал трепещущую плоть – только так умерщвлялись овцы при камлании.

Эркенею достал шаманский бубен ала-барс, туго обтянутый шкурой лося, взял било, обтянутое шкурой зимнего зайца, надел на голову шапочку из цельной шкурки филина с клювом, нависшим надо лбом, и торчащими в стороны когтями и вышел на поляну.

Хорошо, что телеутам не надо надевать для камлания Эрлику тяжелые доспехи маньянов, а можно камлат в удобной охотничьей одежде.

Эркенею замер. Прислушался сначала к лесу, потом к себе.

Было тихо и немного тревожно.

И он ударил в бубен. Ударил в бубен и пошел, пошел, сначала бил редко, чтобы тело разогрелось, повинаясь ритму бубна, и закружился волчком под этот ритм, все быстрее и быстрее и все чаще бил в бубен.

И вдруг Эркеней увидел себя со стороны: он был вне своего тела, в стороне и чуть выше.

И он полностью расстался с этим кружащимся камом и полетел в только ему известное место, где в скалах, на крутизне, спрятаны духи его бубна и лося, шкурой которого обтянут бубен.

И вот уже не бубен бьет-гудит, гудят копыта его верного сохатого, крепко он ухватился за рога, а рядом желто-черной тенью стелется ала-барс, пестрый барс – тигр, дух бубна, доставшегося ему от отца, а тому от деда, великих камов, которых знала половина Джунгарии, и не только телеуты, но и другие племена Алтая, и монголы, казахи, уйгуры.

Эркеней со своими священными животными примчался к пещере на берегу Уксуная.

Пещера была маленькая и кончалась тупиком, но это когда он не камлал был тупик, для того Эркеней, что остался кружиться на поляне, а для этого Эркеней, в ушах которого свистел ветер, какой не свистит в ушах и при самом быстром конском галопе, преград не было.

Эркеней выскочил в царство Эрлика.

Из темной трубы казалось это царство сверкающим. А на самом деле был серый, не дающий теней свет. И немудрено, ведь в подземном царстве не было ни луны, ни солнца.

У входа уже пасся дух жертвенного барана, которого Эркеней подхватил и бросил на спину своего лося на ходу, не останавливаясь.

Его священные звери неслись по узким скалистым гребням, над темными обрывами, перескакивали бурые реки.

Наконец показался высокий дворец, сложенный из черного камня, обиталище младшей дочери Эрлика. Эркеней спешился, его лось обернулся луком, плечи стал оттягивать колчан, полный стрел.

Нагишом запрыгала, заплясала вокруг него, тряся грудями и высоко задирая ноги, высокая луноликая распутница, стала жаться, хвататься за ворот.

Эркеней крепче вцепился в рог жертвенного барана – так и есть, дергают его из рук, стремятся отобрать.

– А ну вон! – кричит Эркеней.

И грозно, страшно рычит, подбегая, оставший было ала-барс, и разбегаются слуги распутной девки.

Он отталкивает от себя и идет дальше. Идти неудобно – мешает жертвенный баран, заброшенный на шею, и надо держать наготове лук с прижатой к тетиве стрелой.

На выходе из дворца обязательно будет засада. Нет, на этот раз позже – из темного озера поднимаются черные, мокрые, наверняка противно-скользкие чудовища, извиваясь своими змееподобными телами и конечностями, тянутся к Эркеню. Эркеней ставит жертву на землю и посылает стрелу за стрелой в огромные, выпученные, лягушачьи глаза, в огромные пасти с множеством острых зубов.

Один за другим чудовища падают в озеро, поднимая горы брызг.

Впервые так камлал Эркеней.

И если при прежних его путешествиях поражение в битве с чудовищами означало неудачу камлания, в худшем случае болезнь, и ему мог помочь другой кам, то теперь знал: не сможет он пройти свой страшный путь – найдут Верх-Тогульские мужики на поляне закоченевший труп и большой разрисованный бубен.

И еще он сталкивался с чудовищами, и отбивался от притязаний старшей дочери Эрлика, и уговаривал его сыновей, напоминал про прошлые дары и обещал взятки в будущем, пока не добрался до покоев Эрлика.

Эрлик отказался его принять, сказав, что он уже наполовину христианин, но согласился переговорить через дверь и велел отдать жертву слугам.

– Кто убийца моего сына? Где он?

– Где он? Ищи сам. Кто он? Узнай сам. А вот какой он – посмотри.

Засветилась дверь, и увидел Эркеней костер, а у костра людей. Все люди смутно, туманно, только один смотрелся так, как и должно быть при свете костра. Вот он встал, широкоплечий, широкозадый, и пошел, переваливаясь, за хворостом.

Лицо было в тени, почти неразличимо, но Эркеней жадно всматривался – теперь узнает.

– Дверь потухла. Тебе пора домой.

И снова стучали копыта лося-бубна, снова преграждали дорогу чудовища, летели со скалы камни, только распутные девки не лезли со своим ласками, а злобно ругались,

брызгая слюной.

Наконец он нырнул в черную дыру и понесся к звездам земного мира.

На востоке уже поднималась заря, он разглядел кружащегося кама, вошел в него и с удивлением, будто в первый раз, увидел, как тигр ала-барс уменьшился, прыгнул ему в ладонь и обратился обручем бубна, а лось съежился, затрепыхался под ветром и вдруг снова стал тугой, гудящей бубновой кожей. Завертелись перед глазами деревья, и он упал на грязную, натопанную его ногами землю.

На весенней земле, да еще ранним утром, нельзя долго лежать, но встать он не мог, пришлось до аила ползти на четвереньках, но и на четвереньках его постоянно заносило, бросало на землю.

Заполз на лежанку и закрылся шкурами, потный, обессиленный, а лежанка крутилась, как уросливый конь.

...Не так уж и мало времени прошло с тех пор, но будто вчера было его последнее камлание, и он помнил и угрюмый взгляд, и нескладную фигуру, привидевшуюся ему той ночью.

Вчера Эркеней нашел двух русских мальчиков на краю болота. Они сильно устали, а пуще того были измучены страхом.

Один-то покрепче, его взял с собой Эркеней в тайгу: избавит его от страхов, вылечит от душевной усталости. Он мальчик. И хоть пережил много, все это выйдет из него, пока они будут неторопливо бродить под деревьями, а лечить он его будет словом.

Второму мальчику Эркеней влил в рот снадобье, и он спит. А проснется, Айлансы даст ему лекарство, накормит, и он тоже понемногу придет в себя.

Плохо другое. Рассказ Феде поселил беспокойство в душе кама. В тайге появились разбойники, а это очень опасные соседи.

Эркеней шел с русским мальчиком и искал лечебные травы. Конечно, основное время сбора придет позже, да и затеял он это не столько ради трав, сколько ради парнишки. Они неторопливо шли. Найдя траву, Эркеней не спеша объяснял Феде, как ее надо рвать, от чего она лечит, как называется по-русски и по-тюркски, иногда вспоминал монгольские и китайские названия, рассказывал о своей жизни в Джунгарии. Когда ему было столько лет, сколько Феде, он был слугой в буддистском монастыре, и монах, которому он почему-то приглянулся, научил его не только тибетской грамоте, но и лекарским знаниям, и рукопашному бою.

А потом пришли китайские солдаты, разгромили его родное селение, убили мать (отец раньше умер), и он ушел из монастыря.

Еще был жив дед, он передал ему семейный бубен, обучил камланию и тонкостям чабанского и охотничьего занятий.

А после смерти деда Эркеней с женой, маленьким сыном и еще десятком семей телеутов и монголов, которым грозила расправа китайцев, кому за неуплату ясака, кому за сопротивление, бежали в Россию. И ушли на реку Бочат, где, как они узнали, поселились еще раньше бежавшие из Джунгарии телеуты.

Эркеней с мальчиком уже набрали трав, накопили корешков, мешок отяжелел, и они повернули обратно. Тропа шла по краю крутого склона, и на нем Эркеней увидел красный корень, крайне редкий в здешних местах.

«Надо выкопать», — решил он и спустился вниз по склону. Но только они начали ковырять землю, Федька ножом, Эркеней маленькой лопаточкой, как старик поднял голову и стал прислушиваться. Федька попробовал что-то сказать, но Эркеней остановил его.

— Тихо! Кто-то идет. Не дай бог, разбойники. Ложись сюда, под скалу, тебя никто не заметит.

И уже когда Федька забился в прохладную расщелину, так прижавшуюся к склону и такую узкую, что не было видно за майской травой, продолжил:

— Если это разбойники и они заберут меня с собой, дождись, пока мы уйдем, выходи на тропу и иди по ней саженой сто. Потом свернешь налево, выйдешь на скалы, спустишься по ним на нижнюю тропу и по ней беги к аилу. Скажи Айлансы, она спрячет вас и сама спрячется. Если я дам знак, пусть выйдет, а вы сидите.

Пока Эркеней все это говорил, над склоном показались три фигуры с ружьями. Они окликнули его, но он, согнувшись, ковырялся в земле и неторопливо давал Фёдору наставления.

И только после второго оклика степенно разогнулся и сказал:

— Помогли бы лучше старику мешок вытащить.

— Не переломишься, кыргызня. Туда же, басурман, помоги ему.

— Зачем обижаешь? Я тоже крещеный. Меня поп крестил. Пантелеймоном назвал. И внучка крещеная, Марфой поп назвал.

— Ладно зубы-то заговаривать, черт косоглазый. Веди к себе. Вон у Гришки чтой-то рука пухнет, давеча ему ее знакомцы погладили.

Федька, забившись, сколько мог, в щель, прислушивался к постепенно удаляющимся голосам.

Когда, как ему показалось, разбойники ушли за второй поворот, Федька вылез из-под скалы, на четвереньках выбрался наверх, осмотрелся, прокрался эти сто саженей, спустился на нижнюю тропу и бросился по ней бегом.

Он надолго опередил деда и разбойников, и детям уже надоело лежать под огромной пихтой, ветки которой спускались до самой земли и загораживали их маленькое логово, где лежали старая кошма и какая-то овчина.

Наконец появился Эркеней с провожатыми. Они вошли в юрту. Дед звал ее аилом – шестигранный низкий сруб с высокой шатровой крышей.

Вскоре дед высунулся из двери и что-то прокричал по-своему.

Айланьс сказала: «Дед зовет», и ужом выскользнула из-под пихты. Но она не пошла прямо к аилу, а обошла поляну и вышла на нее с натопанной тропы.

Вскоре над аилом поднялся дым – растопили очаг, а потом дыма не стало, только расплывались и подрагивали пихты за дымовым отверстием.

Айланьс вышла из аила, сходила к роднику за водой, вернулась.

А Эркеней вспоминал все, чему научился в монастыре, что узнал у алтайских камов и колдунов, подсмотрел у русских знахарей и ведуний.

Он намазал большую руку мазью, перевязал, напоил раненого отваром, и тот крепко уснул. А его приятели расположились в аиле надолго. Говорят, до вечера, а потом придет вся шайка, и останутся ночевать. Расселись, как хозяева, и никуда отходить не велят.

Эркеней усадил господ-разбойников за низенький столик неподалеку от очага и стал угощать вяленным мясом, куртотом, поить чаем.

Накормил их сытно, они откинулись на кошму и, лениво переговариваясь, уставились на тонкую струйку белого дыма над гаснущим очагом, поднимающуюся по столбу света к голубому отверстию дымохода.

И Эркеней тихо, вкрадчиво заговорил, что в дыме и свете плавают пылинки, похожие на маленьких мух, что гоняются пылинки друг за другом, как живые, и они освещены солнцем...

Голос Эркеней постепенно усилился, зазвучал монотонно и твердо:

– Пылинки кружатся и нагоняют сон. Всем хочется спать, вы уже спите, спите...

И господа-разбойники в самом деле заснули, один – повалившись на бок и уткнувшись носом в овчину, а другой – сидя, склонив голову на грудь.

– Айланьс! Позови русских, им уходить надо.

Когда Айланьс вышла, Эркеней снова заговорил. Монотонно и властно.

– Порфишке спать. Спать и ничего не слышать. А ты, Филька, спи, но отвечай мне – сколько вас?

– Десятеро вместе с атаманом.

– Атаман кто?

– Господин Василь Никанорыч, а фамилию он не сказывал.

– Откуда он пришел сюда?

– Не знаю.

Порфишка и Филька, как оказалось, были малосведущи. Пристали они к шайке неделю назад, бежав вместе с раненым Гришкой с салаирского рудника.

Кроме нападения на обоз, в других делах не были, намерений атамана не знали. Одно насторожило Эркеней: был-таки в шайке косолапый мужик с большим граненым кистенем.

Приказав варнакам спать, а проснувшись, не вспоминать ничего, он собрал кое-какие пожитки и вышел к мальчикам, которых Айланьс привела к аилу.

Старик отдал Стёпе и Феде котомки, обсказал дорогу и велел идти, пока не пришли еще злодеи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В КАЗЕННЫЙ ГОРОД

Степан и Фёдор снова отправились в путь.

Конечно, надо было поторапливаться, но Степан, хоть и не чуял хвори, быстро идти еще не мог.

То ли от вчерашнего изнеможения, то ли от дедовских трав, но была какая-то расслабленность, но расслабленность приятная, набирающая силы.

И хоть не очень споро, но Стёпка шел час за часом, не чувствуя усталости. Солнце тем не менее склонилось к деревьям, и пора было думать о ночлеге.

Они спустились к реке, срубили топором, который им подарил Эркеней, лесину и стали ладить костер-нодью.

Пихта для этого дела дерево скверное, она горит неровно, трещит, разбрасывает искры. Но ни кедра, ни сосны в округе не было, а березы не сохнут, они, умирая, быстро трухлявеют в своей бересте и не годятся для этого костра. Да и не знали ребята этих тонкостей, хотя Степан и видел, как его отец на рыбалке делал такой костер.

Три бревна, уложенные друг на друга, переложенные стружкой, берестой и мелкими веточками, были уже готовы принять огонек горящего твута. Над склоном был растянут кусок парусины — тоже подарок Эркеня.

Мальчики пожевали пушистые пресные лепешки и вяленое мясо, попили чаю со смородиновым листом, попугали друг друга страшными историями о леших, кикиморах, змее-огневке да змее-горлянке и уснули.

Ночь прошла почти спокойно. Правда, Федыке отскочившим угольком обожгло щеку, а Стёпка чуть не лишился рубахи.

В тот же день мальчики пришли в Верхний Тогул. Переночевали они в избе у старосты, а утром, он, напуганный их рассказом о разбойниках, отвез их на телеге в Тогул, в волостное правление. А через неделю, дождавшись попутного обоза, они добрались до Барнаула.

Можно было бы и побыстрее, но ведь у них не было ни казенного письма, ни денег, чтобы путешествовать на ямских лошадях.

После последней ночевки в селе Гоньба они переплыли через Обь на пароме-самолете, телега попылила по степной дороге, мимо пищавших сусликов, а потом въехала в сосновый бор, где она то прыгала по корням, то тонула в песке.

Наконец и бор кончился, и они въехали в город. Вдоль Московского тракта потянулись избы, потом дома побогаче, а как стали подъезжать к каменному дому начальника заводов, дорога оказалась отсыпанной черными блестящими камушками, как потом рассказали — заводским шлаком.

Но не только понизу давал о себе знать Барнаульский сереброплавильный завод. И поверху доносил он до ноздрей вояжеров вонь, отнюдь не похожую на медвяный запах таежных цветов.

В Барнауле Стёпа Кузинский и Федя Морозов отправились к Шангину.

На стук открыл слуга, один из крепостных господина обер-бергмейстера. Узнав, в чем дело, буркнул: «Барина дома нет», и опять захлопнул дверь.

Мальчики потоптались немного на крыльце и пошли к заводу. Поглазели на большие кирпичные дома, на плотину, откуда падала вода на большое колесо, и отправились на берег пруда ждать вечера.

Глянув на свое отражение в пруду, они поняли, отчего с ним были столь нелюбезны. Оборванные, грязные, они походили на церковных побирушек, хоть сейчас на паперть.

Впрочем, хоть и в самом деле на паперть — ни денег, ни еды. Что на них, то и их. Котомки и топор и те дадены им Эркенеем чуть ли не в милостыню.

Правда, для младших Кузинского и Морозова не настала еще пора сокрушаться по поводу своей бедности.

Пришли отроки к Шангину уже к вечеру, когда высохли волосы и одежда, которую они долго жулькали без мыла и прополаскивали в пруду.

Открыл им сам Шангин, поздоровался, впустил в сени.

— Кто вы такие будете?

— Пётр Иванович, я сын Петра Кузинского, помните, вы к нам прошлой весной приезжали. А это сын Морозова, соседа нашего.

— Черт вас принес! — чуть не сказал Шангин, но вслух молвил: — Так, узнаю. Степан, кажется. А тебя, Морозов, как звать-величать?

— Фёдор Егорович Морозов.

Эти отроки были Шангину совсем ни к чему. Он только что получил от Чулкова секретный приказ ехать в Терсинскую волость и выяснить, видел ли кто Морозова в доме Кузинского и не слышал ли, о чем те говорили. Да принимал ли Кузинский от Филонова донос на Морозова, есть ли в том доносе запись во входящем регистре 1797 года, да почему был крестьянин Морозов в волостном суде и когда именно отпущен.

Это все письменно. А без бумаг, наедине Чулков ему прямо сказал:

— Этому смерду Морозову Нерчинска не миновать, да туда ему, дураку, и дорога, не будет язык распускать, а вот топить Кузинского не резон. Кузинский твердо стоит — с Морозовым знался по соседству, но дружбы не водил, разговоры не вел, а посему ничего «противузаконного», крамольного либо еретического не слышал. И Морозов против Кузинского показаний не дает. Ни к чему и нам не по разному усердствовать. В Томске да Тобольске, видать, очень хотят перед Кабинетом выслужиться. Но округ не Петербурга, вольтерьянцам да масонам взяться неоткуда. Да и Кузинский на Радищева и Новикова не похож. Не того полета птица. А перед Кабинетом мы серебром отслужим да камешками. Так, академик?

И вот перед самым отъездом являются эти двое соколиков. Дети подследственных в доме следователя. Не приведи бог, разговоры пойдут.

И Шангин проводил ребят за три дома от своего по той же улице. Дом был просторный, не бедный, но и богатым не гляделся, вроде бы и в запустении не содержался, но и особого хозяйского догляда не чувствовалось.

Жил в нем маркшейдер Авраам Герих со своей супругой Амалией Карловной.

Герих был гораздо моложе Шангина, сейчас ему шел сорок шестой год, но, когда Пётр Шангин еще только начинал свои занятия минералогией и петрографией под началом Ренованца и Риддера, Авраам Герих уже возглавлял поисковые партии и нашел на Тигирецком хребте шерлы и хрусталь, а на Бии – агаты и яшмы.

Встретила гостей Амалия Карловна. Сам-то он был в отъезде, искал на Катунь цветные камни.

Шангин дал Амалии немного денег, и они сговорились, что ребята недели полторы поживут у нее.

Амалия достала хорошо копченую немецкую колбасу, холодный пирог с ревенем, миску соленой колбы и кринку с квасом и, подперев щеку рукой, с жалостью поглядывала на мальчиков, набросившихся на это сибирское собрание немецких и российских кушаний.

Стёпе и Феде казалось, что они никогда не наедятся, даже если съедят все, что стоит на столе, но вскоре отяжелели, уже не так усиленно работали челюстями.

Хозяйка, увидев их осоловевшие глаза, убрала со стола все, кроме кваса.

– Молодым людям хватит есть, а то разболится живот. Ну а теперь молодые люди расскажут, что привело их сюда.

Амалия Карловна только охала, слушая рассказ, а в самых страшных местах всплескивала руками и тихо восклицала:

– O main got!.. Arme knaben, arme knaben!

Шангин внимательно слушал мальчиков, иногда задавал вопросы о том, сколько было разбойников, как они были вооружены, как называли друг друга, как выглядели, кто главарь шайки.

– Ну и что вы думаете делать? Зачем приехали в Барнаул? Отцов ваших давно увезли в Тобольск.

– Ну и мы в Тобольск! – не задумываясь, выкрикнул Фёдка.

– И как же вы, милый отрок, отправитесь в сей вояж? Коня у вас нет, денег, как я понимаю, тоже нет. И где же вы найдете пропитание в дикой степи, где и киргизы-то редко кочуют?

– А что вы, Пётр Иванович, присоветуете? – спросил Степан.

– Поживите пока у Амалии Карловны, подождите. У меня дела в Терсинской волости, так я заеду в Сосновку, ваших родных успокою да разузнаю, как их дела. А вернусь, вызнаю в канцелярии про ваших батек, тогда и решим, что делать. Тебе Степан возвращаться в Сосновку резона нет. Попробую тебя к осени копиистом пристроить. И Фёдора тоже. Стоит ли ворочаться в село? А ты – парень крепкий, найду и тебе работу. Короче, пока я из Сосновки не вернусь, никуда не суйтесь, потрудитесь на огороде Амалии Карловны.

Итак, заканчивается еще одна глава моего повествования. Юноши остаются в Барнауле, а господин Шангин едет в Сосновку для проведения следствия по делу их отцов.

Оставляя детей государственных преступников у Амалии Герих, он ничуть не боялся, что она растреплет о них по городу. Амалия хоть и любила поговорить, смешно путая на немецкий лад согласные, лишнего не сболтнет.

Да и Герихи были многим обязаны Шангину. В 1792 году Авраам не проверил подаваемые на жалованье списки, и унтер-шихтмейстеры Шишов и Сысолятин, воспользовавшись этим, казенные денежки присвоили.

У Гериха нашлись недоброжелатели, представившие дело так, будто Герих был в сговоре с расхитителями, и Шангину стоило больших трудов убедить Гаврилу Романовича Качку (тогдашнего начальника Колывано-Воскресенских заводов) не учинять против Авраама Гериха судебного дела.

Амалия эту историю знала и добро помнить умела.

ГЛАВА ПЯТАЯ МЕСТЬ КАМА

Проводив мальчиков, Эрней взял свой лук и замотал его в тряпицу, в другую замотал колчан со стрелами. У него всякие были: и с острым железным наконечником, и с тупым деревянным набалдашником, чтобы бить белку, и с костяной вилкой. Вынес все свое охотничье хозяйство из аила и спрятал под кустом напротив единственного маленького окошка, затянутого бычьим пузырем. Потом собрал в котомку курт, баурсаки, вяленое

мясо, толкан, кринку с топленным маслом, мешочек с солью, положил туда две замотанные в тряпочки пиалы, нефритовую табакерку, тибетскую книгу по врачеванию, кое-что из одежды, русские и китайские деньги, привязал к котомке котелок и топор и положил это рядом с луком и стрелами. Велел собрать пожитки и Айланьс.

Потом подумал и оторвал край бычьего пузыря на оконце.

Проделав все это, он заговорил с Порфишкой и Филькой, а также раненым, которого звали Гришкой, что их просто сморила сытость, усталость и духота, что они ничего не помнят, и велел проснуться.

День закончился, шайка не пришла, но не ушли и гости.

Разбойники явились утром. Айланьс только успела подоить корову. Выходили они из тайги молча, один за другим. Последним, ведя в поводу лошадь, вышел медвеженогий, его Эркеней узнал сразу.

Разбойники привязали коней, осмотрелись, заглянули в аил, поздоровались с товарищами, справились, как у рана.

А потом длинноносый атаман отсчитал из кошелька монеты:

— Это тебе за приют и лечение нашего человека.

«Ну так и есть, разговаривает как с сообщником», — подумал Эркеней, но деньги взял.

— А это тебе, — атаман протянул бумажную ассигнацию за корову. — Не горюй, у тебя телка подрастает, а на эту бумажку ты двух коров купишь.

Это было правдой, и Эркеней взял и эти деньги.

Разбойники развели большой костер на поляне, забили и освежевали корову и стали резать мясо на куски.

Эркеней брезгливо посмотрел на истоптанную, испоганенную коровьей кровью и пометом, мочой и заплеванную разбойниками поляну и ушел в аил, где, забившись в угол, сидела Айланьс.

«Нет, жизни здесь не будет», — подумал дед и стал наказывать внучке, в каком случае что делать.

Закончив наставления, он вышел к разбойникам.

А разбойники уже нажарили мяса и уселись пировать. Немного времени прошло, а господы-разбойнички уже пели про державу, царя, наградившего доброго молодца дубовыми столбами с кленовой перекладиной и шелковой петелькой.

Филька и еще какой-то мужик пошли плясать, а главарь и этот, медвеженогий с кистенем, ремень которого опоясывал поясицу, пошли к аилу. Эркеней насторожился, но они в аил не вошли, не пошли и дальше, а остановились у стены с обычным мужским делом.

Эркеней перевел дух. Может, и обойдется.

— А, ребята, давайте окрестим этого колдуна, — раздался чей-то пьяный голос.

— Правильно, нечего делать нехристю среди православных!

— Морда кыргызская, а туда же. Барина корчит. Насильно напоить!

Два мужика схватили Эркеней за руки, а третий взял бутылку и нож, нагнулся к Эркеню.

К счастью, мужики рук ему не вывернули, а просто за них ухватились. Эркеней, повиснув у разбойников на руках, пнул человека с водкой под дых и, не давая опомниться державшим, пнул одного пяткой. Удар пришелся в ногу, по кости. Мужик ойкнул и отпустил руку Эркеней. Ребром ладони старик стукнул второго под нос и кинулся в тайгу.

Забежав за кусты, он потрещал немного сучьями, вернулся, стал обходить поляну. Зайдя за аил, вытащил из тайника лук, повесил через плечо колчан со стрелами, на спину — котомку, вложил в лук стрелу и подошел к аилу, откуда слышались ругань и шум. Заглянул в окошко и тут же пустил туда стрелу. Два злодея гонялись за Айланьс, а третий стоял в дверях. Ему-то в горло и попала стрела, только в него и можно было стрелять, не боясь попасть в Айланьс.

Разбойник захрипел, схватился за шею, и Айланьс проскочила у него под рукой.

Дед выглянул из-за аила и махнул Айланьс луком. На поляне сидели и охали двое его «крестников», а остальные с пьяных глаз кинулись ловить его в тайгу.

А Эркеней и Айланьс пошли совсем по другой тропе и совсем в другую сторону.

Эркеней решил идти в Барнаул. От своего народа он давно уже оторвался, проживет среди русских. Жил же он среди монголов и китайцев.

Но прежде чем идти в Барнаул, ему надо было отомстить за смерть сына да кое-что вызнать.

Айланьс сказала, что у стены главарь шайки и тот страшный, которого звали Клейменным, все о каком-то золоте говорили. Клейменный твердил главному, что золото надо выкапывать, а главный говорил, что погодить надо.

А потому Эркеней оставил Айланьс у вдовы, что чуть не стала его невесткой, и снова отправился в путь.

Он уже десять дней шел по следам шайки, которая двигалась на север и теперь была в долине Чумыша.

Эркелей спал рядом со стоянками разбойников, чуть только подальше, чтоб не наступил на него отошедший по нужде ночлежник.

Старый кам, конечно же, спал без костра, завернувшись в шубу, вполуха, чутко прислушиваясь к соседям.

Он выжидал и наконец дождался. Ванька Клейменный встал раньше других и, не особенно торопясь, зашагал, переваливаясь, по тропе.

Эркелей стороной, за кустами, по сенокосному лугу обогнал его, вышел вперед и неспешно пошел по поляне. Когда на поляну вышел Клейменный, Эркелей глянул на него, громко охнул и побежал, немного прихрамывая. Ванька видел — лука у старого киргиза не было, а ножа и его приемов он не боялся: кистень разобьет и руку, и голову, не дав противнику и на три шага подойти к нему.

Ванька Клейменный побежал за Эркелем. Эркелей бежал быстрее, но Клейменного это не тревожило. Долго старик, да еще прихрамывая, так не пробежит, запыхается, а здесь не тайга, по росной траве и по листьям сразу найдет, если тот свернет с тропы.

А Эркелей бежит к маленькой речке, у устья, где она впадает в Чумыш, над водой низко склонился толстый ствол ивы, с которого на другой берег перекинута бревнышко.

Перейдя по нему, Эркелей сбрасывает его, но Ванька в пылу погони и не собирается останавливаться.

Вода прозрачная, видно песчаное дно и только у правого берега дно темное, смотрится мутно — все это Эркелей разглядел загодя, но Ваньке глядеть ни к чему. И влетев с размаху в омуточек, Ванька вдруг вязнет ногой в мягком, податливом песке.

В запарке Клейменный пытается вытащить ее, и другая нога вязнет. Он еще дергается, перебирает ногами, но вот уже ими толком двигать не может, увяз по колена.

Зыбучие пески, становится страшновато, но он еще не сознает опасности — речонка маленькая и берег рядом, можно даже дотянуться до листочков, на ветках нависшего над водой тальника.

И вдруг он замер, почувствовав на себе чей-то взгляд. Из-за раздвинутых ветвей на него смотрел телеутский знахарь. И жутко стало Ваньке от взгляда темных узких глаз.

— Молчи, — негромко сказал Эркелей, но громом отозвались эти звуки в голове Ваньки. — Молчи, ты не сможешь по своей воле сказать ни слова. Ни слова — у тебя язык присохнет к небу, если ты попробуешь что-то сказать или крикнуть по своей воле. Ты будешь только отвечать мне, и отвечать негромко.

— За что ты убил молодого телеута?

— По пьянке про золото проболтался.

— Какое золото? Рассказывай все, что знаешь.

— Когда-то при царице Елизавете, когда Демидовские заводы отписывали в казну, трое демидовских приказчиков припрятали золото и серебро с Барнаульского завода. Место, где спрятали, указали на чертеже, с чертежа все переписали в книжечки, а сам чертеж сожгли. Снова его составить можно, если есть книжечки всех троих приказчиков. Одна книжечка у нашего атамана. Мы с ним на каторге в Нерчинске были, вместе бежали. Атаман — правнук одного из приказчиков, внук второго — на Салаирском руднике. Он даже и не знал, что за книжка, мы купили ее за гроши вместе с другим бараклом его деда. А у третьего в Барнауле еще сын живой, он родился при царе Петре Третьем, но должен знать, где книжечка. Мы сейчас за ней идем. А где этот человек, кто он, — я не знаю. Атаман знает.

— А сына моего за что убил?

— Я и говорю, в кабаке были, я по пьянке ему все и ляпнул. А потом хмель-то прошел, вспомнил, что он говорил, будто ночевать будет в Верх-Тогуле, вот я твоего кыргызца опередил и тукнул по башке.

— Ну тогда ладно. Однако молчи. Совсем молчи. Сейчас ты умрешь. Тебе очень захочется закричать, но ты не крикнешь. Тебе будет страшно, очень страшно.

«Чем же это он убивать собирается, — подумал Клейменный, — руки вроде пустые». Но страх все более выстужал душу, выгонял мысли и наконец не осталось ничего, кроме страха.

— Твой страх будет так силен, что будет легче умереть, чем переносить такой страх.

...И ужас, от которого посерело голубое небо и почернели ветки ив, стало серо-стальной с черными бликами теней вода, только глаза старика, ставшие вдруг огромными, остались темно-карими.

— А-а-а! — закричал Ванька, но голоса не было, и напрасно он раздирал мышцы и связки — из горла вырвался только слабый сип.

Он забился, задергался, еще немного погружаясь в песок, снова появилась мысль, и это была мысль о смерти — когда же она наконец будет. Смерть показалась совсем не

страшной по сравнению с этим ужасом, и он успел испытать радость после страшной боли, разорвавшей сердце.

Лицо Ваньки обмякло, остекленели его глаза, он откинулся на спину, и голова его скрылась под водой, взбаламученной последними движениями.

Эркеней поднялся и медленно побрел прочь. Он впервые почувствовал себя стариком. Тело было слабым, походка шаркающей, сердце испуганно колотилось о ребра.

Но дело сделано, и надо было идти к внучке.

ГЛАВА ШЕСТАЯ СНОВА КАЗЕННЫЙ ГОРОД

А тем временем дело «О предерзостном употреблении...» и «Преступном упущении...» шло своим чередом. Шангин выехал вести следствие.

Выяснить ему надлежало следующее: прежде староста Филонов (вот уж усердие не по разуму) во время январских допросов показал, что Кузинский не только слушал предерзостные слова Морозова и оставил их без внимания, но еще три года назад он, Филонов, подавал рапорт Кузинскому на крамольные речи Морозова.

Вот и надо найти этот рапорт во входящем регистре 1797 года, в записи в управительских делах, найти свидетелей этого дела, когда якобы Морозов, находясь в волостном суде, разводил крамолу.

Разыскать надо было приказных служителей, что находились при Кузинском для исправления письменных дел, и расспросить о том рапорте старосты. А потом еще надлежало вести разговор с получившим донос управителем Ахвердовым, было ли еще доношено о том происшествии, кто из людей видел Кузинского и Морозова и слышал их разговоры.

И, наконец, пренеприятнейшая процедура конфискации имущества у Кузинских и Морозовых.

Шангин делал все что мог, чтобы спасти Кузинского от каторги, но спасти его семью от разорения было выше его сил.

— Что делать-то будешь, Анна Ивановна? — спросил Шангин, когда все формальности были позади.

— Да что... Новые хозяева согласились подождать до осени, с огорода соберу, а там к богатым мужикам в работницы. Только вот возьмет ли кто, да еще с дитем.

«Вряд ли возьмут, — подумал Шангин. — Кому нужна чиновничья дочь и жена, не привыкшая ни в поле работать, ни скотину обиходить».

— Не кручинься, что-нибудь придумаем. Попробую Степана на службу пристроить, а там и ты с дочерью возле него прокормишься. А то, дай бог, и Петру помилование выйдет, — и поднялся, чтобы не слышать обычных в таких случаях женских причитаний: «век Богу буду молиться», «вы уж только похлопочите, а я уж за вас...».

Хлопотать было пока рано, но кое-что Шангин попытался сделать.

Конечно, прежде всего надо было показать свое старание и усердие начальству, а во-вторых, он постарался запутать дело, вовлекая в него побольше свидетелей и косвенных участников, среди множества мелких проступков которых и вина Кузинского покажется не столь уж большой.

Жаль, дело уже не замнешь, ему дан законный ход, да и староста Филонов продолжает твердить, что подавал рапорт Кузинскому в руки.

Но где этот рапорт, почему его нет в бумагах волостного суда, почему его не записали писчики?

Выходило, что кроме слов Филонова против Кузинского ничего не было. Мужики, которых он допрашивал, слава богу, оказались без понятия и знать ничего не знали, и ведать не ведали, вообще не могли взять в толк, чего от них барин хочет.

Писчики Лебедев и Макопоков проявили изрядное рачение в помощи следствию (на службе так бы радели) и подробно обсказали, что, где и когда слышали от Морозова. Хотели что-то о Кузинском сообщить, но Шангин построжил на них, что они, слыша противозаконные изречения Морозова, тотчас их не пресекли и не донесли начальству, оставив сие преступление в безгласности. И это не единственное упущение по службе господ-писчиков.

И у господ-канцеляристов хватило ума сообразить, что господин советник вовсе не желает, чтобы они вспоминали о какой-то филоновской бумажке. Да и о Морозове они уже стали распространяться менее охотно. Конечно, скажи они об этом документе, Шангин все бы занес в протокол и доложил бы о растяхах, 14-го класса не достойных.

А так все разошлись ко всеобщему удовольствию.

Приехав в Барнаул и доложив Чулкову, он послал своего дворового человека к Герихам.

Слуга все сказал как надо, не перепутал, и на следующий день Пётр встретил отроков на берегу пруда. Но были они не одни. На берегу пруда сидел старый киргиз с узкоглазой девочкой.

Киргиз, похоже, был ровесником Шангина или чуть постарше. «Эркней с Айланис, о которых рассказывали дети», — подумал Шангин.

Поздоровавшись, Шангин познакомился с Эркенеем.

— Ну как, отроки, обжились в Барнауле?

— Пётр Иванович, дай вам Господь здоровья, и премногая благодарность Амалии Карловне.

— Не раздумали в Тобольск-то ехать?

— Ну, Пётр Иванович, сколько можно дармовой-то хлеб есть?

— Ну, допустим, не совсем дармовой. Я знаю, что вы и на огороде трудитесь, и по дому. Но верно, пора на службу определяться. А в Тобольск ехать ни к чему. Морозова, верно, определяют в Нерчинск (Шангину было неловко сказать «Твоего отца отправят на каторгу»), а твоего отца, Стёпка, вероятно, в ссылку, а вот куда и когда — одному Богу известно. Вот, когда станет известно, тогда можно и ехать. А Фёдору вообще нет смысла ехать, отцу ты не поможешь.

Есть место в заводской лаборатории, пока на время, а там, даст бог, определим в пробирные ученики. Ты ведь читать—писать обучен? А ты, Степан, будешь пока помогать служащим заводской канцелярии, а как только в округе освободится должность копииста, поедешь туда. Может, и в другую сторону от Тобольска, но тебе придется кормить мать и сестру, старших братьев, как у Морозова, у тебя нет. Вот так-то. Завтра с утра подходите к канцелярии, вас определяют, куда надо. Ну что понурились? Рыбка не клюет? Попробуйте у того обрывчика, там не только карасики, но и лини попадаются.

Шангин поднялся, провожая глазами мальчиков и пошедшую с ними Айласын, и внимательно взглянул на киргиза.

Эркней поселился на правом берегу пруда, у давно уже вдовевшей старухи Бурнашевой.

Старуха слыла знахаркой, но последнее время сама часто болела, и Эркней снискал ее расположение, показав умение заговаривать боль и хорошее знание трав. Помог Эркеней кое-кому из соседей, и маленький домик вновь обрел свою боязливую славу.

Однако Эркеней понимал, что все это может быстро кончиться, стоит церковникам заподозрить его в чернокнижии. Что произошло рожденной в православии вдове, могли не простить вновь крещенному инородцу.

И хотя он в церковь ходил почти ежедневно, и свечи ставил, на это могли не посмотреть. Вот и хотел Эркеней поступить на службу, заручиться поддержкой властей.

— Ваше превысокоблагородие (он не знал, как надо обращаться, и добавил на всякий случай к «благородию» еще и «превысоко»).

— Ну что ж, пройдемся. Зови меня Петром Ивановичем или господином Шангиным.

И они пошли по тропке вдоль берега пруда.

— Господин Шангин, канцелярии толмач не нужен? Или лекарь?

— Хм. А что ты можешь?

— Я в Джунгарии в монастыре учился ремеслу врачевания. Знаю язык алтайских племен, монгольский, немного китайский, разбираю тибетскую грамоту. Русскую грамоту учу. Печатный текст разбираю свободно, а письменный пока плохо. И письмо плохо выходит, но я стараюсь.

— Да, но о врачевании в госпитале и думать забудь, нас епархия со свету сживет, что колдуна-язычника к такому делу приставили.

— Я, господин Шангин, крещен.

— Ладно, Эркеней. Поди, к своему христианскому имени так и не привык. Ты-то крещен, а вот искусство твое языческое не окрестишь. А вот толмачом... Толмачом — это можно подумать. Приходи завтра после полудня в канцелярию. Запишем тебя Пантелеймоном Эркемеевым. Постоянной работы для толмача в канцелярии нет, будешь выезжать летом с партиями, тогда и деньги будут платить, но коль ты будешь записан при канцелярии, все ж таки человек уже казенный, а не просто знахарь-инородец.

— Есть у меня еще дело, господин Шангин. Дело тайное. Я знаю, Федя и Стёпа говорили о разбойниках.

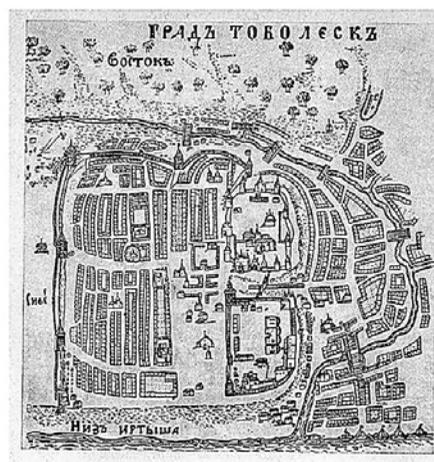
— Да, а ты знаешь, где они?

— Нет, но знаю, где они скоро будут.

— И где же?

— Скоро они придут в Барнаул за золотом и серебром.

— Серебряный караван, что ли, грабить? Пустая затея. Неужели они не знают, что он ходит под надежной охраной.

Тобольск, генплан XVIII в.

– Нет, господин Шангин. То серебро демидовские люди спрятали. Сделали чертеж, записали его тайнописью, а после сожгли. Тайнопись в трех местах, и пока все части не соберешь, плана не начертишь. У атамана две бумаги, а третья в Барнауле. Я не знаю у кого, но это сын демидовского приказчика.

– А когда они прибудут в Барнаул?

– На днях, однако. Не знаю, все или только атаман. Зовут его Василь Никанорыч, а правда ли это его имя – никто не знает. Но я его видел, помню. Коль его поймать, можно выведать и про клад. Но раньше надо вызнать, у кого могут быть недостающие записи, пока не пришли тати.

– Я подумаю, кто бы это мог быть, ну и расскажу обо всем Чулкову.

– Вы что же, хотите отдать клад в казну?

Шангин вдруг остановился и задумчиво посмотрел на заводской дым.

Он даже не подумал, что можно поступить иначе. Он всю жизнь был казенным человеком. И все, что он имел, – достаток, слуг, почет, чин и звание члена-корреспондента – все дала ему казенная служба.

Пётр Шангин молчал. С одной стороны, вроде бы и в самом деле – ничье золото. С другой стороны – демидовское, а раз демидовское имущество отошло в казну – значит, казенное.

Но и лишить Эркеня и мальчишек возможности выбраться из нужды тоже как-то жалко. Да и ему самому лишние денежки бы не помешали.

– Не знаю. Пока скажу только о разбойниках, а коли и в самом деле добудем золото, тогда и решать будем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ТАТИ В ГОРОДЕ

Август уже подходил к концу. Появились первые желтые листья, и первые заморозки белили утрами траву, но дни стояли солнечные и теплые.

В один из таких дней Айланис поднималась по крутой улочке Иванова Лога. Дед велел набрать траву, да хотелось, в который уже раз, полюбоваться на обские дали. Дед Эркеня говорил, что в Алтайских горах видно еще дальше, и там еще красивее.

Айланис подходила к концу улочки, оставалось всего три дома, когда она услышала разговор во дворе, мимо которого проходила. Оглянувшись, она обмерла. У калитки стояли и разговаривали те самые разбойники, что ночевали в их айле.

Она развернулась и бросилась обратно к деду.

Шангин внимательно выслушал Эркеня, еще раз сам расспросил Айланис о том, где она встретила разбойников, сколько их было, какие они из себя.

Дело становилось зримым и опасным. Ясно, что разбойники надеются на серебро и не хотят иметь свидетелей.

Не медля, он взял в батальоне шестерых солдат, сам вооружился двумя пистолетами и отправился в дом, указанный Айланис.

Жил там, Шангин это знал, Иван Максимов, и в самом деле сын демидовского приказчика. Было ему пятьдесят шесть лет, но выглядел он старше, жил бобылем и здорово пил.

Шангин сразу к Максиму не пошел, велел двум солдатам встать у двери, а остальным по углам покосившейся избенки: «Высочит кто – бей прикладом и вяжи», – а сам пошел к соседу.

Хозяина дома не оказалось, а хозяйка, сдобная молодлица, сказал бы, красавица, если бы не корявое, тронутое оспой лицо, ответила, что были у соседа гости, шумели, а сейчас тихо. А ушли или напились да спят, она не знает.

Шангин вернулся к избе. Один из солдат показал прикладом на замок:

– Заперто, вашбродь!

– Сбивай – приказал Шангин.

В избе вроде все было как надо. Стол, лавки, сундук, шкаф, большая русская печь, на печи – тряпье, закрытые занавесью полаты.

Вот только иконы в красном углу смотрелись как-то не так.

Шангин взял большую икону, и она развалилась у него в руках. Оклад и доски были кое-как сложены вместе.

– Зачем икону-то сломали? Не иначе искали в иконе тайник.

Обошел избу, отодвинул занавеску на полатах, на них в беспорядке были побросаны и тряпки, и чашки, и даже чугуны.

– Да, каким бы разиней не был бобыль Максимов, но такого и у него быть не могло.

– Но где же хозяин? Увели? Или соблазнили добычей, пообещали взять в долю?

– А ну-ка, заглянем в подполье. А ты зажги свечку да посвети сверху.

Из подпола пахло сыростью, прелью и каким-то еще слабым, но тревожным запахом.

– Ваше благородие, – голос солдата перепуганный, со слезой, – убили его.

Я избавлю читателя от описания того, что называется подъемом трупа.

Осмотр и вскрытие в барнаульском госпитале показали, что Максимова мучили и он умер, не выдержав страха и боли, от разрыва сердца.

Выпытывали у него, конечно, тайну зашифрованных записей, из-за них и в избе все перерыли, искали. А вот нашли или нет – бог его знает. Хотя и Бога поминать при таком дьявольском деле как-то не пристало.

Шангин известил Чулкова, сняли допросы с Айланис, по новой допросили Эркенея и мальчиков, соседей Максимова, оповестили кого можно о приметах супостатов, но тех уже в городе не было.

То ли не нашли они хитрой записи, то ли решили выждать, пока не уляжется переполох после смерти Максимова, то ли клад был спрятан за городом, то ли они его уже забрали, но из города они ушли точно.

Понемногу стало все забываться, и даже Айланис, которая первое время билась и кричала во сне, после дедовских трав и заговоров успокоилась.

В самом начале сентября из Тобольска пришла весть о том, что Морозов приговорен к отправке на каторгу, на нерчинские рудники.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОБЕГ

Фёдор молча выслушал известие об отправке отца на каторгу. Принес эту весть Стёпка. Он попытался утешить друга, но то ли сделал это неумело, то ли слишком тяжела была новость, Фёдка вздыбился:

– Что нудишь, что нудишь?! Небось твоего отца в Нерчинск не отправляют?

Стёпка пожал плечами: так, во-первых, все из-за твоего отца закрутилось, а во-вторых, куда его отправят, еще неизвестно, сидит в Тобольске. Но награду ему точно не вырешут.

Фёдка сел на лавку, уронил голову в ладони.

– Прости, – сказал он, не поднимая головы. – У тебя тоже беда, но твой-то батька все равно вернется, никуда не денется. А мой... Точно сгинет под землей.

Фёдка выпрямился и посмотрел на Степана.

– Да и у нас с тобой дороги разные. Ты чиновником будешь, дворянином, белая кость. А я мужик. Отец мой – крестьянин, и мне крестьянствовать. И нечего мне в Барнауле делать. Уйду я. Давай прощаться.

Мальчики встали, обнялись, облобызались троекратно.

Фёдор попрощался с Амалией Карловной и пошел к Эркенею.

Ему-то он сказал не лукавя, что отец отправлен в Нерчинск, но если сейчас плыть на лодке вниз по Оби, то можно успеть перехватить каторжную партию, увидеться с отцом, а то и пособить ему бежать.

– Как ты думаешь, плыть ведь холодно будет? Кой-какую лапотину взял, да сухарей насушил. Амалия Карловна дала кружок колбасы. Нож, котелок, огниво, топор есть, удочка. Рыбы наловлю, не пропаду.

Эркенея подумал, потом встал с сундука, на котором сидел, открыл его, достал два пустых мешочка.

– Айланис, отсыпь ему сюда чаю, сюда толкану да принеси кринку с топленым маслом.

А когда Айланис отошла, вынул еще мешочек, достал из него несколько маленьких бумажных пакетиков, положил мешочек в сундук, сундук закрыл и снова на него сел.

– Возьми, Фёдка. Если ночью бросить этот пакетик в костер, он шибко засветит. Видеть никто не будет. А ты брось да отвернись либо зажмурься накрепко. А потом иди, только быстро, пока они снова видеть не начали. Ночь выбери с ветром либо дождем, чтоб тебя слышно не было. Будет отец в цепях, замотай их тряпками, чтоб не звенели. Да возьми мою старую овчину, ночи холодные.

Айланис принесла кринку, в кринку поменьше отложил дед топленого масла, посидели, помолчали.

В дверях остановился Фёдор, в ноги поклонился Эркенею, кивнул Айланис и долго на нее смотрел. Может – в последний раз. Так он ей ничего и не сказал. Да и о чем говорить?

Морозов-младший давно уже украл хорошую лодку, перегнал ее чуть ли не к Гоньбе

и притопил на мелководье под обрывистым берегом со склоненными к воде ивами. Найти такое местечко было непросто, но нашел. Там же в тайничке лежали и весла, и пропитанная дегтем парусина, чтобы сделать на лодке навес.

Страшно, конечно, и стыдно было воровать, но где же еще взять лодку?

К лодке он добрался под вечер. Пока все приготовил к отплытию, стемнело. Он переночевал на берегу у костра, под шубой, пока его не разбудил дождь.

Когда доплыл до места, выпал снег. Уже не первый этой осенью.

Федька выкопал в обрывчике крохотную землянку, похожую на нору, сделал очаг, даже дымоход прокопал и сверху слепил из глины подобие трубы. Вход крохотный, только ползком, закрыл он его двумя крышками, сплетенными из глины. В середину накидал веток, листьев, земли и перевязал. Пока ладил землянку, спал под лодкой, которую вытащил на берег. Нажет углей, разгребет, накроет это место лодкой и ложится на теплую землю. Только выстывало оно быстро, на ночь не хватало, приходилось вставать и снова жечь костер.

Но кое-как отмучился. В землянке было тепло, сколько хочешь, можно ждать. Но надо было не просто ждать. Надо было есть, а есть было нечего, запасы подошли к концу, и Фёдор выплывал на своей лодке в серые осенние волны и забрасывал сети, которые он тоже украл по дороге.

— Отмолю грехи, как батю выручу, — думал Федька, выбирая из ледяной воды сети мокрыми, негнушимися руками. Рыба у него не переводилась. Иногда он носил ее в деревню и менял на хлеб и соль.

Хоть сам понимал, что это мало отличается от христарадничания — деревенские в рыбе не нуждались, но все же не так стыдно. Рыбу люди брали и давали хлеб, соль, иногда лук, яйца, репу.

Арестанты переправились через Обь, когда уже шла шуга. Это была последняя партия, что переплыла реку. Следующая уже пойдет по льду.

Фёдор увидел отца. Он шел в начале партии. Не первым, но в начале толпы из полсотни человек, окруженных солдатами со штыками.

Они сошли с парома, и паром сразу же отправился обратно, за подводами. На подводах везли необходимое в пути имущество, отдыхали конвоиры, подвозили занедуживших.

Фёдор этого давно ждал, поэтому сходил в землянку, приготовил котомку и пошел на восток, чтобы опередить арестантскую партию и подобраться к ее ночной сторожке.

Понятно, что сейчас среди поля не заночуешь, и Фёдор пошел к деревне, где обычно ночевали арестанты.

Он заранее все давно вызнал — и пустой амбар с маленькими оконцами, и какой у амбара замок.

Не даром выспрашивал что да почему у пробирного ученика Александра Клюге, теперь знал, как справиться с замком без шума, и была у него в котомке заветная склянка из толстого зеленого стекла.

Фёдор еще в Барнауле попробовал, как эта кислота травит железо, и сейчас потихоньку капал ее за пробой, чтобы она разъедала гвозди.

Арестантов пригнали уже потемну, загнали в амбар, закрыли на замок, но вокруг еще была суматоха, еще не разогнали любопытных мальчишек, еще проходили мимо мужики, но уже разожгли костер, возле которого будут греться караульные. Наконец все стихло, кроме шума ветра. Федьке определенно везло. Он выждал, когда солдаты о чем-то заспорили, а командир стал на них ругаться, за огнем никто особо не смотрел, и Федька сумел близко подойти костру, чтобы бросить в него пакетик. Ярко осветилась стена амбара, встрепенулись и растаяли огромные тени, но юноша уже был у двери, ливнул кислоты за пробой, теперь уже побольше, и упал на землю, заполз под крыльцо, а потом меж камнями фундамента — под амбар, под крыльцом завалинки не было, он это тоже заранее вызнал.

Отдышавшись немного, Фёдор тихонько крикнул:

— Морозов, батя, подойди к двери.

В амбаре зашевелились, зашумели. В щель меду толстенными горбылями пола, которую Федька кое-как расширил у самого порога, глянул чей-то глаз.

— Кто ты?

— Позови ради Христа Морозова, хочу последний раз с отцом поговорить.

— Егор, тебя кличут.

На крыльце застучали сапоги, кто-то стукнул прикладом в дверь.

— Тихо вы!

Еще шаги, стало светло — кто-то пришел со свечным фонарем. «Не дай бог, запах учует да разглядит, как кислота разъела. Или кто то из каторжан про меня кликнет», — сжался Федька.

Но нет. С крыльца сошли, обошли вокруг амбара, и все стихло.

Заговорил отец, тоже, видать, ждал, когда стихнет. Начал было удивляться, спрашивать, как он здесь очутился, да как дома...

— Некогда, батя. Оберни цепи тряпками и жди. Когда арестанты заснут и караульных станет сон морить, я открою дверь, и ты тихонько выйдешь.

Отец у Фёдора хоть и разговорчив не в меру, но смышлен. Ахать и охать не стал, а перетащил свою котомку и зипун и улегся рядом со щелью.

Им еще хватило времени наговориться досыта, и Фёдка, хотя и нацепил на себя все тряпье, какое мог, и лежал на дедовой шубе, продрог, пока не разошлись солдаты на ночлег, пока не угомонились все арестанты, пока не показалось им, что прошло уже много времени после последней смены караула.

Фёдка выполз из-под крыльца. На счастье, была оттепель, снег почти весь сошел. Ночь была темной, ветер подул еще сильнее, и караульные кутались у костра в шинели.

Кислота почти целиком переела железо. Фёдка чуть только поддел топором пробой, и он оторвался, но упасть ему Фёдка не дал, придержал рукой. Опустил тихонько, осторожно приоткрыл дверь...

Морозов-старший вышел, притворил дверь и скользнул тихонько вслед за опустившимся на землю сыном.

Только под утро караульные заметили, что прямоугольник двери чист, не закушен черным зубом пробоя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БЕГЛЫЕ

Дома делать Морозовым было нечего. Богатое некогда хозяйство было отписано в казну, а ведь только рабочих лошадей было три да еще верховой жеребец, да девять голов нерабочей молодежи, три дойных коровы и десять нетелей и бычков.

Что говорить, был Морозов крестьянин первостатейный, и господина Кузинского, может, побогаче, даром, что тот дослужился до дворянства. И вот все прахом...

Так вроде бы в Сосновку и идти ни к чему: мать проживает у старшего, отделившегося сына, а больше и заботиться не о чем.

Но все же решили зайти домой. Наступала зима, бродяжничая, недолго и замерзнуть в чистом поле, а пока конвоиры сообщат по команде, пока начальство прикажет его ловить в Сосновке, время пройдет, а там, даст бог, что-нибудь придумают. Дома и стены помогают, а уж родной сын — тем паче.

Заклепки на кандалах Фёдка протравил кислотой, всю до капельки извел, а потом легко выбил обухом.

Тому, что Морозова отпустили домой, никто, конечно, не поверил.

А Филонов прямо сказал:

— Беглый ты, Егор. Коль бы отпустили, так паспорт бы выписали.

Егор сказал, что паспорт дома лежит, может и предъявить, но в тот же день собрали котомки и утром, потемну, двинулись в путь. Подались они в тайгу, в дальнюю охотничью избушку.

После смерти тестя Морозова (в позапрошлом году преставился старик) избушка пустовала, да и до того он бывал в ней редко и мало кто о ней знал.

В избушку эту Мария, жена Егора, вместе со старшим сыном загодя привезла пудов пять ржаной муки да пудов семь ржи. Думали, что имущество отнимут. Да еще угнали в тайгу и сумели спрятать от описи двух нетелей и бычка, которого по холоду забили.

Так что на первое время хватит, а потом, когда все успокоится, можно и в село съездить, если что, сын в помощи не откажет. А то и передать в надежные руки шкурки, если повезет добыть в тайге белку, горностая, а то и соболя.

Конечно, людям надежнее прятаться среди людей, а не в тайге. Здесь, в безлюдье, человек виднее, чем в многолюдном городе.

Уйти, к примеру, в Томск, где их никто не знает, но это значит — либо воровать, либо нищенствовать. А что это за жизнь, без своего угла?

А здесь своя изба и привычное таежное дело.

А где спокойнее?... Если бы Морозова искали всерьез, лучше в тайгу не соваться — обшарят заимки и охотничьи избушки, пройдут по охотничьим тропам — зима не лето, найдут.

Но если б всех беглых по тайге ловить, разве хватило бы у горнозаводского начальства людей?

Ведь в 1800 году в бегах и розыске числились и взятые на заводы и рудники в счет рекрутских наборов, и проштафившиеся мастеровые, и раскольничьи лжеучители, и раз-

бойники, а тут еще появились фальшивые ассигнации, а уж их-то делателей надо было разыскать в первую голову.

До Морозова ли тут? Тем более он вроде бы уже не приписной, а каторжный, пусть им теперь Тобольское или Томское начальство разбирается.

Однако наступила весна, растаял почти уж везде снег, только в глубоких логах мочили еще северные склоны сугробы, зазеленела трава, подсохли тропы, и пришли по ним новые тревоги.

Уже вечерело, и Егор с сыном ужинали, когда они услышали, что по тропе кто-то идет. Выглянули — к зимовью подходили трое мужиков. Мужики как мужики. Топоры за поясом, но кто же по тайге без топора ходит? У одного ружье в руках — удивительно, конечно, ружье в руках мужика, да и на кого сейчас охотиться: у зверя ни меха, ни жира. Ну может, он начальство сопровождает. Вошли, поздоровались, сняли шубейки, сели на лавку. А следом в избу и начальник пожаловал. И так-то в избушке тесно было, а он вошел — вообще не повернуться.

Хоть и в мужичьей одежде, а по лицу и по повадкам видно — начальник.

— Добрый вечер, — сказал начальник, и Федька обмер. Он узнал этот голос. Может, в селе бы встретил или в городе — не узнал бы. А сейчас за дверью такая же тайга, что на Уксунае, и как раз год скоро будет и дядьке Филимону, покойному, и несчастному Григорию, и другим бедолагам из обоза.

Этот голос слышал он тогда: «Телег одиннадцать, а мертвяков десять. Ищите, он далеко не ушел...».

Он не видел главаря, но и Стёпка, и Айланьс говорили: чернявый, длинноносый.

Точно — он.

— Переночуем у тебя, — продолжил главарь. — Ты с сыном наверх пойдешь, сейчас не зима, у трубы тепло будет, и вот Сёмка с вами, а мы здесь ляжем.

— Я рад гостей приветить, только что это вы, господа хорошие, в чужом-то доме распоряжаетесь?

— А ты, беглый каторжник, лучше помалкивай. Убьем вот и тебя, и твоего щенка, и никто не хватится. А не то сынка пришибем, а тебя свяжем и сдадим властям. Так что спасибо скажи, что не гоним.

Разбойники слышали про беглого каторжника Морозова и его сына, догадаться, что за люди живут в избенке, было не трудно.

— Ну ладно, я добрый. Деваться вам все равно некуда. Мы покуда поживем в избушке у вас, а потом вы пойдете со мной.

Роптать Морозовы не посмели. На второй день разбойники пригнали откуда-то лошадей, притащили сыромятной кожи и велели Егору делать уздечки да седла, а Федьке прислуживать им — топить печь, варить, носить воду, стирать.

Дней через десять ватага двинулась в путь, захватив с собой и Морозовых. Им пришлось рассказать свою историю, умолчав о том, что Федька был в разгромленном обозе. Рассказ об освобождении Егора очень понравился атаману:

— Поелику ты такой ловкий, и у нас при деле будешь. Деваться тебе некуда. Попадешь — тоже каторга, а со мной вы не пропадете, огребем кучу денег и разойдемся.

Понемногу атаман и разбойники признали Морозовых за своих товарищей, а не за пленников.

Шайка шла к Барнаулу. По дороге три раза увели и продали лошадей, но, когда стали к Чумышу подходить, атаман велел не безобразничать.

— Деньги есть, пока на всех хватит, — объявил он, — а нам, если желаем стать богатыми, надо сидеть тихо.

Под Барнаулом выкопали землянку в бору и в самом деле притихли.

Атаман велел ждать обоз с серебром.

Серебро — это деньги. И деньги великие. Можно выправить себе какой угодно паспорт и в гильдию вступить, и жить припеваючи.

К шайке прибилося еще трое разбойников, сейчас их стало девять вместе с Морозовыми.

Но хоть и держали Морозовых за своих, но вдвоем одних не оставляли. Кто-то всегда под присмотром — не убежишь.

А бежать надо было, и Морозовы решили это твердо.

Одно дело, как старший Морозов, пострадать за правду или родного человека из беды выручить, пусть ради этого нужно пойти против власти — она для мужика всегда чужая, и другое дело — душегубствовать ради серебра.

Однако как бежать — в голову не приходило.

Ведь не сорвешься же просто так — догонят на конях-то. А лошадей у разбойников черта с два уведешь — сами конокрады, знают, что сторожить надо.

Да и куда бежать? В Барнаул? Под батоги и каторгу?

Как-то атаман и четверо его татей уехали из станка надолго, а вернувшись, сказали, что пригнали четыре воза с рудой. Подпоили мужиков в шинке и забрали возы. Эти возы изменили жизнь станка.

Теперь разбойники (кроме Дёмки, бежавшего с Барнаульского завода, да Федыки, считай, тоже заводского) ездили по очереди в Барнаульский завод и сдавали руду за ярлыки.

Потом порожние ехали по Змеиногорскому тракту, перехватывали приписных с рудой, продавали им ярлыки, перегружали руду и поворачивали вспять. Под Барнаулом их меняли другие возчики из разбойников, а они возвращались в землянку.

И не столько деньги им были нужны, сколько видимость дела. Теперь можно было не опасаться, если кто встретит в лесу — кто такие? Да вот, на извозе зарабатываем.

Да главное еще и в том, что, бывая на заводе, слушая, о чем говорят служилые и мастеровые люди, можно было выведать, что надо, и о серебре.

И вызнали: серебрянка пойдет из Барнаула поздней осенью и под такой охраной, что и думать о нападении нечего, а вот серебро, что возят со змеиногорского и павловского заводов взять можно, надо только выведать, когда его повезут, да выгодать, чтоб серебра в партии было поболее.

После этого руду возить стали не в Барнаул, а в Павловск — до Змеиногорска уж больно далеко.

Дошла очередь и до Федыки. Сдал он руду, получил ярлык и поехал к канцелярии. Все дела были сделаны, но надо было покрутиться в поселке, послушать, что к чему, узнать, когда повезут серебро и под какой охраной. Конечно, помогать грабить караван он не собирался, но ведь и врать надо знаючи.

— Федыка!

Вскочил Федыка, будто шилом кольнули. Бежать? Кто опознал?

Глянул — да это же Степан!

— Ты откуда?

— Да вот здесь копиистом служу, а вот как ты здесь очутился?

Нахмурился Фёдор. А-а, была не была. Может, эта встреча их и выручит

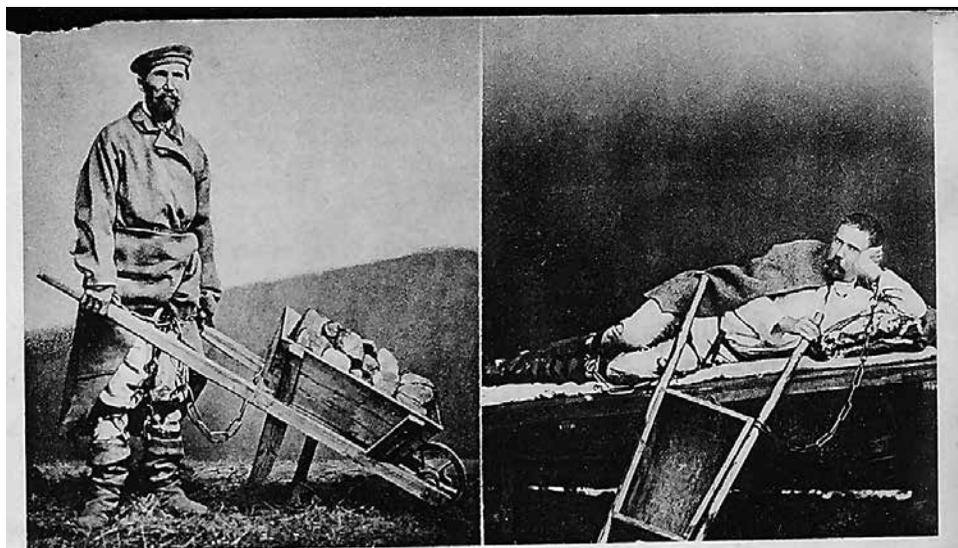
— Поговорить надо. Пойдем?

— Не могу, сейчас послали на завод, кое-что передать нужно, после службы.

— Ладно, найдешь на пруду, на левом берегу. Я в телеге буду.

Ну вот наконец-то на плотине показался Стёпка. Один. Друг-то он, конечно, друг, но ведь зиму не виделись, Федыка — беглый мужик, а Степан — казенный человек, чин выслужит, дворянином станет.

А Федыке, если не каторга, то бергалом на один из здешних заводов. Немногим лучше. Но авось обойдется, и будет он пахать землю да жить в покое. Уж он-то не будет зря языком молотить, как батя.

Виды и типы Нерчинской каторги.—Les galères à Nertschinsk. № 17.
Семьякаторжиде прикованные къ тачкѣ.—Les galériens attachés à la brouette avec une chaîne.

Ну вот оно, родное Стёпкино лицо.

Обнялись, постукали друг друга кулаками. Даже неловко за свои мысли. Пусть платья разные, да лица-то одинаковые, православные.

Отошли под сосны, сели на сухой лишайник.

– Да, жаркий сегодня денек.

– Долго жаре не продержаться, август уже.

Помолчали.

– Батюшка у тебя где? Ты, что ли, ему бежать пособил?

– Я от каторги его увел, да в другую неволю привел.

– Что так?

– А так, слушай.

И Федька рассказал Степану все.

Стёпка подумал и сказал:

– Что присоветую? Открыться господину Шангину. Где вы располагаетесь, я не знаю, значит, и он не узнает. А ты скажи атаману, что встретил знакомого на заводе, служит в канцелярии, поговорить любит, можно выведать и когда серебро в Барнаул повезут. Надо, мол, еще в Павловск съездить. А я покуда съезжу в Барнаул, поговорю с Петром Ивановичем. Господин Шангин говорит, что ты круглый дурак. Тебя определили в лабораторию, дело бы затихло, поставили бы пробирным учеником, все легче и сытнее, чем бергалом или в деревне землешествовать. А там бы, глядишь, и на службу попал. Жалел он. Говорил, что ты умен и весьма способен к учению.

– А-а, что сделано, то сделано. Да и грешно было бы – мог батьке помочь и не сделал ничего. Я ведь не Хам, чтобы отцу своему неблагодарностью отплатить, греха боюсь. А ты-то как жил?

– Да как... Определили меня в Павловск. Мать с сестрой дома, квартируют у вдовы Никодимовой. Я ей деньги посылаю, так и живем... А какое у копииста жалованье – слезы. Хотел в Павловск выписать – господин Шангин рассоветовал, говорит, скоро отцово дело решится, тогда уж. А ты знаешь, сможешь схватить разбойников, глядишь – и зачтут на суде.

– Может. Но батьку-то уже засудили, да и я под суд не желаю, но от злодеев-то как-то избавляться надо.

...Дальше разговор смялся, перешел на пустяки, и надо было прощаться.

Выслушав Степана, Шангин, стыдно сказать, обрадовался. Встревожился, конечно, но и обрадовался: впереди было живое дело.

Хоть и шел господину Шангину пятьдесят третий год, успокоиться он никак не мог, и все глубже влазил в секретные дела. Он не бросал своих научных занятий, но они отошли на второй план, потускнели. Здесь все было привычным и устоявшимся, а его всегда тянуло к новому.

И тогда, когда оставив должность лекаря в госпитале, уехал в горы с Риддером осваивать геогнозию. А просидел бы жизнь в госпитале, не увидел горные вершины, не испытал радость находок. Казалось, надо бы остаться на Чарыше, продолжать искать камня. Нет, ушел начальником Салаирского рудника. Да и правильно сделал. Ведь Архипову, что сменил его на Чарыше и Коргоне, так ничего нового и не удалось найти. Много заявок подал, а все это прослеживание его, Шангинских пластов, ни одного нового прииска.

И сейчас правильно делает, что уходит с рудников, там он все, что можно, уже сделал, остается лямку тянуть. Нет, здесь теперь его место.

Надо, пожалуй, создать ложный караван, выманить разбойников из леса да повязать. И помогут в этом Морозовы.

Пообещать, что их трогать не будут. Да и в самом деле, зачем они нужны округу? Вреда от них нет.

Поживут пока на положении беглых, а потом можно будет похлопотать перед начальством. Молодой император жагает показывать свое милосердие, помилование следует за помилованием, освободили уже многих осужденных по секретным делам в царствование Екатерины и Павла.

И хоть Морозов осужден при Александре, дело-то заведено при Павле.

Надо потолковать с Чулковым, через кого лучше ходатайствовать перед Санкт-Петербургским начальством о снисхождении.

Но это позже. А пока надо обдумать ближайшие шаги. С чего начнем?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, ПОСЛЕДНЯЯ

РАЗВЯЗКА

С разбойниками расправились, на удивление, быстро. Федька привел Шангина с сержантом Коневым и десятью солдатами в лес, оставив их в ложе ждать ночи, а сам поехал в станок. Телеги накатали до землянки хорошую дорогу, так что солдаты и в потемках придут, куда надо.

Совсем стемнело. Они дождались, когда выйдут, как было оговорено, Егор и Фёдор. Разбойники уже спали, и солдаты тихонько вошли в незапертую дверь. Семь штыков уперлись в семерых разбойников, а двое солдат принялись их вязать одного за другим. Да промашку допустили — не с главаря начали. Когда к нему подошли, он повернулся, толкнул коленками солдата с веревкой на солдата со штыком и кинулся бежать, но не убежал далеко: и Шангин стрелял, и Коржнев, и солдат. Пуля попала всего одна, но в голову.

Так и осталось неизвестным, кто был этот человек, откуда.

Его люди показали, что демидовского злата-серебра они не нашли.

У Максимова ничего не узнали, а в избе его никаких бумаг найдено не было. Твердил, что он ничего не знает и не ведает, а если какая бумажка и была, он ей давно печку растопил. И отец ему ни о каких бумагах не говорил.

Попробовали его допросить с пристрастием, он и помер.

В вещах убитого атамана нашли какие-то бумаги. Посмотрел их Шангин. Больше всего похоже на записи по составлению какого-то плана буссолью либо астролябией, но больно много пропусков, плана не составить.

Почему эти люди, утаив серебро и золото, не поделили его сразу между собой или не спрятали в приметном месте?

Видать, решили выждать, а клад не делили, чтобы никто не начал тратить раньше времени и навлекать на себя и другие подозрения. Потому и в приметном месте не прятали, чтобы никто из них не мог его выкопать в одиночку да долю приятелей присвоить.

Вот и закопали, может, в степи, а вероятней всего — в лесу. Шли долго, нарочно поворачивая, но с тщанием измеряя углы поворота и долготу пути. Хитро. Да вот сами себя и перехитрили.

Где это серебро и золото? Может, найдет его случайный человек, а может, так и пролежит до скончания века?

Ну а как сложились судьбы наших героев?

Забрав разбойников и две разбойничьи подводы с конями, солдаты и Шангин ушли, оставив Морозовых в землянке. Теперь Морозовых для барнаульских властей как бы и не было.

Вернуться домой они не могли, тамошние власти были в двойном подчинении, округу и губернии, поэтому пришлось оставаться здесь и заниматься в углежогии, на отработку заводского урока на богатых мужиков.

А как наступила осень, полностью решилась судьба Кузинского. Было признано, что умысла в действиях Кузинского не было, но он виновен в том, что «выполнял свои обязанности не с той бдительностью, как следовало».

А поскольку последовал правительственный указ об амнистии по всем делам, не содержащим в себе важных преступлений, решено было Кузинского из-под стражи освободить.

Его вернули на службу, понизив на один чин и сняв с него все обвинения в злонамеренности и взяточничестве (такую напраслину наводил на него Филонов).

Помилование Морозова пришло только в январе 1802 года с предписанием вернуть его по прежнему месту жительства.

Вот и все. Дальнейшая судьба моих героев теряется во времени. Конечно, Шангин и Чулков благополучно завершили удачную карьеру и умерли в достатке и почете, а вот смог ли поправить свое положение Кузинский, смог ли поднять свое разоренное хозяйство Морозов, я не знаю.

Мелькнула эта история среди архивных бумаг, и все. Впрочем, все рано или поздно растворяется в потоке времени...

Наталья
Зима.

У ВРЕМЕНИ В ЛАДОНЯХ

***

*Душа была безвидна и пуста,
Не то чтоб, знаешь, белизна листа,
А как земля, лежащая в тумане,
Но стадо не дышало в тишине,
Не двигались киты на глубине,
И небо не вздымалось над холмами*

*Откуда взялись травы и волны,
И волны, их растущие валы,
На сушу напивавшие, и суша,
Себя осознающая как твердь,
И небо, чтобы лечь и замереть,
И голос человеческий, чтоб слушать?*

*Лик матери клонился надо мной,
Как Божий Дух, который над водой
Носился и тянул из ниоткуда,
Как длинную цепочку ДНК,
Людей, животных, дни и облака,
Весь караван, до крайнего верблюда*

*И я тяну, и ниточку пряду,
И караван из пустоты веду,
Держись меня, не отпускай запястья
Мы сотканы в просторный, теплый сон,
Плывет младенец, в воды погружен,
Не различая счастья и несчастья.*

Memento

*гуляй, сударик мой, комарик, неврастеник
грядет последний день, затейный мир рас-
тений
засыплет с головой нездешнее иное
тряхни, сударик мой, кудрявой сединою
лети, листочек мой, исчезни в пасти ветра
ты шелестел как мог и канешь незаметно
в реке без берегов. Дальнейшее — temento*

*мой друг Пиши-Читай, пиши, читай и
здравствуй!
а спросишь: на черта живых и мертвых
царствуй
сплошная череда? и чехарда имен их —
спешная вода у времени в ладонях,
но что мне до нее, я этим дням не Нестор
слова приходят к тем,
кто бредит неуместным,*

*кто бродит между книг, а мне того не надо
садовник и лесник, гони меня из сада*

*с читалкой нелады, писалка исписалась,
в том нет большой беды, но скука и уста-
лость,
и беринговы льды, и ледяная ярость...*

*...ты спросишь, ну так вот, пожалуй, я
отвечу,
что уходящий год есть образ человеческий
и ты его должник, и родственник, и данник,
садовник и лесник, и, мать твою, ботаник,
затем листы считать да брать на каран-
даш их,
что только та черта и делается нашей,
которой имя дашь, озвучишь, приторочишь
к потертому седлу. но ты того не хочешь.*

*и что мне до тебя, когда огромный купол
разорван ноябрем, и, тропы перепутав,
качается мой сад у времени в ладонях,
листья его летят и ни о чем не помнят*

Сочельник

*По этим улицам, мерзлым, стылым,
Твой ослик цокает дробью частой.
Какие звезды с Тобой, Мария,
Как будто Там наклонили чашу,
И в Здесь посыпалось то, что миру
Вместить не можно, а сердцу надо.
На этот город взгляни, Мария,
Разросся Твой Вифлеем, оградой
Не обведешь, крепостной стеною
Не удержишь — ширится, не уймется,
А все-то маленький. Шерстяною
Погладишь варежкой, раздастся
Там звон и пение, детский гомон
Под елкой — царство конфет и кукол.
Но семисвечия этих окон
Горят, будто каждая крыша — купол,
Как будто в каждом проеме — вестник,
Чтоб Ты узнала — у нас есть место,
У нас есть место, приди, останься!
В Вертеп свой звездный впусти, прими
Мой мир, мой маленький дом, Мария,
И сердце, выстеленное, как ясли*

гуси-лебеди

Ты, как чужой язык, говоришь со мною
Требуешь набираться новых азов да букв
Ты говори, говори, я тебя усвою
Пусть через пень-колоду да пусть из рук вон

Встань, неизвестное, к лесу спиной, выходи навстречу,
Бей о порог клюкой, суровой взглядом
Страшно, куда как страшно, а делать неча
—
Гуси твои да лебеди ходят рядом

А вот еще бывает — тепло, полдень,
И ничего не страшит, и ничто не манит,
В жизнь снаряжался, как на большой под-
виг,
И вот сидишь в божьем большом кармане

Неразличима доблесть в простых, мелких
Метках на каждый день, нудный труд не кончен
К черту твое рукоделье, этот досуг белкин
Знать не желаю, к стене отвернусь, день
поверну к ночи

И вот тогда раздается дурной, сильный
Гогот со всех сторон, мощные крылья
бьются,
Как жестиальные, о голову. Гуси-лебеди щип-
лют
Сердце мое нерадивое и смеются

***

Чем меньше осталось жизни, тем человека
больше.
Жизнь переходит в него, образу толщи,
Слой за слоем он наполняется, час за часом,
По колено, по пояс, по горлышко, бац, и
разом
Всё исполнено, сроки, судьба, кончена пере-
писка.
Прежний лист ты мой белый, весь до краев
исписан,
Помнишь, вначале — ты мал был, а мир
огромен,
Помнишь, трава шумела над головою,
А потом уже кланялась в пояс, дальше — у
ног шептала
Что-то свое, смешное... А там и травы не
стало.

***

Был ли мальчик, который пел, на ветле
сидел,
когда космос вращался, как он хотел,
чтоб удобнее было петь и болтать ногами;
проходя по мосту толщиной в инурок,
ковырять в носу и не знать тревог,
точно сверху за маковку держит Бог,
и рука Его не устанет

Если был, то куда ушел, если здесь, отчего
молчит,
когда сердце, как старый ветряк стучит,
стрелки борются с циферблатом?

Это ветер проходит сквозь пальцы, это
дождь норовит в глаза
набренчать своих капель целебных, и ты
умираешь за
мир, не заметив, как стал солдатом,
подсекаемый пулей, сбиваемый красотой,
чтобы рухнуть, как сноп, прошептать:
«Дурачки, я свой!»
и уже стелиться травой, шелестеть ли-
ствой,
течь рекой, уносящей тебя куда-то

Думать:
даже если б рука устала, если б Его вообще
не было, вместившего по свече
в сердце, довольно того, что есть,
что начинается здесь и кончается тоже
здесь —
этих нот воробьиных, по которым ты век
пропрыгал,
и они пропели тебе, как они могли,
эту песню с листа, эту длинную жизнь
прочли,
и когда ты уснул, осторожно закрыли книгу

***

Что бы ни случилось с тобой потом...
Ибо вышед в поле, никто не знает,
Что скрывается за углом,
Ибо в чистом поле углов хватает.

Через какое-то время, может быть, никог-
да,
Никакого клубка Ариадны,
Никакой путеводной нити
Не достанет на километры,
Умноженные на года,
Проведенные нами в заколдованном лаби-
ринте.

В наших плавнях сквозь золотую сеть,
В наших странствиях до мировой причины,
По которой нам хочется умереть
И не быть ни женщиной, ни мужчиной

***

Маленький мир, золотой урюк,
Выпал из рук, из неловких рук.
Выпал и умер. Ищи теперь,
Как оно сказано, «в Боги — дверь».

***

Уже у каштанов подростки-листья
Окончили школу, пустились в лето
Зеленая жизнь понеслась так быстро,
Как будто боясь не достать билета
На рейс ли, сеанс ли, и вот парчовый
Расходится занавес, и оркестр
Бьет звездным калибром по бестолковым,
Себе не нашедшим места

В канун Дня театра я провел эксперимент с целью найти человека, который ни разу в театре не был. Эксперимент провалился. Это говорит об очевидном: театр востребован и это важная часть культуры. Что происходит с ней в Барнауле?

ПОЧТИ В КОНЦЕ СЕЗОНА, или «How much is томат в Барнауле»

Вадим Климов.

Фото из архива
редакции.

МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР АЛТАЯ: ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

В моем театральном пространстве, к сожалению, все меньше барнаульского театра. Это большое разочарование. Мне нечем похвастать. Я не могу спросить: «Вы видели «Вишневый сад» Сергея Афанасьева в Молодежном театре Алтая?». Потому что мне все серьезные критики отвечают: «Видели, конечно. Это же четвертый вариант».

Приход Афанасьева в МТА преподнесли как большое достижение. Наконец-то зрелый режиссер, а не пацан (молодой режиссер) пришел в театр. Не стану пересказывать все версии, которые роятся в театральном пространстве, зачем Афанасьеву барнаульский театр, скажу про его премьеру.

Вылезти на том мастерстве, которым, несомненно, обладает режиссер, не получилось. Заросла железная дорога бурьяном. Не стал спектакль откровением, событием и даже иллюстрацией к школьной программе. Хороший режиссер Афанасьев в Барнауле скальмил, схалтурил. Извините, маэстро, вы думали уже о «Ревизоре» в своем театре. Говорят, отличный «Ревизор».

Две из трех сказок в 2015 году поставил Владимир Филимонов: «Синдбад-мореход» и «Бременские музыканты». Я называю Владимира Николаевича кризисным режиссером. При скудном финансировании он выпускает некоторую сносную продукцию.

Для меня спектаклем сезона стал «Бог резни» (режиссер — Анна Зиновьева из Новосибирска). Очевидно, что теперь вектор выбора режиссеров из Санкт-Петербурга поменяли на Новосибирск. Еще одну сказку поставила режиссер Анна Зуева, ученица Сергея Афанасьева. Понимаете, зачем педагогу, президенту Новосибирского те-

атрального института С.Н. Афанасьеву Молодежный театр Алтая?

ЧУДО БЕЗ ЧУДЕС

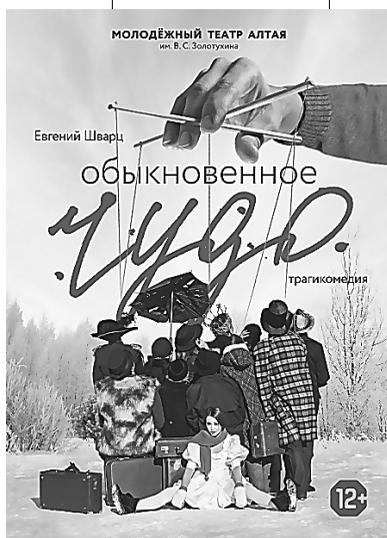
Премьеру спектакля по пьесе Евгения Шварца «Обыкновенное чудо» (режиссер постановки — известный артист кино Иван Стебунов) хотели отыграть в канун Международного Дня театра, но показали на неделю позже.

Евгений Шварц — русский драматург советского периода. Его тексты — тонкие миры, в которых честь и любовь — две главные координаты, как широта и долгота. К таким текстам нужно относиться трепетно, оберегая каждое слово. В последнее время, прочитав много пьес современных драматургов, я еще раз понял банальную вещь: драматург — полноценный соавтор спектакля. Но вот современные режиссеры думают по-другому. Согласен, что режиссер в соавторстве с драматургом и с его согласия может что-то вымарывать из текста. Но с классиком не стоит быть таким фамильярным.

Впрочем, кто знает границы дозволенного в современном искусстве? Можно все: выкинуть персонажа со словами из спектакля. Сломать логику текста ради своего представления об истории. Режиссеры-дебютанты, творите!

Ситуация чудесная: известный актер кино, имеющий опыт работы в московских театрах с выдающимися режиссерами, например с Кириллом Серебренниковым и Римасом Туминасом, приезжает в Барнаул и ставит спектакль о любви.

На сайте театра было сказано, что Стебунов будет играть несколько ролей в своем спектакле, но зря ждала публика. Иван Сергеевич Стебунов здесь только режиссер. Он нашел несколько интересных, как ему думается, приемов, делает странный перенос персонажей, создает некую параллель между Хозяином (актер Виктор Сеницын), его женой

(актриса Галина Чумакова) и другой парой влюбленных – придворной дамой и трактирщиком.

Интересный ход: показать превратности любви. Но дело в том, что в программке к спектаклю я не нашел трактирщика и придворной дамы. В трактирщика превращается сам Хозяин, волшебник, а придворная дама берется из воздуха – превращается из жены волшебника. Чудеса.

Две другие придворные дамы, которые есть в программке (актрисы Юлия Юрьева и Наталия Сляднева) в пьесе Шварца названы Оринтия и Аманда, незамужние, приличные и застенчивые, в этой постановке ведут себя как девушки легкого поведения.

Развернув историю таким замысловатым образом, режиссер не останавливается и вводит двух новых действующих лиц и мимов. Этот прием часто используется, мимы, как кажется режиссерам, заполняют пустоту, ведут некую художественную линию, но в спектакле Ивана Стебунова это две тени, которые не работают. В спектакле многое не работает: шар, в котором зарождается искра любви, вентилятор, который таскает Хозяин, синяя ткань, создающая море. Акценты, которые расставил режиссер, оказались лишними.

Откровенно лишние странные костюмы Охотника и его Ученика (артисты Валерий Лагутин и Евгений Бакуменко). Их латы в стиле испанских конкистадоров настолько неуместны для этой пьесы, что заставляют думать о том, что режиссер старается показать нам абсурдность характеров как раз таким противоречивым образом. Необыкновенное удивление вызывают лабутены охотника и ученика. Правда, выходят они в них только один раз, но и этого достаточно.

С костюмами в спектакле много необъяснимого. Они не работают на раскрытие характера персонажа и в некоторых местах копируют образы, созданные в легендарном фильме Марка Захарова.

Вообще, отстраниться от фильма «Обыкновенное чудо» 1978 года было сложно. Непросто было Игорю Бочерикову стать непохожим на Евгения Леонова в роли Короля, но ему удалось. Это лучшее, что есть в спектакле. Смог артист Евгений Быков, играя Министра-администратора, не повторить интонаций Андрея Миронова в самом известном монологе про бабочку и воробышка.

Во всей этой сложной истории главным героям Принцессе и Медведю непросто существовать на сцене, потому что артисты понимают, что не складывается в единое произведение то, что они играют. Поэтому забрать все внимание зала, стоя на авансцене в эпизоде первой встречи, не получилось, и та истерика, которую предложил сыграть Анастасии Лоскутовой ре-

жиссер, такая неестественная, ломаная, что даже кукольная внешность актрисы не помогает.

В этот момент в зале вдруг появляется первый смех. Мне в начале этой сцены стало как-то неудобно за происходящее, от чувства фальши у меня случается защитная реакция – короткий смешок, такое «ой-ой, что же вы творите». Но через пару секунд зал засмеялся. Теперь я думаю: может, я один такой ненормальный и не вижу смешного, а вижу «клюкву».

Музыкально спектакль не выразителен. Главная тема интересная, но не имеет развития, хореография в спектакле выпадает из общей картины, ломая ритмический рисунок, и не добавляет выразительности. Несколько хореографических номеров существуют отдельно от спектакля, и сценическая декорация не помогают режиссеру создать целостное произведение, а заставляют идти на поводу сложной конструкции наклонного планшета сцены.

Все оформление как будто из другого спектакля: кулисы, на которых разместили исписанные листы, главный мотив оформления спектакля. Исписанные листы бумаги будут появляться еще несколько раз, превратятся в снег, в песок в часах, но они несколько не уместны для создания художественного образа Волшебника, хотя мы можем представить, что Волшебник – это писатель или драматург, он создает историю и все кругом – его творческая среда.

Все же где-то как-то у режиссера получилось тронуть зрителя, знаю некоторых дам, кому понравился спектакль, видел взволнованные лица и заплаканные глаза, были аплодисменты, значит, своего зрителя спектакль найдет.

ТЕАТР ДРАМЫ: МИНУС ОДИН РЕЖИССЕР

Три режиссера были в Краевом театре драмы: один из них ушел, и вот вам результат. На высокой ноте покинул театр Алексей Логачёв, поставив «Укрощение строптивой» с Еленой Адушевой и Константином Кольцовым, ярким, бескомпромиссным артистом. Хороший спектакль, хотя некоторые критики, пишущие под псевдонимами, отнесли к этому спектаклю неблагоприятно. Счастливого пути в Саратов, на Волгу.

Весь груз ответственности достался Александру Зыкову. Он поставил главный программный спектакль 2015 года к юбилейному Дню Победы. Мне показалось, что к этой постановке режиссер отнесся как к необходимости.

Зыков прекрасно поработал над моноспектаклем Надежды Царининой «Оскар и Розовая дама». Получилось трогательно.

Трудно понять, в какую сторону пошло режиссера, когда он ставил «За

двумя зайцами», какая мысль его увлекла? Мне показалось, что спектакль поверхностный. Как любил говорить мой педагог: «Это вы мне отписку какую-то подсунули, я знаю ваш потенциал. Пересдать».

Может, я не разглядел глубины режиссерского замысла за ложными ожиданиями политической остроты на почве украинского вопроса или ждал сатиры в сторону гламурного «новомещанства» вроде цирюльника-стилиста звезды эстрады Зверева-Лисовца и далее по списку журнала *Cosmopolitan*.

Максима Астафьева назначили режиссером театра, и он поставил «Квадратуру круга» Катаева. Поставил без излишеств, как обыкновенную сатирическую комедию. Мило, как-то по-студенчески, в некоторых моментах — плоско, в других — наигранно, отчего даже немного совестно за хороших артистов.

Новогоднюю сказку 2015 года опять поставил Астафьев. Его прошлогодняя сказка была вполне приличной и достойной внимания. Официальный штатный новогодний сказочник: «Путешествие голубой стрелы» — уверенная работа. Дальше Астафьев взялся за Ерофеева, «Москва — Петушки».

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА МАЛОЙ СЦЕНЕ

В драматическом театре долго молчали про премьеру «Москва — Петушки». Складывалось впечатление, что есть какие-то нехудожественные сложности с этой постановкой. Оказалось, все идет по плану. Премьера спектакля по поэме Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» состоялась.

Почему поэма Венедикта Ерофеева так популярна, почему вот уже 40 лет творческая интеллигенция восхищается трагической историей путешествия алкоголика и тунеядца Венечки, который едет несчастных 125 километров от Москвы до Петуш-

ков к ребенку и прекрасной даме сердца своего?

Почему режиссер Максим Астафьев решил поставить это произведение?

Может, потому что пьянство, на фоне которого разворачивается история жизни поэта, это хроническая болезнь русского интеллигента.

Астафьев нашел интересную форму, создав некое эклектическое пространство, условную «Москву сортировочную». В нем герой из столичной парадной попадает в вокзальный ресторан, далее в вагон электрички, а потом растворяется в этом алкопутешествии.

Создав пространство, режиссер наполняет его персонажами из мира главного героя, и мир этот безобразен, нет в нем прекрасного, нет очаровательного, нет душевности, а есть красавец-поэт, весь чистенький, в белой сорочке (не хватает только венчика из роз).

Интересное решение — выделить героя из мира. Он одинок, он служит искусству, он живет в мире, и мир его убивает. Можно представить совсем другую историю, где поэт — грязный бомж, проснувшийся в подъезде, вечно пьяный и уже не молодой.

Но режиссер решил по-другому, и актер Константин Кольцов великолепно справился с ролью. Венечка у него поэт крыленый, воодушевленный, мечтающий, верный, заботливый, влюбленный и добрый. Он везет ребенку конфеты.

Кольцов в этой роли органичен, на него интересно смотреть, к нему прислушиваешься, в нем есть поэтическая образность.

Актерский ансамбль скрепляют четыре ангела апокалипсиса, они же рабочие на стройке, они же пассажиры электрички, они кругом — и этот круг сужается, в финале в жутких масках и костюмах «Адидас» они загоняют Венечку на самый верх лестницы, это тупик и конец поэту.

Четыре артиста (Юрий Антипенко, Владимир Заика, Вячеслав Сысоев, Игорь Черепанов) создают фон человеческой массы,

в которой варится главный герой, и масса эта его поглотила.

Не спасают Венечку его белые ангелы. Эти два персонажа прекрасны в исполнении актрис Анны Бекчановой и Анастасии Тамиловой.

Есть бородатый анекдот: утром в комнату мужчины входит прекрасная блондинка в белом длинном пеньюаре, преподносит рюмку водки и грибочек на вилке. «Как звать тебя милая?» — спрашивает мужчина, выпив и закусив. Она отвечает: «Белая горючка».

Так вот, две дамы в белом в спектакле, скорее всего, не ангелы. Перепутал Венечка. Но роли прекрасные, они очаровательны, заботливы, хорошо поют.

Музыкально спектакль уравновешен: нет яркой темы, нет однообразия, а песня ансамбля «Серебряная свадьба» «Саша, Саша, не ходи на Черную речку» еще раз подчеркивает, что этот спектакль не про алкоголика, а про поэта.

Есть в спектакле эпизод про выбитые зубы. Женщина-алкоголичка рассказывает свою историю, актриса Елена Адушева эмоциональна, темпераментна, ее рассказ — трагедия, история падения, морального уничтожения. Актриса играет так, что зал вдруг начинает радостно аплодировать на каком-то эмоциональном подъеме. А тут плакать надо.

Странное это произведение «Москва — Петушки», но спектакль на малой сцене получился интересный.

ТЕАТР МУЗКОМЕДИИ: МАРКЕТИНГ И КЛАССИКА

В театре оперетте случилась директорская чехарда. Уволили директора театра Романа Ильина. Вывел Ильин на приличный уровень театр и фестиваль «Шаг», начал приглашать столичных артистов, проявил самостоятельность и — теперь тут не работает...

В Музыкальной постановили «Летучую мышь» и «Труффальдино из Бергамо». Сделали сказку «Бемби». Отработали пару новогодних спектаклей «Приключение в Лукоморье» и «Карнавальная ночь». На фоне репрессивного давления, а это резкое сокращение финансирования и увольнение директора, нужно сказать, что Театр музыкальной комедии показал себя достойно. С привычной профессионально поставленной улыбкой, через пот и творческие муки театр поет и пляшет на потребу публики.

После новогодних представлений, как только отгремели елки, переведя дух, барнаульские театры начали делиться творческими планами.

Театр музыкальной комедии сообщил о спектаклях, которыми собирается удивлять публику: «Две свадьбы», «Баядера» и «Ползунов».

«Ползунов» из этого списка самый интригующий спектакль. В первую очередь, это не просто спектакль на историческую тему, то есть костюмированная трагедия, трудно представить комедию о жизни Ивана Ползунова, скончавшегося от туберкулеза в молодые годы.

Надо рассматривать эту постановку как очередную попытку закрепиться в краеведческом патриотическом материале. Начало было положено, когда поставили спектакль «Голубая дама» того же автора — известного алтайского писателя Марка Юдалевича.

«Ползунов» обещают выпустить в начале следующего сезона, чтобы поспеть к Молодежному театральному фестивалю имени В.С. Золотухина.

Стоит обратить внимание и на спектакль «Две свадьбы». Он вышел к празднику 8 Марта, что уже говорит о грамотном маркетинговом решении. Но не это самое интересное. В основе спектакля два произведения: водевиль Павла Фёдорова «Свадьба с вензелями» и рассказ «Свадьба с генералом» Антона Чехова. Да, господа, Чехов в оперетте.

Спектакль поставлен на малой сцене режиссером Татьяной Столбовской. Надо признать, она освоила это сложное сценическое пространство. Можно сказать, что спектакль получился. Он динамичный, разнообразный, по-опереточному яркий и наполнен той очаровательной условностью на грани наивности, за которую зритель любит театр оперетты.

Эта условность определяется музыкальным жанром, и не следует ждать глубоко драматической игры. Но и прощать штампов наигранности не стоит.

Первый акт — водевиль «Свадьба с вензелями» — выглядел настолько простым, что появлялись пространственные дыры. Видно, что режиссер не нашел решения некоторых мизансцен.

Как бы ни старались артисты, яркий Виталий Селюков, солидный Михаил

Басов и даже Виктория Гальцева и Александра Карпова, но пусто на сцене.

Зрителю как раз больше понравился первый акт.

Второй акт — «Свадьба с генералом» Антона Чехова — совершенно другой спектакль, наполненный звуком, светом, появляется все то, что красит оперетту: яркие характеры, гротеск, выходит на первый план сатира.

Интересны актерские работы: блистательный Илья Зуев, выразительный Арсен Митичашвили, Леонид Титов в роли генерала. И, конечно, две отличные женские роли: Лариса Герасцина, Ксения Расторгуева.

В спектакле настолько два разных акта, что можно добавить ко второму акту пару хороводов — и получится отличный одноактовый спектакль.

ЛЕГЕНДА НА ОДИН АКТ

Малая сцена — это хорошо, в этом есть свои прелести, но все ждали главную премьеру: легендарный классический спектакль «Баядера».

«Баядера» — опереточная традиция. В Театре музыкальной комедии это уже третья версия спектакля. Каждое десятилетие в репертуаре появляется своя «Баядера»!

Конечно, это не повторение спектакля: разные режиссеры, исполнители. Знатоки могут вспомнить, что Дмитрий Иванов в предыдущем спектакле играл роль Наполеона, а в этой постановке он Луи-Филипп. Наполеона играет — ярко, за гранью гротеска — Арсен Митичашвили. Его партнерша, не менее выразительная Мариэтта в исполнении Ирины Басмановой, удивительно темпераментна.

Одетту, примадонну, играет, конечно, прима театра Виктория Гальцева. Впервые она явилась публике в образе платиновой блондинки, что не повлияло на раскрытие образа. Поет она высокопрофессионально.

Актерский состав, балет, хор, оркестр в Театре музыкальной комедии работают на хорошем профессиональном уровне (дирижер Сергей Белоусов). Заметьте, спектакль идет в сопровождении оркестра, что придает ему высокопрофессионального веса. При всей нарядности спектакля (художник Алёна Муравьёва) постановка чудовишно традиционна. Не в смысле прекрасного опереточного консерватизма, а по устоявшейся традиции режиссера Константина Яковлева.

В этот раз его хватило только на первый акт.

Первый акт почти безупречен. Хотя появление героини публике не встретила овациями, и только вокальные данные восхитили зрителя. Великолепен номер в восточном стиле, прекрасны костюмы главных героев, особенно выдающийся фрак Наполеона и блестящие штиблеты. Что-то слабо уловимое в глазах Митичашвили напомнило мне Бубу Касторского (артист Борис Сичкин).

Если первый акт получился, то второй вобрал в себя все режиссерские штампы, наработанные за десять лет постановщиком в нашем же театре. Публика, конечно, аплодирует, рукоплещет удачным репликам, хорошо сыгранным и спетым ариям.

И поэтому прощает все лишнее нагромождение на сцене. А может, и не простит коньяк рюмками в Париже. Что-то пора делать режиссеру, чтобы не шагать по проторенным тропам, тем более он их сам топтал.

Во втором акте было так много лишнего, что к финалу режиссер вышел как-то не внятно, как будто надоело и он скомандовал «хватит!». Ну и хватит.

Есть еще студенческие коллективы. Есть театр кукол «Сказка». Есть Союз театральных деятелей, в котором происходят перемены. Но есть ли сегодня в Барнауле театр с большой буквы? Я свое мнение высказал, а решать вам, уважаемая публика.

В разные времена в обществе формируются свои, присущие только данной эпохе ценности. Но любовь к Родине, верность героическим традициям, знание истории своего народа – вот неполный набор основ системы воспитания любого государственного строя.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Ольга
Колбашева,
заведующая
библиотекой
им. В.М. Башу-
нова

Патриотизм в конечном итоге становится связующей нитью разных поколений. Возвращается осознание того, что для воспитания достойного гражданина и патриота необходимо формировать у молодежи чувство преданности родной земле, гордости за историю своей страны, любовь к отчужденному дому и семье. Сделать все возможное для выполнения этих задач – в этом видим свою миссию и мы, работники библиотек.

С уверенностью могу сказать, что библиотечное сообщество Барнаула выполняет эту миссию очень достойно. Современные информационные ресурсы позволяют вести работу по патриотическому воспитанию молодежи в самых различных направлениях: гражданском, историко-патриотическом, краеведческом. Мы считаем, что воспитание сегодня – это, в первую очередь, содействие формированию системы ценностей на основе чтения, приобщения к культурному достоянию России. Обращение к документному составу наших фондов – художественному наследию, мемуарам, научным трудам – значимая и актуальная форма прикосновения к истории. Это в полной мере относится к работе с материалом, касающимся героической истории страны, и, конечно, летописи Великой Отечественной войны.

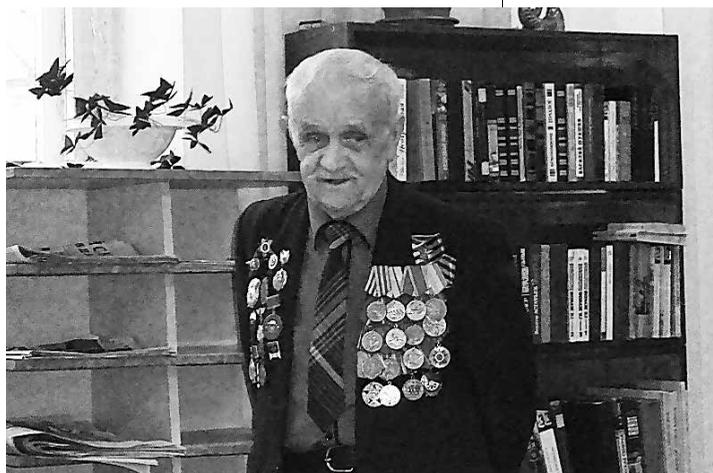
Свою задачу библиотекари видят не в простом предоставлении документов, а в осмысленном, выверенном руководстве чтением. Вот почему так многогранна работа с книгой в наших библиотеках. Акцент делается на популяризации книг, публикаций в периодической печати, повествующих о ратных и трудовых подвигах наших соотечественников, о жизни, в которой было место любви и ненависти, отчаянию и твердой вере, желанию жить и,

одновременно, готовности к самопожертвованию.

Работа эта систематическая, но приобретает более масштабный характер в связи с юбилейными датами, как это было в год 70-летия Победы.

Отличительной чертой деятельности по празднованию юбилея стало социальное партнерство, вовлечение во взаимодействие самых разных категорий горожан, представителей государственных и общественных структур, учебных заведений, деятелей науки, культуры и, конечно, ветеранов. О масштабе работы говорят цифры: проведено 112 мероприятий, которые посетило более двух тысяч жителей краевой столицы. Реализованы программы, которые помогли сделать деятельность библиотек комплексной, разноплановой, рассчитанной на длительный период: «Дорогами памяти, дорогами Победы», «И в книжной памяти – мгновения войны», «Память поколений» и ряд других.

Фото из архива
Централизованной библиотечной системы
Барнаула.

Богатый арсенал средств был использован специалистами для привлечения внимания к библиотечным мероприятиям, рассчитанным на самые разные возрастные категории. Во многих библиотеках прошли творческие конкурсы и акции: чтцов, творческих работ, рисунков, военно-патриотической песни, пиар-акция патриотической книги, акция-поздравление и многие другие мероприятия с вовлечением в них большого количества участников. Разнообразные по форме и содержанию, проводившиеся в течение всего юбилейного года, они способствовали глубокому и всестороннему раскрытию темы. Обзоры, презентации, выставки – традиционная и неотъемлемая часть деятельности. И все же общественно значимая серьез-

ная тема требует более серьезных форм. Так, в программы ряда библиотек были включены круглые столы, научно-практические конференции, семинары с привлечением специалистов высшей школы, государственных и муниципальных структур, СМИ. Это придало значимости мероприятиям и, что немаловажно, способствовало расширению историко-культурного пространства Барнаула.

Непосредственно в День Победы все библиотеки системы активно включились в общегородские мероприятия. В каждом районе были представлены книжно-иллюстративные композиции, проводились фестивали и акции, конкурсы и инсталляции. Масштабные экспозиции были развернуты на разных площадках города. Центральная городская библиотека им. Н.М. Ядринцева представила выставочный проект «И снова май, цветы, салют и слезы», состоящий из трех частей.

Очевидно, что в большей степени работа по патриотической тематике адресована молодому поколению, а оно, как известно, легче усваивает информацию, используя новые технологии, активные формы вовлечения в процесс познания. Учитывая это, библиотеки успешно внедряют самые новые методики извлечения и передачи знаний, все больше применяя в своей практике полюбившиеся современные формы мероприятий. Флешмоб «Тот самый длинный день в году..», либмоб Памяти, квест «Русский солдат умом и силой богат», экспедиция памяти «Победа во имя живущих». Эти акции, по словам самих участников, вызвали интерес к теме

и желание продолжить взаимодействие с библиотеками, которые стали мощной консолидирующей силой.

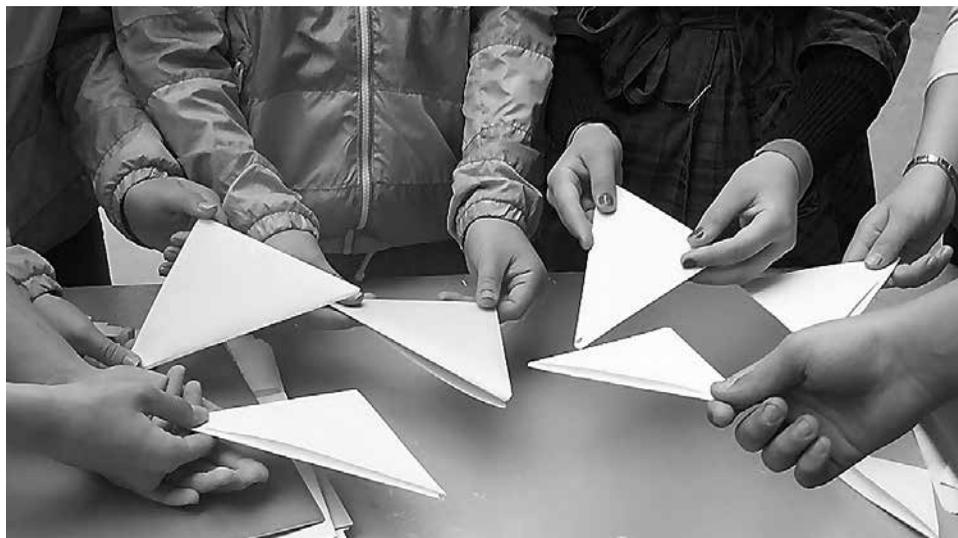
Следуя принципу исторической достоверности, мы стремимся в своей работе обращаться и к живому слову участников и свидетелей тех исторических событий. Все эти люди – сама история. Встречи молодежи с ветеранами-фронтовиками и тружениками тыла, жителями блокадного Ленинграда стали неотъемлемой частью героико-патриотической работы библиотек. На мой взгляд, нет ничего важнее непосредственного общения представителей разных поколений для формирования у каждого из них толерантного отношения друг к другу, а у молодежи – признательности и уважения к ветеранам, гордости за принадлежность к великому народу. В конечном итоге все это ведет к формированию духовно-нравственной связи поколений.

Особую эмоциональность, сопереживание вызывает у посетителей библиотеки, независимо от возраста и социального статуса, краеведческая окраска мероприятий.

В своей работе библиотекари системы постоянно обращаются к местной специфике. Мы постарались акцентировать внимание горожан на славной странице истории – вспомнить о неосценимом вкладе жителей Алтайского края, города Барнаула в разгром врага. Все, что связано с нашей малой родиной, становится объектом пристального внимания и интереса подрастающего поколения, предметом изучения. Так, барнаульские школьники были приглашены сотрудниками библиотеки им. В.М. Башунова к знакомству с литературным творчеством алтайских писателей-фронтовиков благодаря проекту «Память поколений». Для многих этот материал стал настоящим открытием, высветил новую грань в военной истории.

Нынешний год, объявленный Годом кино, способствует актуализации деятельности библиотек Барнаула в продвижении богатейшего российского кинематографического наследия. Без сомнения, лучшая часть этого материала – художественные ленты, созданные на основе произведений о войне, и документальные кадры, дающие возможность быть не просто зрителями, а соучастниками событий той страшной и одновременно великой поры. Сотрудники библиотек уже активно включились в работу по популяризации отечественных шедевров. Киносеансы, библиотечные фестивали игрового и документального кино, диспуты, разговоры об актуальном, ретровечера, литературно-кинематографические часы и другие формы работы позволят в течение года и, конечно, в преддверии Дня Победы прикоснуться к великой теме средствами великого искусства.

Известный алтайский писатель, краевед, просветитель А.М. Родионов определил роль и статус библиотек, образно сравнив их работу с напряженной жизнью на передовой. И действительно, библиотекари – настоящие бойцы, чья деятельность в полной мере отражает интересы государства и направлена на создание в обществе благоприятной обстановки, наполненной духом патриотизма, самосознания и созидания. Используя огромный информационный ресурс, вобравший в себя сумму знаний, мировое культурное наследие может помочь молодежи обрести нравственные ориентиры в жизни, сформировать целостную систему ценностей – и это наша задача. Не в этом ли заключается русская национальная идея?! Во всяком случае, специалисты библиотечной системы Барнаула ежедневно со всей полнотой ответственности выполняют возложенные на них обществом задачи.

24 мая в России отмечается День славянской письменности и культуры. Но если окинуть взором любой временной отрезок, да вот хотя бы последние полгода, то станет понятно, что в нашем городе мероприятия, посвященные русскому языку, проводятся с завидной частотой и регулярностью. В учреждениях Барнаула проходят круглые столы, выставки, курсы, фестивали, открываются языковые центры. И, конечно, краевая столица снова приняла участие в «Тотальном диктанте», который состоялся 16 апреля.

РУССКИЙ – НЕ ТОЛЬКО ПО ПРАЗДНИКАМ

Алевтина
Дегтярёва.

Фото из
архива
редакции.

ПРИВИВКА КЛАССИКОЙ

«Учителям трудно, но они продолжают нести знания в массы» — такими словами можно обозначить главную мысль круглого стола, прошедшего в конце февраля в Алтайском краевом институте повышения квалификации работников образования. Его тема — «О функционировании русского языка как государственного: язык рекламы, СМИ, интернет-общения». Приглашали высказаться всех желающих, но лучше всего это получилось у учителей русского языка и литературы. Да, сейчас учить детей этим предметам, пожалуй, основным для каждого россиянина, не в пример труднее, чем было раньше. Уровень языковой культуры учащихся, да и взрослых людей тоже, снижается. Этому способствует в первую очередь окружающая среда: телепрограммы со специфическим сленгом и невысоким уровнем юмора, вывески, в которых половина слова написана кириллицей, а другая — латиницей, ненужное изобилие аббревиатур, снижение интереса к чтению книг, низкий уровень грамотности в Интернете, где просиживает практически все взрослое и юное население страны.

Но кто-то Интернет ругает, а кто-то его использует во благо. Участники круглого стола не только сетовали и констатировали, но и предлагали способы повлиять на ситуацию. Например, Ирина Кочетова, учитель русского языка и литературы барнаульской школы № 132, уже в течение нескольких лет использует возможности социальной сети «ВКонтакте». «Социальные сети, — уверена она, — это не только то место, где безграмотно пишут, но и где учитель может ненавязчиво заставлять детей учить и повторять правила, давать ссылки на группы со стихами, выкладывать списки для чтения». Да и чтение классики никто не отменял. Елена Балакина, доцент АлтГПУ, считает, что «для развития языка нужно давать самые поэтические тексты, самые возвышенные идеи, а жизнь выведет на нужный уровень. Читая классику, ребенок, получает прививку высокой языковой культуры, и рано или поздно эта работа принесет свои результаты». Однако, изучая классику, не следует ее

препарировать, как тех лягушек, которых резал Базаров, классическая русская литература — это все-таки храм, а не научная лаборатория, — это мнение Виктора Торшина, автора учебных пособий по русскому языку.

Добавим, что учителя русского языка и литературы в этом году достойно проявили себя в ежегодных профессиональных конкурсах: одним из победителей конкурса «Педагогический дебют» стала учитель из Ярового Ольга Бойко, победителем краевого «Учителя года — 2016» — Татьяна Вершинина из барнаульской школы № 55. А у педагога, который стремится к высотам профессии и хочет преподавать свой предмет как можно интереснее, и учатся, как правило, охотнее и с лучшими результатами.

НА ЗЕМЛЕ, НА ВОДЕ И В ВОЗДУХЕ

В 2014 году «Тотальный диктант» обитатели планеты Земля писали только в двух стихиях — на земле и в космосе: член экипажа МКС Олег Артемьев писал под диктовку текст Алексея Иванова, находясь на орбите. В этом году диктант писали курсанты знаменитого барка «Крузенштерн», экипажи фрегата «Паллада», ледоколов «50 лет Победы», «Таймыр», «Ямал» и «Вайгач», а также пассажиры рейса Новосибирск — Москва на борту аэробуса А320. На земле же было организовано более двух тысяч площадок, десять из которых — в Барнауле.

Диктаторами на барнаульских площадках по традиции стали известные персоны, педагоги и филологи. Так, на площадке «Сбербанка» диктовал телеведущий Вадим Климов; в Шишковке — поэт Наталья Николенкова; в классическом университете — диктор телевидения, заслуженный работник культуры РСФСР Сергей Марков. В АКППРО читала Татьяна Вершинина, а в РАНХиГС — Елена Гергель, заместитель председателя комитета по социальной политике АКЗС.

Желающих написать диктант в Барнауле набралось около семисот. Как барнаульцы в целом справились с этой задачей, судить трудно, ибо организаторы диктанта решили обнаружить только количество

отличных оценок, их в нашем городе получили 15 человек. Об общем уровне грамотности помог бы судить процент четверок, но эту цифру организаторы решили не раскрывать. Наибольшее количество пятерок – тридцать – барнаульцы получили в 2014 году. В 2015-м отличников было только восемь, а в первые два года проведения акции в Барнауле (2011-м и 2012-м) ни один из писавших «ТД» пятерку не получил.

Напомним, что перед диктантом у барнаульцев была возможность подтянуть свои знания по русскому языку, посетив бесплатные вечерние лекции «Русский по средам». Их с 24 февраля проводили филологи классического университета.

«ВЕЛЬМИ» И «ПОНЕЖЕ»

Судить о том, каким был русский язык всего каких-то сто с небольшим лет назад, нам помогают книги, изданные в конце XIX – начале XX веков. В Алтайском краевом институте повышения квалификации работников образования готовят выставку старинных изданий, приуроченную ко Дню славянской письменности и культуры. Библиотекари обещают, что во время выставки, которая продлится несколько дней, с этими изданиями в читальном зале смогут познакомиться поближе и поработать все желающие.

Среди этих книг – преимущественно учебные и методические пособия, периодические издания для педагогической общественности, например, журнал «Семья и школа» 1881 года (журнал с таким названием, как мы помним, выходил и в советские времена), ежемесячный журнал «Русский начальный учитель» 1903 года, «Справочная книга по низшему образованию» и «Известия по народному образованию» 1905 года.

Среди прочих книг отметим «антропологический этюд» Петра Лесгафта, известного в дореволюционной России биолога, врача и педагога, в честь которого назван Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья в Санкт-Петербурге. Хранящийся в библиотеке института труд Лесгафта называется «Семейное воспитание ребенка и его значение», он был издан в 1890 году. И вот, к примеру, какой детской типологии предлагал придерживаться в конце XIX века Пётр Францевич:

«Соответственно этому и можно, повидимому (*пунктуация, орфография сохранены.*

– *Прим. ред.*), различать главным образом:

Тип лицемерный или имитационно опытный – мало-сознательный и не правдивый; 2) тип честолюбивый или рассудочно-чувственный, условно-правдивый; 3) тип добродушный – разумный и правдивый; 4) тип мягко-забитый или заласканный – мало-сознательный и соответственно правдивый; 5) тип злостно-забитый – более или менее сознательный, ожесточенно-чувственный, условно-правдивый; 6) тип угнетенный – сознательный и правдивый. Нормальный тип – разумный, последовательно-деятельный и правдивый».

Из других старинных изданий назовем сочинения Глеба Успенского в двух томах, изданные в 1889 году с портретом автора и вступительной статьей Николая Михайловского, а также «Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Том XVI. Западная Сибирь» (1907 год) под редакцией Вениамина Семёнова-Тян-Шанского, сына известного ученого Петра Семёнова-Тян-Шанского, не чужого барнаульцам человека. В 50-е годы XIX века Пётр Семёнов-Тян-Шанский направлялся в Среднюю Азию через ряд городов, включая Барнаул и Змеиногорск. В 1857 году ученый провел зиму в Барнауле, а весной снова отправился изучать Тян-Шань. В своих экспедициях на Тян-Шань Пётр Петрович сделал множество крупнейших открытий и часто оппонировал энциклопедисту Александру фон Гумбольдту.

РУССКИЙ ДЛЯ ВСЕХ

Благодаря своему географическому положению Барнаул также регулярно становится инициатором мероприятий по распространению русского языка и культуры на Восток. Так, в марте в техническом университете открылся центр китайского языка и культуры, в рамках которого планируется в том числе организация дистанционных курсов по русскому языку для студентов из Китая. В апреле в этом же вузе прошел трехдневный международный фестиваль русского языка для иностранных студентов «На языке дружбы». В нем приняло участие около трехсот студентов из двух университетов Китая и Монголии. Продвижение «великого и могучего» проходило вкупе с национальной кухней, танцами и ремеслами – участники фестиваля также постигали азы гжельской бело-синей росписи.

Барнаульская детская студия «Листик чистой правды» – еще совсем юное, но очень творческое объединение. На занятиях дети снимают первые настоящие мультфильмы, а в организованной при студии книжной мастерской учатся сочинять собственные книжки и изучают историю книги (а ей, этой истории, около пяти тысяч лет). Мультипликационные фильмы ребят уже становились лауреатами фестивалей.

Елена Ожич.

Мир нарисованный, живой

Фото из архива редакции.

О работе студии мы поговорили с ее педагогами и родителями маленьких мультипликаторов.

Олеся Андриевская, педагог:

– Мультфильм начинается с истории, со сценария. Но, как правило, записанных сценариев у нас нет, их заменяет раскадровка. Это разбивка всего сюжета по кадрам, которые мы схематично прорисовываем на бумаге. Обычно истории сочиняем все вместе, за общим столом. Придумать хорошую историю непросто. Иногда она придумывается сразу, а иногда постепенно (мультфильм ведь – дело долгое).

Занятия проходят в свободной обстановке. Единственное, что мы стараемся сразу пресечь, – это лень, грубость и баловство. Рисовать детей мы не учим, но если ребенок сомневается в своих способностях, то наша задача – сделать так, чтобы он сам убедился в обратном. Ведь все дети – прирожденные рисовальщики.

Антон Афанасьев, педагог:

– Мы начали заниматься с детьми чуть больше трех лет назад, учились всему сами. Не то чтобы сами все изобрели – мы смотрели, как работают другие. Их не так много. Например, студия «Да» из Санкт-Петербурга и детская киностудия «Поиск» из

новосибирского Академгородка. На наш взгляд, они достигли замечательных результатов, это что-то вроде двух самостоятельных, оригинальных, со своим стилем работы школ для детей. Среди мультфильмов этих студий встречаются самые настоящие детские шедевры – и по смыслу, и по исполнению. Можно назвать также студию «Мы есть!» из Минска: их «Лунная дорожка» – вещь большой пронзительной силы.

ПОБЕДЫ

В прошлом году мультфильмы студии завоевали два диплома. Фильм «Приключения птицелова Коли» занял второе место на Всероссийском конкурсе детской авторской анимации «Мульт-Горой» в Красноярске. А фильм «Бабочка и тигр» вошел в десятку победителей Международного открытого фестиваля детского экранного творчества «Чудо-остров» в Крыму.

РОДИТЕЛИ О «ЛИСТИКЕ ЧИСТОЙ ПРАВДЫ».

Яна Мальшева, мама Кости:

– Костя начал ходить на занятия мультстудии в шесть лет. Там его нескончаемый поток фантазий наконец-то был направлен в конструктивное русло – на создание анимированных историй. Дети сами придумывают сценарий, делают раскадровки, рисуют персонажей и фоны, раскладывают все перед камерой, двигают детали и затем озвучивают. А руководители студии Антон и Олеся помогают с техническими деталями и направляют эти лавины творчества. Иногда для съемок одного мультфильма формируются группы, иногда каждый делает свой проект. Все по желанию.

Первый мультфильм, в котором Костя принимал участие, был про птицелова Колю. Его часть была про саблезубого тигра. Он его придумал, нарисовал, снял и озвучил. Потом он делал мультфильм про пирата, попавшего на необитаемый остров – «Как меня выбросило на Буян». Занятия проходят по воскресеньям, так что один учебный год как раз уходит на изготовление одного мультфильма.

Я вижу, что сын нашел единомышленников, это очень ценно по нашим временам, когда дети, по сути, изолированы, они мало общаются со сверстниками вне школы. Ребята понимают, что такое проектная работа, — она требует усилий, долго длится, а временами надо пересиливать свою лень и доводить дело до конца, иначе не будет интересного результата.

Ксения Островская, мама Макара:

— Это большая удача, что мы туда попали. До того как познакомились с Олесей и Антоном, сын буквально бредил мультфильмами *Angry birds*, засматривал на Youtube ролики с аккаунта мальчика Эвана, который делал небольшие домашние видео с участием пластилиновых фигурок, и сам хотел создавать подобные мультфильмы. Мы даже пробовали делать домашние мультики из его рисунков, но процесс оказался трудоемким и не очень результативным. Другими словами, нам нужны были специалисты в этом деле, и мы их нашли, когда случайно пришли с Макаром на просмотр детских мультфильмов от студии «Листик чистой правды».

Макар занимается в студии второй год. За это время, конечно, изрисовали кучу бумаги, поменялся целый набор мультяшных кумиров, но на занятия он ходит с удовольствием. Мне нравятся Олеся и Антон, их бескомпромиссная, но априори правильная позиция — «Мы делаем авторские мультики!». И действительно, в «Листике» дети создают оригинальные мультфильмы, начиная с идеи, сюжета и заканчивая озвучиванием и титрами, используют свою личную или коллективную фантазию. Я не видела в этих фильмах ни человеков-пауков, ни розовых единорогов, ни фей Винкс (и слава богу!), а вот потрясающе-самобытных персонажей, проживающих на экране какие-то маленькие забавные истории, следить за которыми можно только с открытым ртом, — вот это есть. В семь лет научиться созидать свой собственный живой мир — это дорогого стоит. Когда мы показываем мультфильмы Макара друзьям и знакомым, они, как правило, от удивления делают большие глаза, а сам Макар сияет от радости, как новенький пятак. Вот за эту радость — спасибо «Листик»!

Как меня выбросило на Буян (сценарий-сказка Кости Марчука, 7 лет)

ГЛАВА 1

Однажды я потерпел крушение, и меня выбросило на остров Буян. И там я встретил попугая. Попугай посмотрел на меня и очень удивился. Он никогда не видел человека. Я тоже посмотрел на попугая и от удивления чуть не задохнулся. У попугая были большие глаза. И почему-то синие. Попугай испугался: я показался ему страшным.

ГЛАВА 2

Попугай полетел к большим часам, которые стояли в середине леса. Я подумал, что он хочет куда-то отвести меня. Но я ошибался. Оказывается, он хотел улететь к себе в дупло. И когда он хотел перелететь через реку, крокодил выпрыгнул и съел попугая. Я решил перелететь на лиане, и, когда я летел на лиане, крокодил съел меня.

ГЛАВА 3

С тех пор и говорят: не путешествуй по местам, которых не знаешь.

Конец.

С творчеством участников студии

*«Листик чистой правды» можно познакомиться по адресу:
<http://sverchi.wix.com/listik>.*

ЦИТАТЫ ИЗ МУЛЬТФИЛЬМОВ «ЛИСТИКА ЧИСТОЙ ПРАВДЫ»

«Жили на свете пингины. Жили они холодно и счастливо».

«А теперь мы расскажем, как это было и почему в здании под шпилем нет лифта».

«Война началась не в тот день, а лучше бы она совсем не началась».

«Сегодня в Барнауле большая жара... В Москве будет снег — не повезло им».

«Давным-давно в Барнауле жил Иван Ползунов. Он очень любил изобретать и мастерить, а все думали, что он колдун и знает с нечистой силой».

«Это самый главный ангел — ангел сердца. Он посещает людей, когда кто-нибудь рождается или умирает. У него есть волшебное зеркало, которое подсказывает, какое событие сегодня произошло и какой костюм надевать».

— О, сегодня кто-то родился! Интересно, кто? Не забыть бы взять букетик...».

СИБИРЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ: КЕМЕРОВО

Беседовал Владимир Токмаков.

«ПОСЛЕ 12» – ВДОХ ПОСЛЕ ВЫДОХА...»

В Кемерове издается один из лучших в стране журналов поэзии «После 12». В нем регулярно публикуются и поэты Алтая. Как все начиналось, о целях и задачах издания мы попросили рассказать его главного редактора Наталью Ибрагимову.

– В 1993 году в Кемеровском государственном университете начала работать литературная студия «Творческая мастерская «А3», руководителем которой стал вернувшийся из Томска поэт Александр Ибрагимов. На первом занятии присутствовали два поэта – Ибрагимов и студент-математик Дмитрий Мурзин. Но уже через год «Мастерская «А3» становится поэтической Меккой Кузбасса. Здесь встречаются и читают свои стихи Андрей Правда, Наталья Останина, Алексей Гамзов, Алексей Петров, Наталья Мурзина, Андрей Пятак, Сергей Быков, Евгений Казаков. Сюда заходят пообщаться Макс Уколов, Александр Горбатенко и Сергей Самойленко. К нам приезжают поэты из Новокузнецка, Новосибирска, Томска и Алтая... В 1995-м «Мастерская «А3» проводит первое в Сибири поэтическое состязание – королем поэтов выбирают Макса Уколова.

Такая концентрация ярких и самобытных поэтов не могла не привести к созданию своего литературного журнала. Первый номер вышел в августе 1995 года – это был первый глянцевоый журнал в Кузбассе. Деньги на издание дали местные бандиты – ими были все «удачливые» предприниматели 1990-х. Своими компьютерами обзавелись через пару лет – на деньги Сороса. Первые десять лет журнал кормили ноги главного редактора: «После 12» жил и издавался только благодаря новым русским, которые в годы рыночной романтики

деньги на поэтов не жалели. Журнал распространялся автостопом и его зачитывали до дыр...

Название придумал Александр Ибрагимов. Поэтам понравилось: 12 – число сакральное. В нем и «золотое сечение», и крест с Троицей, и 12 месяцев, и 12 апостолов, и поэма Блока «Двенадцать»... «После 12» – это рывок в новое: начало после конца, вдох после выдоха, жизнь после смерти... «После 12» аккумулирует энергию катастрофы для выхода в новое пространство – пространство творчества...

Собственное лицо обрели благодаря талантливому кемеровскому художнику Ольге Помыткиной – «Мастерская «А3» затягивала в свою орбиту не только литераторов, но и художников. Ольга рисовала много, с азартом, пером и тушью на рыхлой небеленой бумаге. Рисунки создавались для каждой публикации отдельно, нам же оставалось только нахально выбирать лучшее из лучшего. Журнал верстался в комнате, где шли занятия «Мастерской», и каждый поэт мог высказаться и повлиять на решение верстальщика. С тех пор так и повелось – макет «После 12» создавался не столько верстальщиком, сколько определялся вкусами редакции. И главный редактор, как главный раб журнала, оказался поэтически прикован не только к содер-

жанию каждого номера, но и к дизайну. До сих пор каждая страница создается на пару — главным редактором и верстальщиком. Распечатанный макет обязательно отдается на суд взыскательных друзей, и все, что «вылезает» или хоть в какой-то степени раздражает, обязательно передуется, и не раз. В утрашающем стремлении к совершенству наш верстальщик Андрей Торошин способен умирить любого. Два миллиметра вправо или влево — самый обычный предмет нашей с ним ссоры. После верстки я недели две способна только подписывать конверты и клеить марки...

— Как осуществляется издание, кто его делает, какие трудности испытываете, где находите средства, кто помогает? Есть ли взаимопонимание с властями? Не было ли конфликтов с конкурирующими фирмами — другими кемеровскими литературными изданиями?

— В 2014 году «После 12» сменил учредителей: вместо КемГУ нашим новым учредителем стал Дом литераторов Кузбасса, и у нас наконец-то отпала необходимость из года в год доказывать целесообразность издания профессионального журнала поэзии. Десять лет редакция получала небольшие бюджетные деньги от Департамента культуры области, которых хватало на оплату типографских расходов. В этом году бюджетное финансирование существенно сократили, так что вся надежда — на «Роспечать», которая нас поддерживает уже не первый год.

Открытый конфликт с местными литераторами случился лишь однажды, в 2011-м, когда один из кемеровских поэтов обнаружил в журнальной публикации молодого новокузнецкого автора ненормативное словцо, самое, надо сказать, безобидное. Каемся — пропустили. Тут же организовалась группа активистов, которая начала строчить кляузы во все инстанции: в Департамент культуры, депутатам, в областной совет пенсионеров. Писатели клеймили нас на заседании Общественной палаты, с трибуны областной литературной конференции. Почти полгода редакция вынуждена была отбиваться от клейма апологета нецензурной брани во всех казенных зданиях, что стоят на площади Советов. Слава богу, чиновники отнеслись к нам с пониманием: пожурили и жить оставили.

Что касается областного литературного журнала «Огни Кузбасса», то мы как-то удачно разошлись по интересам. «ОК», на наш взгляд, издание семейное и консервативное, на его страницах художественной прозы и публицистики на порядок больше, чем поэзии. У нас же — ниша другая: только поэзия, авторская и читательская аудитория — более молодая и радикальная.

— Как осуществляется подбор авторов? Есть ли у вас предпочтения?

— Рукописи новых авторов нам рекомендуют, как правило, члены творческого совета и постоянные авторы нашего журнала — никакого самотека. Предпочтение одно — поэзия. Но... поэзия должна быть живой, а живой ее делает образ. Именно через образ поэзия наполняется энергией жизни и ее большими смыслами. Есть стихи, и есть поэзия. Поэзия — живой огонь стиха. Стихи без поэзии — лишь форма, конструкция.

— Занимаетесь ли продвижением издания в Сети? Многие эксперты считают, что большинство бумажных изданий в ближайшее время полностью перейдет в Интернет?

— А вот с Интернетом у нас — провал. Уже три года живем без своего сайта — потеряли в период гонений, смены учредителей и безденежья. Надеемся, что к лету сайт все же появится.

Нагнетаемый пессимизм в отношении судьбы печатных изданий — надуманный. Бумажная книга требует больше ответственности, в нее вкладывается большой труд редакторов, корректоров, верстальщиков, художников, фотографов, дизайнеров. По большому счету книга тоже произведение искусства, культурная ценность. У нее есть стоимость. Интернет — это информация, у которой нет теплоты и энергии вещества. Книга — овеществленное время. У нее есть запах, ее можно без конца перечитывать, рассматривать, хранить дома, дарить. В конце концов книгу можно гладить, любить и хранить под подушкой. Можно читать с фонариком под одеялом... Какие сомнения?

— Сегодня в России два наиболее известных журнала поэзии: ваш и московский «Арион». Что вам в столичном издании нравится, что нет? Не хотите ли вы по примеру «Ариона» усилить раздел критики и эссеистики?

— В «Арион» я влюблена с момента знакомства, уже несколько лет. Дружу с Дмитрием Тонконовым, была на праздновании двадцатилетия «Ариона». Именно пример лучшего российского журнала поэзии вдохновил нашу редакцию окончательно порвать с прозой и прочей не-поэзией. Критика у них потрясающая, на ней мы и учимся. Усилить раздел критики — наша мечта, и, если находим нового интересного автора, у нас праздник... Но умный и тонкий критик — птица в провинции редкая. В Кемерове я знаю лишь двух, кто способен написать о поэзии глубоко и точно — это Алексей Баранов и Елена Климанова. Был и третий, вернее, первый — Юрий Юдин, но вот уже полгода, как он с семьей перебрался в Питер.

Александр
Ибрагимов.

СГОРАЮЩИЙ МОСТ

ВОСПОМИНАНИЕ

*И снова сентябрь... и кажется, что всё
это было...*

*В пустынном неводе осени горят журавли.
И смех отчетливый... и глина осыпается
с обрыва,*

*И в закружившуюся реку лошади забрели.
И тишина над черным предчувствием
пашины.*

*И дымы от костров тянутся вверх —
Высоко! И не слышно себя... даже страшно.*

*И на обрыве порхает осенней бабочкой
смех.*

*И лошади заходят против течения нето-
ропливо,*

*Изломанно ноги переставляя в реке.
И снова смех... и глина сползает с обрыва,
И ворон с дерева нырнул невдалеке.*

*И кажется, этот сентябрь — только от-
блеск*

*Сентября, где каждый до рожденья бы-
вал...*

*И мальчик заблудившийся, услышав оклик,
Долго смотрит в небо, не понимая: кто
же позвал?*

***

*Шемящая чашка осталась от брата —
Шемящая чашка из глины заката.
Я в чашку отжал виноградную гроздь
Мерцающе-крупных кладбищенских звезд.*

*Насколько хватило дыханья и сил,
Я слезы родные из чашки отпил.*

*И чашку поставил на кухонный стол,
И хлебную крошку счастливо нашел.*

*К окну подошел и глядел виновато
В забытую чашку из глины заката.*

ОЗЕРО-КОПЫТЦЕ

*Загляну в живое зеркальце озера,
В зеленоватую воду —
там жуки-плавуны.*

*И вижу облачность своего лица
Из небесно-озерной моей глубины.*

*Метнется синемолниевая стрекоза,
Но воздух сознания прозрачно неуязвим.
И мои глаза изучают мои же глаза,
И кажется, что я не один — а с ним.*

*С кем? — я не знаю пока еще:
В сознании воздуха — тени от облаков,
И он заглядывает через мое плечо
Нестерпимыми вспышками зрачков!*

*Это же солнце в зеркальце озера!
Закрою глаза... — в них жуки-плавуны
Ныряют — огненные —
в глубину моего лица,
И зеленоватые травы восходят
из глубины.*

***

*Заавгустели облака.
В прохладных отмелях река.*

*Как после необъятной кражи,
Пустынны и просторны пляжи.*

*И посреди Томи рыбак
Уже не объясним никак.*

БЕЗ ЕДИНОГО ОБЛАКА ДЕНЬ

Без единого облака день —
    это в рай приоткрыто окно.
Золотая осенняя тень или лень —
    мне уже все равно.

Одуванчик заката вот-вот
    в золотистой лазури сгорит.
И жена в поцелуе замрет
    и с обрыва на город глядит.

И еще ни единой звезды и ни облака —
    только закат.
И струятся павлиньи хвосты
    и над городом тонко сквозят.

Холодок-ветерок налетел,
    а лазурь зеленым-зелена.
Я увидеть такое хотел,
    и чтоб рядом стояла жена.

Одуванчик заката погас,
    только воздух лучится вдали,
А пушинки сияют на нас,
    будто ангелы свет подмели.

И Томи предзакатный изгиб,
    словно ртуть голубая, разлит.
Чешуей нерестающихся рыб
    Млечный Путь на востоке сквозит.

Потемнела земля, как овраг,
    только дивно горит окоём,
Только тени вороньих ватаг проплывут
    над разлитым огнем.

Одуванчик пропал за рекой,
    а пушинки горят на лету —
Каруселью тоски городской,
    карамелькой медовой во рту.

Отраженно-сгорающий мост,
    словно бусы, дрожит над рекой.
Одуванчик мерцающих звезд
    уже можно потрогать рукой.

А дневное сиянье стоит
    по всему окоему Земли.
И в душе не сгорает-горит то,
    что ангелы там подмели.

Твои бусы дрожат на груди,
    как сверкающий мост без перил.
А у нас еще всё впереди —
    я всегда тебе так говорил.

Небосклон, как пречистый алмаз,
    без единого облака ночь.
Это Бог открывает для нас,
    что самим нам придумать невмочь.

Александр Ибрагимов родился в 1947 году в деревне Спиченково Кемеровской области. Выпускник филологического факультета Кемеровского государственного университета. Член Союза писателей России. Лауреат региональной литературной премии имени А.Н. Волошина (2009), лауреат Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского за создание книги «Собор стихов» (2005). Автор книг стихов: «Буквы одуванчика» (1976), «Пусть будет каждому любовь» (1983), «Тело судьбы» (1990), «Моя трава зеленоглазая» (1994), «Это лето всех лет» (1997), «Крест русского четверостишья» (2002), «Белый квадрат. Поэт о поэте» (2007), «Избранные стихи: 1966–2011» (2012), «Космоязычие» в двух томах (2015). Руководитель литературной студии «Мастерская «А3» (1993–2015). Литературный редактор журнала поэзии «После 12» с момента его создания. Живет в Кемерове.

В апреле галерея «Республика Изо» представила публике сразу четыре выставки. Одна из них, с названием «Лирика будней», выделялась не только ярким колоритом, но и бесшабашными сюжетами. Отметим лишь некоторые: праздничные гулянья на День ВДВ, попытка ареста китайского дракона полицейским, новогодний застольный угар с плясками на столе. Для автора это первая персональная выставка, а для нас – хороший повод рассказать о молодом художнике-«неформале» из Барнаула.

Александр
Рыжов,
искусствовед.

ЛИРИКА БУДНЕЙ И ПРАЗДНИКОВ В КАРТИНКАХ

Кристина Домбровская обладает удивительным талантом извлекать разнообразный творческий материал из области повседневного. Автор одинаково отзывается и на звонкий голос улиц, и на интимный шепот домашнего интерьера.

«Смотреть по сторонам и запоминать, что трогает» – таким правилом в первую очередь руководствуется Кристина. Художник отмечает, что заинтересовать ее может что угодно: «красивый графический ритм теней, зеленые помидоры в тазу или тетя в цветастых лосинах на фоне ярко-желтого жигуленка».

Кристина – дизайнер по образованию (выпускница АлтГТУ). На данный момент ее вполне устраивает статус художника-графика. Свои работы она любит называть картинками. В арсенале у художника сразу несколько исполнительских техник: Кристина режет линогравюры, пишет акварелью, темперой, фломастерами.

Кстати, рисунки фломастером на местных выставках встречаются очень редко, поэтому пейзажная серия «Ая» выглядела в экспозиции достаточно оригинально. С пейзажным жанром у Кристины Домбровской особые отношения – раскидистым панорамам художник предпочитает укромные уголки. Именно поэтому камерные пейзажи Домбровской окутаны атмосферой уюта, они действительно прочувствованы художником.

Одной из любимейших техник в творчестве Кристины Домбровской является аппликация (нужно отметить, что на выставке аппликации заметно преобладали). Часто аппликация воспринимается как детское занятие. Однако в прошлом к аппликации обращались многие художники, в том числе и великий Анри Матисс, а другой француз, Анри Руссо, стилизовал под нее свою живопись.

В аппликации Кристине нравится работать с «готовым» цветом, это позволяет автору сосредоточить внимание на компоновке форм. Аппликационные картинками Домбровской отличаются сложной композицией и яркими контрастными сочетаниями.

Художник любит использовать прием

контраста и на сюжетном уровне. В творчестве Домбровской постоянно переплетаются темы «будней» и «праздников». При этом в своих произведениях автор может уловить что-то фееричное в обыденном, и, наоборот, что-то типично-будничное в праздничном (например, салат оливье на новогоднем столе).

«Бытовая» лирика, по признанию автора, обладает терапевтическим эффектом: «Мне кажется, наши повседневные действия пронизаны особой поэтикой, и когда ее замечаешь в происходящем вокруг, то жить становится как-то приятнее. В общем, я клею и режу картинки про то, что вокруг полно музыки и поэзии, пусть даже ничего не слышно и строчки на концах не рифмуются».

Творчество Домбровской выделяется мягким юмором, беззлобной иронией, которая смягчает угрюмое давление повседневной рутины на жизнь и художника, и зрителя. Сама Кристина – человек жизнерадостный, умеющий наслаждаться тем, что дано.

Нельзя пройти мимо успехов художника в творческих конкурсах. Кристина стала призером на международном смотре-конкурсе выпускных квалификационных работ в Баку. В 2015 году работы Домбровской были отмечены дипломом на межрегиональном фестивале молодежного искусства «Аз.арт. Сибирь».

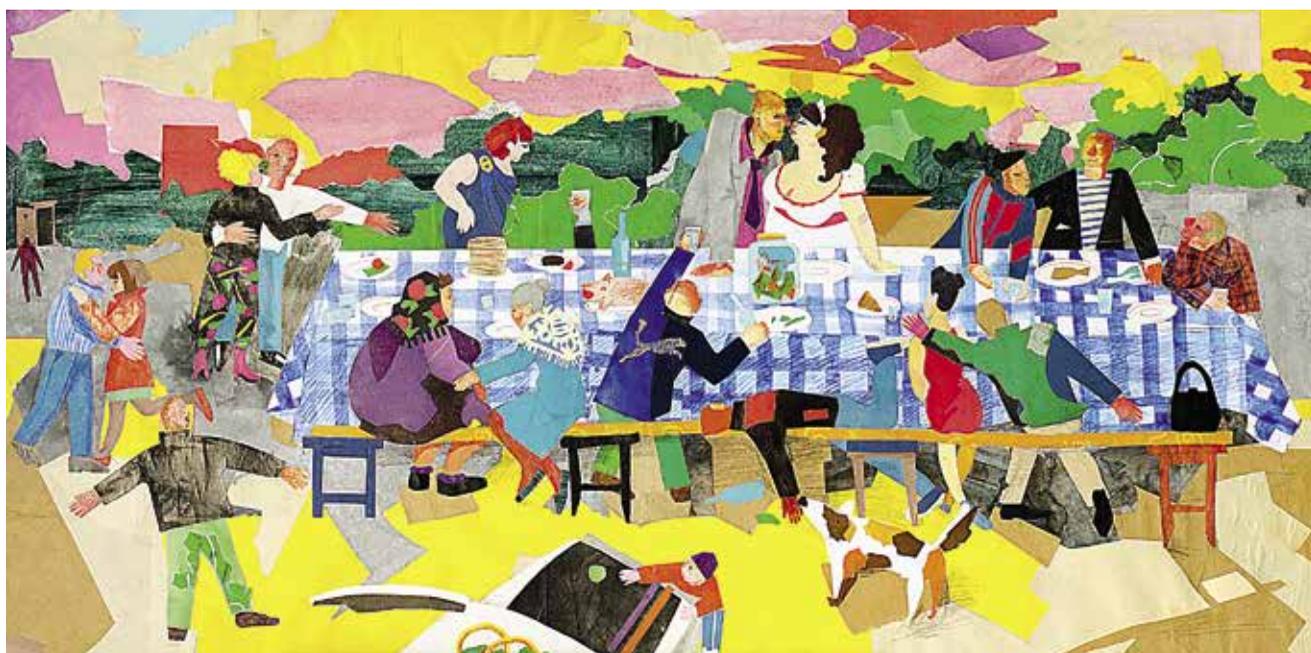
Впрочем, Кристине чуждо чувство конкуренции с другими художниками: «Если соревноваться, то только с собой – каждый раз стараться делать лучше, чем было сделано вчера».

Сохранять творческий тонус Кристине Домбровской помогают систематические упражнения в быстром карандашном рисунке. С 2015 года Кристина является координатором барнаульского «Кружка экстремального рисунка обнаженной натуры» (сокращенно «К.Э.Р.О.Н»), устраивающего свои встречи еженедельно.

Отметим, что экспозиция выставки была доукомплектована двумя бельевыми веревками с деревянными прищепками, которые держали элегантные рисунки в жанре ню. Сразу как бы и лирика, и будни.

Кристина Домбровская. «Будни». Бумага, коллаж, 36 х 27 см, 2012 г.

Кристина Домбровская. «Свадьба». Бумага, коллаж, 100 х 50 см, 2015 г.

